

ГРОВЕ.

ХОЛОДНЫЙ

КАВКАЗЪ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРИРОДА И ЛЮДИ».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
Б. Подъяческая, № 39.
1879.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 мая 1879 г.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введение.

Путешествие въ Тифлисъ и Кутаисъ.

СТРАН.

Одесса.—Путешествіе оттуда въ Крымъ и вдоль Крымскаго берега.—
Керчь.—Восточный берегъ Чернаго мора.—Земля Черкесовъ.—Абхазія.—
Сухумъ-Кале. — Въ виду Эльборуса.—Мингрельскій князь.—Поти.—
Рѣка Ріонъ.—Нашъ переводчикъ Павелъ Бакуа Ципіа.—Желѣзная
дорога отъ Поти.—Мертвый лѣсъ.—Кутаись.—Гори.—Тифлісъ.—Дѣя-
тельное участіе русскихъ властей въ нашемъ предполагаемомъ путе-
шествіи.—Отчего намъ хотѣлось встрѣтить русскаго офицера у по-
дошвы Эльборуса—Очеркъ предполагаемаго путешествія.—Цлемя, насе-
ляюще западную часть Кавказа — Магометане и христіане.—Настоящая
граница Европы къ юго-востоку.—Обратное путешествіе въ Кута-
ись.—Разсказъ о принцѣ - разбойнику.—Карликъ, говорящій всегда
правду.—Приключеніе съ разбойникомъ.—Все готово къ путеше-
ствію въ горы.—Русская карта Кавказа

1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В е р х н і й Р і о н ь.

Путешествие из Кутаиса. — Рионь. — Тзители, или Краевая река. — Монастырь. — Гелати. — Видимое спокойствие страны. — Мамисоновъ проходъ. — Мѣстность Тквибула и доброизравные ея обитатели. — Сотчорское ущелье. — Таинственная река. — Деревня Никордмinda. — Развалины замка. — Долина Верхнаго Риона. — Деревня Сори и ея священникъ. — Деревня Утсора. — Больше дикая мѣстность — Геби; ея мѣстоположение и

II

СТРАН.

населеніе.—Странствованія жителей Геби по Кавказу и ихъ умѣніе торговаться.—Кавказское краснорѣчіе.—Деревенская сходка.—Школьный учитель.—Наше отправлениe изъ Геби.—Невѣрный путь, которымъ мы слѣдовали съ утра.—Долина Цопкетири.—Краснорѣчіе жителя Геби.—Переходъ черезъ кряжъ.—Лѣсъ рододендроновъ.—Невзгоды.—Остановка близъ Риона

29

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Долина Верхняго Риона.

Истокъ Риона.—Переходъ черезъ главный кряжъ.—Сиѣгъ и туманы. —Наши спутники.—Провалы въ глетчерахъ.—Двое жителей Геби и ихъ быкъ.—Переходъ скота во проходомъ въ глетчерахъ.—Большіе глетчера у верховья долины Терека.—Сторожъ табуновъ и стадъ.—Магометанскій предразсудокъ.—Охотникъ на козъ.—Спускъ въ долину.—Величіе горъ, окружающихъ ее.—Долина Дихъ-Су.—Большое ледяное поле.—Восхожденіе по лѣвому его склону.—Обширная система глетчировъ.—Снова дурная погода.—Вечеръ въ сторожкѣ.—Спускъ по долинѣ къ Куниму.—Кавказскія жилища.—Холодный пріемъ.—Его причина.—Дальнѣйшее путешествіе во долинѣ.—Величественный полетъ орловъ.—Счастливое избавленіе отъ опасности.—Ущелье Терека.—Возвращеніе въ Кунимъ.—Любопытство жителей Кавказа.

54

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Деревня Безинги и группа горъ Каштанъ-Тау.—Кавказскія цѣны.—Оправлениe изъ Кунима.—Мѣстоположеніе деревни Безинги.—Кавказскія собаки.—Неожиданный спутникъ.—Прибытие въ Безинги.—Затрудненіе относительно добыванія пищи.—Любопытство поселенцъ.—Невидимая княгиня.—Одинъ день просроченъ по случаю дурной погоды.—Путешествіе къ глетчуру Урбаци.—Прекрасное мѣсто остановки вблизи глетчера.—Пикъ Дихъ-Тау.—Прогулка по глетчуру.—Прелестная ледяная долина у его вершины.—Пикъ Тау.—Тетнульдъ.—Гряда скаль Джанга и вершина Каштанъ-Тау.—Разсужденіе о возможности подняться на пикъ Каштанъ-Тау.—Тетнульдъ повидимому достученъ.—Холмъ, возышающейся къ сѣверо-востоку отъ пика Каштанъ-Тау.—Гора Дихъ-Тау и Безымянный пикъ.—Снова дурная погода.—Невозможность поэтому пройти черезъ главный кряжъ въ Сванетію.—Обратное путешествіе къ мѣstu остановки и возвращеніе въ Безинги

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Деревня Чегемъ и ущелье Джилки-Су.

СТРАН.

Отправление изъ деревни Безинга.—Невидимая княгиня.—Путь къ долинѣ Чегемъ.—Сходство его съ Большимъ Шейдегомъ.—Поражающей видѣя входа въ глубокое ущелье.—Привѣтливый старшина.—Деревня Чегемъ.—Пріемъ, оказанный намъ въ этой деревнѣ.—Старшны увѣдомлены о нашемъ прибытіи генераломъ Лорисъ-Меликовымъ.—Любопытство жителей Чегема.—Описаніе пріема, обыкновенно оказываемаго путешественникамъ кавказскими старшинами.—Отсутствіе всякихъ попытокъ къ пріобрѣтенію подарковъ.—Ущелье Джилки-Су.—Снова дурная погода.—Коза, пойманная живою.—Житель Геби.—Бесѣда съ недовольнымъ кавказцемъ.—Сомнѣнія относительно справедливости жалобъ

94

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Путь изъ деревни Чегемъ въ долину Баксана. Альпійскіе и Кавказскіе виды.

Отправление изъ Чегема.—Положеніе гостей старшины на Кавказѣ.—Характеръ страны за долиною Чегемъ.—Сравненіе альпійскихъ видовъ съ кавказскими.—Ферма.—Любопытные путешественники.—Вершина прохода.—Пикъ Коанта-Гленъ.—Долина Баксана.—Деревня Осроково.—Затрудненіе относительно пріобрѣтенія пищи и помѣщенія.—Краснорѣчие жителя Геби

105

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деревня Урусбіева.

Прогулка по долинѣ Баксана.—Сильный дождь.—Быстрая перемѣна погоды.—Радушный староста.—Прибытие въ деревню Урусбіеву.—Хорошо вентилированный домъ.—Деревенскій староста.—Его заботы о гостяхъ.—Старший и наиболѣе значительный братъ.—Кавказскій этикетъ.—Угощеніе.—Пища и способъ ея приготовленія въ сѣверо-западной части Кавказа.—Восхожденіе на холмъ позади деревни Урусбіевой.—Долина Адуль-Су и Квирика.—Отсутствіе уруслійскихъ князей.—Сынъ и наследъ .

никъ Измайлъ.—Восторгъ поселянъ при видѣ карандаша.—Охотникъ Сотасвъ Axia. — Восхожденіе на пикъ Тау-Сультра. — Axia боится снѣга.—Видъ съ вершины Тау-Сультра-Эльборусъ.—Гора Учъ-Ба, двуглавый Маттергорнъ.—Разсказъ, выдуманный сванетами.—Возвращеніе въ Урусбіеву.—Свадебная увеселенія 119

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Восхожденіе на Эльборусъ.

Долина Адуль-Су.—Axia и молодой Измайлъ.—Необходимость предпринять путешествіе къ Эльборусу ранѣе, чѣмъ мы предполагали.—Время, потребное на это предпріятіе. — Минги-Тау — настоящее имя горы.—Рѣшимость старосты отправиться съ нами.—Затрудненія при заготовлении запаса провизіи.—Неудобства относительно прислуги на Кавказѣ.—Прогулка по долинѣ. — Напрасная тревога. — Остановка въ лѣсу. — Видъ обоихъ пиковъ Эльборуса изъ боковой долины.—Проходъ въ Карабайскую страну.—Дикая коза, высаженная Axiemъ.—Восхожденіе на нагорную равнину на склонахъ Эльборуса.—Прибытие охотника съ письмомъ отъ русскихъ офицеровъ.—Разрѣшенное затрудненіе.—Гора Тенгесорунъ.—Закатъ солнца съ мѣста нашей остановки.—Путешествіе къ вершинѣ.—Относительное положеніе обоихъ пиковъ горы.—Обширные сибирские склоны. — Восхитительный восходъ солнца. — Холмъ, возвышающійся между обоями пиками.—Послѣдний склонъ западной вершины.—Никъ, на который Фрешфельду удалось подняться въ 1868 году, оказывается восточнымъ пикомъ.—Потухшій вулканъ.—Сомнѣніе относительно действія разрѣженного воздуха.—Вершина и видъ оттуда 137

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возвращеніе въ Урусбіеву.—Характеристика кавказцевъ.

Спускъ съ Эльборуса.—Предположеніе Мура подняться на эту вершину на слѣдующій день съ русскими офицерами.—Спускъ въ долину.—Страсть кавказцевъ къ болтовѣ.—Вечеръ послѣ восхожденія на гору.—Возвращеніе въ Урусбіеву.—Князь Магомедъ.—Характеристика кавказцевъ.—Сравненіе ихъ со швейцарскими проводниками въ отношеніи силы и выносливости.—Кавказская одежда.—Возвращеніе русскихъ офицеровъ и Мура.—Ихъ путешествіе на Эльборусъ.—Разсказъ князя Магомеда о громадномъ лѣсѣ.—Его мѣстонахожденіе.—Щекотливый вопросъ между нами и нашими хозяевами.—Прощанье съ ними. 159

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Зеленая страна къ сѣверу отъ Эльборуса.

СТРАН.

Отправление изъ Урусбіевой.—Безполезная лошадь. — Долина Квирика. — Дурная погода.—Странная долина. Пастухи.—Кавказскія собаки.—Первобытная палатка.—Горкій хлѣбъ составляетъ роскошь. — Мѣсто ночевки.—Путешествие на слѣдующее утро.—Истоки Малки. — Орлы.—Вулканическія горы.—Громадный склонъ къ сѣверу отъ Эльборуса.—Солнечный источникъ.—Прощанье пашего спутника изъ Купима.—Религіозное чувство жителя Урусбіевой.—Вершина у конца склона.—Исчезновение тропинки.—Долина Худесь-Су. — Оставленная хижина 175

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Прелестная ровная возвышенность. — Жадные пастухи. — Долина Кубани.—Деревня Эль-тюбе.—Положение Учъ-Кулана.—Холодный пріемъ старости. — Русскій писарь. — Переимѣна въ отношеніяхъ старости.—Мѣстное пиво.—Попытка достать проводниковъ къ Накгарскому перевалу.—Неудачное предложеніе.—Непомѣрные запросы.—Трудное положеніе. — Прибытие русскаго полковника. — Свадебное пиршество въ Учъ-Куланѣ.—Проводники, найденные для пасъ старостою.—Отвѣтственность старости передъ окрестными поселенами въ денежномъ отношеніи.—Отправление изъ Учъ-Кулана.—Точность въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ.—Слишкомъ ранняя остановка. — Споръ изъ за козы. — Гибель проводниковъ изъ Учъ-Кулана 186

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

**Накгарскій проходъ, Клухорская и Кодорская долины.—
Послѣдній переходъ.**

Кавказская медлительность. — Накгарскій проходъ. — Видъ съ вершины.—Южная сторона.—Большая перемѣна.—Клухорская долина.—Прелестные лѣса.—Спускъ долины.—Необыкновенно величественный видъ.—Водопадъ.—Минеральный источникъ.—Кодорская долина.—Джонъ Мондевиль и его разсказъ объ облакѣ, скрывшемъ Персидскаго императора и его свиту.—Уединенность Кодорской долины.—Замѣчательное плодородіе.—

Могилы кубанскихъ воиновъ.—Рѣка Чхалта.—Безпечность нашихъ спутниковъ.—Лагерь инженеровъ.—Прощанье съ жителями Учъ-Кулана.—Ихъ равнодушіе къ продолжительному посту.—Очаровательный видъ долины.—Другой лагерь.—Лата.—Зараженный воздухъ.—Прогулка въ Цебельду.—Положеніе селенія.—Партія изслѣдователей.—Путь изъ Цебельды въ Сухумъ-Кале.—Греческое селеніе на берегу Келасуръ.—Неувѣренность въ пути.—Страшная жара.—Размышенія по поводу путешествія по Кавказу.—Долины восточной Абхазіи.—Заключеніе . . 202

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ХОЛОДНЫЙ КАВКАЗЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Путешествие въ Тифлисъ и Кутаисъ.

Одесса.—Путешествие оттуда въ Крымъ и вдоль Крымскаго берега.—Керчь.—Восточный берегъ Чернаго моря.—Земля Черкесовъ.—Абхазія.—Сухумъ-Кале.—Въ виду Эльборуса.—Мингрельскій князъ.—Поти.—Рѣка Ріонъ.—Нашъ переводчикъ Павелъ Бакуа Шипіа.—Желѣзная дорога отъ Поти.—Мертвый лѣсъ.—Кутаисъ.—Гори.—Тифлисъ.—Дѣятельное участіе русскихъ властей въ нашемъ предполагаемомъ путешествіи.—Отчего намъ хотѣлось встрѣтить русскаго офицера у подошвы Эльборуса?—Очеркъ предполагаемаго путешествія.—Племя, населяющее западную часть Кавказа.—Магометане и христіане.—Настоящая граница Европы къ юго-востоку.—Обратное путешествие въ Кутаисъ.—Разсказъ о принцѣ - разбойнике.—Карликъ, говорящій всегда правду.—Приключеніе съ разбойникомъ.—Все готово къ путешествію въ горы.—Русская карта Кавказа.

Одесса славится своею пылью. Существуетъ преданіе, что въ прежнія времена сильные вѣтры подымали столь густыя облака этой пыли и распространяли ихъ на такое значительное разстояніе, что суда, входившія въ портъ, не могли видѣть ни гавани, ни зданій, и недоумѣвали какимъ образомъ берегъ, вмѣстѣ съ Одессой и ея жителями, могъ быть мгновенно поглощенъ Чернымъ моремъ. Мощеніе улицъ отчасти уменьшило это зло; но въ немощенныхъ предмѣ-

стяхъ, по-прежнему подымаются пыльные облака, которыя 23 июня 1872 года достигли ужасающихъ размѣровъ около станціи желѣзной дороги, въ то время, когда поѣздъ отъ границы высадилъ насъ, среди сновавшей толпы русскихъ крестьянъ, на узкую платформу. Насъ было четверо:—А. Муръ, Уокеръ, Гардинеръ и я; мы отправились прямо изъ Лондона, намѣреваясь поскорѣй, съ возможно меньшимъ остановками, добраться до Кутанса, откуда мы хотѣли проникнуть внутрь цѣпи Кавказскихъ горъ. Одному изъ насъ, а именно г. Муру, въ обществѣ двухъ другихъ англичанъ, гг. Фреш-фильда и Теккера, еще прежде удалось побывать въ этихъ горахъ и изслѣдовать значительную часть ихъ; для остальныхъ же, какъ и для меня, Кавказъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Всѣ мы считались членами Альпійскаго клуба и, разсчитывая взобраться па Кавказскій никъ и проникнуть въ верхнія кавказскія ущелья, мы привезли съ собою швейцарца - путеводителя, Петра Кнубеля, которого захватили изъ всѣмъ извѣстной швейцарской деревни Св. Николая, гдѣ лѣтомъ, на пути отъ Виспаха въ Церматтъ, останавливается множество путешественниковъ. На перебѣздѣ отъ Лондона до Одессы потребовалось только четверо сутокъ, и лучшій путь оказался не черезъ Вѣну, какъ можно было предполагать, а чрезъ Берлинъ, откуда черезъ Бреславль и Мисловицъ (маленький городокъ, лежащий почти на границѣ Россіи съ Австріею) мы направились къ бывшей столице — Кракову, на поѣздѣ, двигающемся такъ медленно, что мальчишки въ лохмотьяхъ, просиящіе милостиню, могли чѣкоторое время бѣжать наравнѣ съ нимъ.—Небольшая остановка въ Краковѣ дала намъ возможность мелькомъ осмотрѣть этотъ, когда-то славный, теперь же совершенно ничтожный, городъ; евреи въ длинныхъ черныхъ каftанахъ толпились со всѣхъ сторонъ; глядя на нихъ, можно было подумать, что городъ населенъ самыми предпріимчивыми и дѣятельными людьми; на самомъ же дѣлѣ они только и занимаются мѣною денегъ, хотя для меня до сихъ поръ остается тайною, какимъ образомъ такое большое количество людей можетъ жить такимъ ничтожнымъ занятіемъ. Минѣ даже показалось, что и эта, по-видимому единственная, промышленность Кракова не особенно процвѣтаетъ; когда одному изъ насъ понадобилось размѣнять небольшую сумму, то чѣкоторые изъ евреевъ смотрѣли на это съ такою

жадностью и завистью, какъ нищія дѣти заглядываютъ въ окна пирожныхъ лавокъ на тѣхъ счастливцевъ, которые заходятъ туда, чтобы купить что нибудь.

Изъ Кракова мы направились черезъ Лембергъ въ Волочискъ, на русской границѣ; затѣмъ, проѣхавъ остатки огромнаго лѣса и обширную плодородную равнину, съ постоянно встрѣчающимися на ней вѣтряными мельницами, мы очутились въ Одессѣ. Ослѣпленные илью по выходѣ изъ вагона, мы, послѣ долгихъ споровъ съ извозчиками, усѣлись на дрожки и помчались по песчаной дорогѣ въ болѣе чистую атмосферу города; здѣсь памъ удалось достать хорошее помѣщеніе въ гостиницѣ, дополнявшій рядъ высокихъ зданій, обращенныхъ къ гавани. Конецъ этого дня и весь слѣдующій мы провели въ добываніи различныхъ свѣдѣній о Кавказѣ и въ укладываніи небольшаго запаса вещей, необходимыхъ для предположеннаго путешествія. Въ этомъ отношеніи значительную услугу намъ оказалъ англійскій вице-консулъ г. Хентъ, благосклонности котораго мы многимъ обязаны; безъ его содѣйствія, конечно, намъ пришлось бы пренести гораздо больше непріятностей. Хотя въ Одессѣ и много торгующихъ иностранцевъ, но русскіе преобладаютъ и, въ разрѣзѣ со всеобщемъ убѣжденіемъ, русскіе предпочитаютъ говорить на своемъ языке, котораго, къ сожалѣнію, мы совсѣмъ не знаемъ.

Избалованный путешественникъ приходитъ обыкновенно въ негодованіе, когда убѣждается, что городъ существуетъ исключительно для населяющихъ его жителей и что при этомъ не было принято въ соображеніе снабдить городъ, для удовольствія и развлеченія путешественниковъ, изящными и живописно расположеными улицами и мѣстностями. Многаго не слѣдуетъ ожидать отъ Одессы, какъ еще отъ юнаго города, существующаго не болѣе 80 лѣтъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что, съ точки зрѣнія путешественника, Одесса не особенно привлекательна, хотя, безъ сомнѣнія, городъ этотъ не кажется скучнымъ тѣмъ, кто производить въ немъ болѣе или менѣе значительную торговлю. Нѣкоторые предполагаютъ, что, по причинѣ смѣшаннаго населенія и торговыхъ сношеній съ Востокомъ, Одесса представляетъ собою калейдескопъ различныхъ племенъ и одеждъ, подобно площади Св. Марка въ Венеціи; но я, съ своей стороны, не могу подтвердить этого. Цивилизація, повиди-

мому, и здѣсь заставила всѣхъ носить почти одинаковую одежду; исключеніе представляютъ только крестьяне въ своихъ длинныхъ кафтанахъ и сапогахъ и извозчики—эти враги человѣческаго рода.

Ширина улицъ въ Одессѣ по большой части не соответствуетъ высотѣ домовъ. Въ магазинахъ здѣсь трудно найти что нибудь особенное, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ европейскихъ товаровъ. Если путешествующій англичанинъ на короткое время и удовольствуется тѣмъ, что предметы англійскаго производства везде считаются лучшими, то ему скоро придется разочароваться, если только онъ вздумаетъ купить что нибудь, потому что цѣны здѣсь значительно выше цѣнъ лучшихъ магазиновъ въ Англіи.

Не слѣдуетъ, однако же, особенно жаловаться на Одессу, такъ какъ недовольные могутъ легко удалиться отсюда. Для этого, кромѣ сообщенія по желѣзной дорогѣ, существуютъ двѣ пароходныя линіи, изъ которыхъ одна направляется вдоль западнаго берега Чернаго моря—въ Константинополь, другая—вдоль восточныхъ его береговъ, до Поти. Поти, въ свою очередь, соединяется желѣзною дорогою съ Тифлисомъ и Кутаисомъ.

Въ полдень, 25-го іюня, мы выѣхали изъ Одессы на пароходѣ, принадлежащемъ восточной линіи, въ полной увѣренности, что Понтъ Эвксинскій убѣдитъ насъ въ справедливости даннаго ему названія «Чернаго», т. е. бурнаго моря, что дѣйствительно и подтвердилось вскорѣ послѣ выхода изъ гавани. Пассажиры, занявши мѣста на верхней палубѣ, состояли изъ русскихъ крестьянъ, грузинъ, грековъ, евреевъ и армянъ, представляя собою ту пеструю толпу разныхъ восточныхъ племенъ, которую, вопреки нашимъ ожиданіямъ, намъ не удалось увидѣть на улицахъ Одессы. Замѣтивъ появленіе легкой зыби, эти палубные пассажиры, по привычному обычаю, стали доставать себѣ пищу, какъ будто брѣпкій боковой вѣтеръ могъ возбудить аппетитъ или придать особый вкусъ кушаньямъ. Вскорѣ, однако, пришлось оставить всѣ сѣбѣстные припасы, такъ какъ пароходъ сильно качало во всѣ стороны, и выраженіе обычнаго проклятія запечатлѣлось одинаково на лицахъ европейцевъ и жителей Востока. Не лучше чувствовали себя и пассажиры 1-го класса; имъ только удобнѣе было скрывать свои бѣдствія въ каютахъ. Къ счастью, качка продолжалось недолго; къ вечеру вѣтеръ стихъ и

волнение улеглось замечательно быстро. Всё пассажиры вышли изъ своихъ убѣжищъ и собрались на палубѣ; женщины соболѣзновали одна другой, мужчины же старались принять такой видъ, какъ будто каждый изъ нихъ хотѣлъ убѣдить другихъ въ томъ, что ему удалось избѣжать морской болѣзни. Поверхность моря постепенно сдѣлалось совершенно спокойною и нашъ небольшой пораходъ довольно благополучно совершилъ свое ночное плаваніе. Пароходы эти плывутъ вдоль береговъ Крыма, отъ Эвпаторії до Каффы; миновавъ Евпаторію, на слѣдующій день, около полудня, мы подошли къ Севастополю. Непродолжительность стоянки лишила насъ возможности осмотрѣть этотъ городъ, столь интересный для англичанъ, а потому мнѣ не удалось лично провѣрить всего, что приходилось часто читать о немъ. Относительно Севастополя я могу указать только на одинъ фактъ. Многіе говорятъ, что городъ этотъ быстро застраивается; что онъ застраивается — это вѣрно, но только далеко не съ американской быстротою. Нѣкоторые изъ развалинъ сохранились еще до сихъ поръ, напр. развалины казармъ въ центрѣ города, до которыхъ не дотрагавились съ самой войны. Въ 3 часа по полудни мы были около Балаклавы. За Балаклавою характеръ, до сихъ поръ крайне однообразнаго и скучнаго берега, совершенно менѣется, и всю остальную часть дня намъ пришлось плыть вдоль знаменитаго юго-западнаго берега Крыма, прославившагося своими видами и климатомъ. Вдоль видныются скалистые утесы, склоны которыхъ спускающіеся къ морю, покрыты роскошнымъ лѣсомъ, воздѣланымъ пашнями и множествомъ виноградниковъ; въ общемъ берегъ этотъ прекрасенъ, плодороденъ и мѣстами напоминаетъ лучшую часть птальянскаго берега. Вдоль этого, залитаго солнцемъ берега разбросано множество виллъ, изъ которыхъ наиболѣе замечательны: Алупка, устроенная однимъ англичаниномъ для князя Воронцова; Орианда, принадлежащая великому князю Константину Николаевичу, и Ливадія — принадлежащая Государю Императору. Двѣ послѣднія находятся близъ Ялты, гдѣ мы стали на якорь на короткое время. Пройдя Кафу, нынѣшнюю Феодосію, на слѣдующій день, рано утромъ, пароходъ приблизился къ низкому зеленому берегу, вдоль котораго ему при-

шлось плыть до Керченского пролива; въ гавань мы вошли немногимъ позже полудня.

Несмотря на свое важное торговое значеніе, Керчь кажется несчастнымъ, маленькимъ городкомъ, грязнымъ и вонючимъ. До Крымской кампаніи еще онъ прославился найденными въ немъ и его окрестностяхъ остатками древностей, къ числу которыхъ, по мѣстному преданию, принадлежитъ гробница Митридата. Историки, однажды, отрицаютъ этотъ фактъ, утверждая, что Митридатъ былъ похороненъ въ другомъ мѣстѣ. Къ нашему счастью, пароходъ остановился здѣсь на довольно продолжительное время, такъ что мы могли осмотрѣть главную изъ примѣчательностей Керчи—гробницу непрѣбывающаго царя. Огромный курганъ, въ которомъ помещается гробница, находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Къ кургану ведетъ высокій коридоръ, стѣны которого сдѣланы изъ мелкаго камня, тогда какъ своды состоятъ изъ рядовъ камней, выдающихся одинъ надъ другимъ. Коридоръ оканчивается большою круглою комнатой съ такими же стѣнами и сводомъ. Покой непрѣбывающаго царя, похороненного здѣсь, былъ потревоженъ раньше, чѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ удалось проникнуть въ гробницу, которую, насколько мнѣ помнится, они нашли уже пустою.

Вечеромъ пароходъ снялся съ якоря и весь слѣдующій день мы плыли вдоль пустыннаго берега земли Черкесовъ, первобытные обитатели которой большею частью, эмигрировали въ Турцію, о чёмъ они впослѣдствіи едвали не сожалѣли. Въ Англіи черкесами называются вообще всѣ жители Кавказа но это настолько же неправильно, какъ если бы жителей Великобританіи вздумали называть шотландцами. Земля Черкесовъ—небольшая страна, лежащая въ сѣверозападной части Кавказскихъ горъ,—простирается на нѣкоторое разстояніе вдоль берега Чернаго моря. Обитателя ея совершенно правильно носятъ название Черкесовъ; народы же, населяющие долины по обѣимъ сторонамъ горъ и состоящіе изъ различныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣеть свое опредѣленное название, могутъ присвоить себѣ общее название кавказцевъ; называть же ихъ черкесами нѣтъ никакого основанія. Нѣкоторые изъ читателей будутъ конечно удивлены, узнавъ, что Шамль былъ настолько же черкесомъ, насколько Робъ-Рой—валлійцемъ.

Пробѣжая мимо гористой страны, мы убѣдились, что для путешествія въ горахъ намъ предстоитъ преодолѣть множество препятствій, довольно серьезныхъ, если принять въ соображеніе весьма незначительное время, которымъ мы могли располагать.

Мы выѣхали изъ Лондона 19 іюня, а бѣ 19 августа уже двое изъ насъ должны были непремѣнно возвратиться обратно. Отъ капитана Тельфера, присоединившагося къ пассажирамъ парохода уже на пути его сїдованія, мы узнали, что, для осуществленія предположеннаго нами путешествія, необходимо получить разрѣшеніе губернаторовъ различныхъ провинцій, или тифлескихъ властей, которое вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ старшинъ близкайшихъ деревень способствовать намъ всѣми, находящимися въ ихъ распоряженіи, средствами. Безъ подобного разрѣшенія мы рисковали быть остановленными въ самомъ началѣ нашего предпріятія какими нибудь недовѣрчивыми старшинами, которые, преграждая путь подозрительнымъ путешественникамъ, считали бы, конечно, себя совершенно правыми. Получить разрѣшеніе отъ отдѣльныхъ губернаторовъ было немыслимо, а потому мы должны были отправиться въ Тифлісъ, не разсчитывая, впрочемъ, и тамъ на вѣрный успѣхъ, такъ какъ власти имѣли полное право отказать въ официальной помощи неизвѣстнымъ путешественникамъ. Теперь только, близъ самаго Кавказа, наше овладѣло сомнѣніе въ успѣхѣ нашего предпріятія.

Капитанъ Тельферъ, хорошо изучившій Кавказскій край, снабдилъ насъ необходимыми свѣдѣніями обѣ этой странѣ. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ себя также много обязаннѣмъ некоторымъ изъ пассажировъ, по преимуществу русскимъ офицерамъ, которые, считаю долгомъ прибавить, хотя и смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, но были изысканно вѣжливы и не надоѣдали своимъ разспросамъ. Отъ Шоти до Кутаиса и Тифліса рѣдко встречаются люди, путешествующіе только ради удовольствія, а поэтому желаніе подобныхъ туристовъ проникнуть въ отдѣльные долины, лежащія между высокими горами, не могло не показаться страннѣмъ, и удивленіе русскихъ, слѣдовательно, было совершенно понятно. Западная Европа какъ будто нарочно возникла для удовлетворенія требованій путешественника, для его удовольствія и развлеченія: тамъ путешественникъ занимаетъ видное мѣсто въ обществѣ, среди котораго ему

приходится временно вращаться, и путешествие ради удовольствия тамъ кажется на столько же естественнымъ, на сколько считаются необходимыми торговля и земледѣліе.

Вопросъ о цѣли путешествія по Франціи, Швейцаріи и Италии, можетъ привести въ изумленіе подобно тому, какъ если бы при дворянъ палаты лордовъ спросилъ пэра о преимуществахъ наследственной палаты. Напротивъ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣть ни обер-кельнеровъ, ни guide'овъ, ни чичероне и курьеровъ, появление туриста, путешествующаго безъ опредѣленной цѣли, часто возбуждаетъ удивленіе и любопытство, и путешественникъ чувствуетъ себя въ большомъ затрудненіи при объясненіи причинъ, побудившихъ его на такое дальнее путешествіе.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы стали на якорь около Сухумъ-Кале, главной русской станции вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Этотъ веселенький маленький городокъ расположенъ у подошвы лѣсистыхъ холмовъ, на берегу прекрасной бухты. Онъ застроенъ преимущественно домами бѣлаго цвѣта, которые не имѣютъ ничего характеристичнаго; но мѣстный колоритъ проявляется здѣсь только въ населеніи, носящемъ кавказскую одежду. Сухумъ-Кале занимаетъ прибрежье Абхазіи, мѣстами совершенно опустошенній теперъ, такъ какъ со времени сильнаго возмущенія, бывшаго въ августѣ 1866 года, жители этой плодородной и прелестной страны принуждены были эмигрировать. Мы собирались поѣхать въ Абхазію подъ конецъ нашего путешествія по Кавказу, намѣреваясь изъ Сухумъ-Кале вернуться въ Одессу моремъ, потому что вопросъ о населеніи Абхазіи имѣлъ для насъ важное значеніе.

Южнѣе, близъ Поти, воды Чернаго моря значительно мельютъ, такъ что въ Сухумъ-Кале пассажиры пересаживаются на пароходъ меньшихъ размѣровъ и съ гораздо меньшимъ углубленіемъ. Пароходъ, предназначенный намъ, сѣль гдѣ-то на мель, и нашъ капитанъ не зналъ какимъ образомъ переправить пассажировъ до Поти и Тифлиса. Весь день, такимъ образомъ, былъ проведенъ въ томительной неизвѣстности, которую нашъ небольшой кружокъ пассажировъ старался по возможности выяснить. Неясность и неопределѣленность положенія обыкновенно побуждаютъ людей къ изобрѣтенію различныхъ исторій, которымъ они сами охотно вѣрятъ. Такъ и въ

настоящемъ случаѣ было придумано четыре причины, ни на чёмъ не основанныя и одна другой невѣроятнѣе. По одному изъ этихъ предположеній за пассажирами былъ отправленъ другой пароходъ, который чрезъ часть должна быть около Сухумъ-Кале.

Послѣ долгихъ колебаній, капитанъ нашего парохода рѣшился выйти въ море, надѣясь встрѣтить маленький пароходъ гдѣнибудь вдоль берега. Не случись этого, - намъ пришлось бы снова вернуться къ берегамъ Абхазіи и проходить здѣсь недѣлю или около того. Ко всеобщему восторгу, однако же, на слѣдующее утро мы увидѣли приближающійся къ намъ маленький пароходъ, который, подойдя къ борту нашего парохода, принялъ всѣхъ пассажировъ. Съ другой стороны мы торжествовали и потому, что съ мѣста Чернаго моря, гдѣ мы находились теперь, отлично видна была часть западнаго края Кавказскихъ горъ. Хорошимъ предзнаменованіемъ для насъ служило то, что въ это утро всѣ снежныя вершины были совершенно ясны, и двуглавый Эльбрусъ, возвышающійся надъ пѣтымъ кряжемъ, легко можно было отличить отъ смежныхъ съ нимъ пиковъ. Къ югу, въ значительномъ разстояніи, виднѣлись Армянскія горы.

На палубѣ маленькаго парохода находились грузинскіе музыканты, которые вначалѣ напгрывали только одинъ безстыдный французскія пѣсни, проникнувшія такъ далеко на Востокъ съ быстротою, свойственною всему дурному. Наконецъ, послѣ долгихъ убѣждений, они спѣли грузинскую любовную пѣснь со странно звучащей, грустной, по довольно красивой мелодію. Благодаря одному изъ пассажировъ, я пріобрѣлъ переводъ лучшихъ куплетовъ этой, какъ я узналъ, старинной пѣсни, не представляющей однако же ничего характернаго. Въ ней любовникъ говорилъ своей возлюбленной, что онъ не желаетъ ничего болѣе прекраснаго и совершеннаго, чѣмъ она, что сердце его вполнѣ открыто для нея и что онъ ослѣпленъ ея красотой. Большинство любовниковъ всего свѣта сказали бы почти тоже. Затѣмъ музыканты сыграли русскій національный танецъ, что представило намъ болѣе живую и поэтическую картину ухаживанья за женщиною, чѣмъ слабые звуки пѣсни.

Въ Керчи къ намъ присоединился одинъ мингрельскій князь, чрезвычайно стройный и красивый, въ прелестной кавказской одеждѣ. Вниманіе его все время было привязано къ русской ба-

рышиѣ,—одной изъ пассажирокъ, которой, повидимому онъ отдался весь, безъ всякаго отвѣта или поощренія съ ея стороны. Услыхавъ звуки музыки, онъ умолялъ ее потанцовывать; но, послѣ рѣшительнаго отказа съ ея стороны, онъ, помѣстившись передъ нею, протанцовалъ вѣкоторое время одинъ съ такимъ одушевленіемъ и достоинствомъ что не могъ не тронуть ея. Кто изъ жителей Запада рѣшился бы, въ доказательство своего расположенія, протанцевать одинъ передъ своимъ идоломъ, среди толпы пассажировъ? Да еслибы кто и рѣшился, то навѣрно сдѣлался бы всеобщимъ посмѣшищемъ. Мингрелецъ же вовсе не казался смѣшнымъ. Окончивъ свой танецъ, онъ преспокойно усѣлся на свое мѣсто, которое приходилось рядомъ съ моимъ. Немного спустя, онъ обратился ко мнѣ съ длинной рѣчью на мингрельскомъ языке, которая, если даже я и не понялъ значенія многихъ поклоновъ и улыбокъ, тѣмъ не менѣе дышала благосклонностью. Я не зналъ ни слова по-мингрельски, но, не желая показаться невѣждой, я счелъ своимъ долгомъ отвѣтить князю по англійски пожеланіями всякаго блага, здоровья и счастья. Я думалъ, что это его вполнѣ удовлетворило, такъ какъ онъ сказалъ одному русскому пассажиру, что я ему понравился, что я должно быть благородной крови, но что ему никогда ни отъ кого не приходилось слышать такихъ необыкновенныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, на палубѣ маленькаго парохода мы провели время довольно пріятно, и подошли къ устью рѣки близъ Поти скорѣе, чѣмъ предполагали.

Едва ли нужно говорить, что Ріонъ есть та рѣка, по которой плыли Язонъ и аргонавты, и если принять въ соображеніе продолжительность существованія этого воднаго пути, то настоящее положеніе Ріона должно быть ужаснымъ. Устье рѣки загромождено баромъ, глубина котораго зависитъ отъ преобладающихъ вѣтровъ и теченія, и иногда бываетъ менѣе 3 футовъ; мы подошли къ устью какъ разъ въ такое счастливое время. Для улучшенія прохода въ рѣку Ріонъ, русскими, какъ мнѣ сообщили, было употреблено не мало усилий, которыхъ, однако-жъ, оказались безуспѣшными, такъ какъ баръ всякий разъ образовывался тотчасъ же послѣ его расчистки. Чтобы приблизиться къ Поти, необходимо было войти въ рѣку; но пароходъ, на которомъ мы находились, не смотря на свое це-

значительное углубление, не могъ перейти чрезъ баръ. За пассажирами должно было быть выслано плоскодонное судно, которое, какъ мы узнали, могло прийти или послѣ полудня, или ночью, или на слѣдующее утро, или наконецъ вечеромъ; эта неопределенность не могла не выражаться всеобщимъ неудовольствиемъ. Подобная непредвидѣнная задержка должна служить отличнымъ случаемъ для людей, помѣщающихся въ газеты свои жалобы на не безусловную точность въ получении писемъ и посылокъ. Спустя четыре или пять часовъ послѣ того, какъ мы стали на якорь, къ борту нашего парохода подошелъ плоскодонный пароходъ, который и доставилъ насъ въ Поти.

Болото, на которомъ расположенъ этотъ городъ, находится на лѣвомъ берегу Риона и поверхность его ниже уровня рѣки, берегъ которой обнесенъ насыпью. Одноэтажные дома построены большою частью на сваяхъ. Поти отличается крайне нездоровымъ климатомъ, и лѣтомъ здѣсь господствуютъ лихорадки. Здѣсь мы должны были встрѣтить нашего переводчика, очень важного для пасъ лица, такъ какъ, смѣшно сказать, въ цѣлой странѣ нѣтъ другаго переводчика, который бы могъ исполнить эту обязанность западнымъ путешественникамъ, не знающимъ русскаго языка. Есть люди, усвоивши себѣ нѣсколько кавказскихъ нарѣчий и говорящіе по-русски; намъ же требовался переводчикъ, который, кроме мѣстныхъ нарѣчий, зналъ бы французскій, нѣмецкій или итальянскій языкъ. Такимъ-то имѣніе и былъ одинъ въ цѣлой странѣ мингрелецъ, Павелъ Бакуа Папіа; онъ сопутствовалъ г. Шальгреву, а также, въ качествѣ переводчика, сопровождалъ г. Фрешфильда съ товарищами о путешествіи которыхъ мы уже упоминали выше. Павелъ Бакуа Папіа, котораго дальше я буду называть просто Павломъ, говорилъ на грузинскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, на русскомъ, на турецкомъ и на французскомъ языкахъ.

Знаніе грузинскаго языка съ его нарѣчіями необходимо въ южной части Кавказа; турецкій же языкъ понятенъ для жителей сѣверной его части, хотя нѣкоторыя власти и говорятъ по-русски. По временамъ я намѣренъ сообщать, при удобномъ случаѣ, наши разговоры съ туземцами, веденные при посредствѣ Павла. Во избѣженіе излишнихъ повтореній, какъ о необходимости переводчика,

такъ и о его достоинствахъ, я долженъ разъ навсегда сказать, что это—человѣкъ неподкупной честности, замѣчательно трудолюбивый и вполнѣ посвятившій себя интересамъ тѣхъ, кому служить. Кромѣ знанія языковъ, онъ обладаетъ умѣньемъ стряпать и, во все время путешествія, отлично кормилъ насть самыми простыми средствами. Со времени путешествія съ г. Фрепфильдомъ, онъ потерялся изъ виду, и хотя г. Гарднеръ, вице-консулъ въ Поти, сообщилъ намъ, что онъ находится гдѣ-то въ окрестностяхъ, тѣмъ не менѣе мы выѣхали изъ Англіи не будучиувѣренными въ приобрѣтеніи этого незамѣнимаго переводчика. По прибытии въ Поти, мы узнали, что, благодаря любезности и не малымъ стараніямъ г. Гарднера, Павель былъ разысканъ и выразилъ свою вполнѣшую готовность сопровождать насть.

Ріонъ, эта широкая и большая рѣка, устремляется въ море съ такою быстротою, что аргонавтамъ должно быть показалось легко спускаться по теченію, хотя на долю рулеваго, по всей вѣроятности, приходилась довольно трудная работа. На сѣверномъ берегу рѣки находится станція желѣзной дороги, къ которой путешественники пробираются или, по крайней мѣрѣ, пробирались на пароходѣ, такъ какъ во время нашего пребыванія на Ріонѣ не было мостовъ, хотя одинъ уже предполагался къ постройкѣ. Ожидая поѣздъ на станціи, гдѣ жители Востока, теряя свою апатію и достоинство, борются и кричатъ, подобно улпчнымъ разнощикамъ, мы съ удовольствіемъ смотрѣли на мингрельцевъ и грузинъ, которые до сихъ поръ придерживаются одежды своихъ предковъ и всѣ, безъ исключенія, богатые и бѣдные, носятъ одинаковый славный кавказскій костюмъ. Многіе изъ туристовъ, т. е. путешествующихъ ради удовольствія, до сихъ поръ еще пренебрегаютъ желѣзной дорогой отъ Поти до Тифлиса, но, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени огромныя толпы, посыщающія каждый годъ большую часть Европы и доходящія даже до Египта и Палестины, начнутъ изыскивать дорогу и на Кавказъ. Лѣтомъ 1874 года желѣзная дорога отъ Москвы была немного не доведена до Владикавказа, лежащаго по сѣверную сторону Кавказскаго кряжа; теперь же линія эта совсѣмъ окончена. Черезъ нѣсколько лѣтъ, я полагаю, желѣзная дорога пройдетъ черезъ Дарьядльское ущелье и соединитъ Владикавказъ съ Тифлисомъ; такимъ

образомъ восточные берега Чернаго моря придутъ въ соприкосновеніе съ русскими желѣзными дорогами. Тогда, должно полагать, туристамъ откроется путь между Москвою и Константинополемъ, и, конечно, остается желать, чтобы путешествіе по Кавказу ради удовольствія тогда считалось дѣломъ самимъ обыкновеннымъ и не возбуждало бы всеобщаго удивленія. Надѣюсь, что увеличеніе числа путешественниковъ нисколько не позмѣнитъ крайне вѣжливыхъ въ настоящее время отношеній къ нимъ жителей Кавказа.

Изъ Поти нашъ путь пролегалъ сперва по болотамъ вдоль берега замѣчательно быстрой и большой рѣки Риона, а затѣмъ, черезъ Мертвый лѣсъ,—мѣстность крайне печальную. Болотистая почва, на которой произрасталъ этотъ лѣсъ, питала прежде рѣку Ронъ, въ настоящее же время насыпь желѣзной дороги совершенно преградила путь водѣ, которая, вслѣдствіе этого, скопилась около деревьевъ и затопила ихъ, если только можно такъ выразиться. Видъ этихъ торчащихъ голыхъ деревьевъ, носящихъ название Мертваго лѣса, весьма жалкій. Миновавъ лѣсъ и проѣхавъ нѣсколько далѣе, мы увидѣли нѣкоторыя сѣжныя вершины Кавказскихъ горъ, очаровательнымъ видомъ которыхъ съ этой части желѣзной дороги впослѣдствіи будутъ, по всей вѣроятности, восторгаться такъ же, какъ восторгаются теперь видомъ Монъ-блана на пути въ Женеву. Мы продолжали любоваться горами, пока не потеряли ихъ изъ виду недалеко отъ Кутанса, откуда впослѣдствіе мы предполагали отправиться въ горы, если тифлісскія власти удостоютъ насъ своимъ разрѣшеніемъ. На станціи желѣзной дороги, находящейся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, мы оставили Петра Кнубеля и Павла, поручивъ послѣднему добыть по возможности больше различныхъ свѣдѣній, или, другими словами, наслушаться разныхъ сплетень, которыми онъ и запасся въ достаточномъ количествѣ къ нашему возвращенію.

Изъ Кутанса сначала намъ пришлосьѣхать по хорошо обработанной мѣстности, затѣмъ мы стали подыматься на сѣдообразную вершину, которая составляетъ часть кряжа, служащаго главнымъ водоемомъ для рѣкъ, протекающихъ на пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Долина, по которой проходитъ желѣзная дорога, суживаясь и углубляясь, мѣстами образуетъ красивыя ущелья; видъ же съ самой вершины не представляетъ ничего при-

влекательного. Движеніе локомотива по склону горы совершается очень медленно, что объясняется или крайней быстротою постройки желѣзной дороги, или большою крутизною всѣхъ вообще склоновъ. Насъ тащилъ замѣчательный локомотивъ Fairlie, состоящій, повидимому, изъ двухъ соединенныхъ между собою машинъ. Къ вечеру мы проѣзжали древній городъ Гори, расположенный на покатости холма, на вершинѣ которого находится старинный грузинскій фортъ, состоящій изъ высокой стѣны и башенъ и напоминающій собою феодальную крѣпость. Холмы, возвышающиеся за городомъ, снабжены входами въ подземелья весьма отдаленныхъ временъ, заслуживающія большаго вниманія въ наше время, когда слѣды доисторического человѣка постоянно собираются и изучаются съ такимъ стараніемъ. Входы въ подземелья, съ аркообразными сводами, очевидно, искусственные; самыя же пещеры, какъ мнѣ сообщилъ одинъ русскій инженеръ, бывшій съ нами на поѣздѣ, весьма обширны и многочисленны, такъ что въ одномъ мѣстѣ образуютъ цѣлую деревню. Въ свое время, должно быть, онъ служили убѣжищемъ для множества людей, но, къ сожалѣнію, инженеръ не могъ сказать мнѣ, были ли здесь найдены орудія или вообще какіенибудь слѣды пребыванія человѣка, что меня заставило думать, будто эти пещеры до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованы. Кавказъ считается колыбелью европейской расы, а такъ какъ многие кавказцы произошли, по всей вѣроятности, отъ жителей этихъ подземелій, то весьма естественно, что эти послѣднія должны возбуждать вниманіе учащейся молодежи уже по одному тому, что когда-то служили мѣстопребываніемъ ихъ древнихъ предковъ.

Миновавъ замѣчательное древнее селеніе, носящее трудно произносимое имя Мцхетъ и основанное, по грузинскому преданію, внукомъ Ноа, поздно ночью мы прибыли наконецъ въ Тифлісъ. Удовольствіе, ощущаемое при окончаніи утомительного путешествія, значительно ослаблялось необходимостью проститься съ русскими офицерами, съ которыми мы познакомились на пароходѣ и которыеѣхали изъ Поти на одномъ поѣздѣ съ нами. Своей любезностью и вниманіемъ они много содѣствовали облегченію затрудненій, обыкновенно испытываемыхъ путешественниками въ странѣ, языкъ которой имъ неизвестенъ. Подобное вниманіе со стороны офицеровъ было,

конечно, пріятно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не могло не удивлять наскѣ, привыкшихъ сталкиваться съ грубымъ эгоизмомъ и себѧлюбіемъ жи-телей запада. Впослѣдствіи мы, однако, убѣдились, что вниманіе къ путешественнику здѣсь не составляетъ исключенія, такъ какъ всѣ офицеры, которыхъ мы встрѣчали, выказывали одинаковую готов-ность быть полезными иностранцамъ, находящимся въ этой странѣ. Между высокопоставленными лицами встрѣчалось полное расположе-ніе помогать путешественникамъ. Намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича не было въ то время въ Тифлисѣ и всѣми дѣлами, на время его отсутствія, завѣдывалъ начальникъ гражданскаго управлениа баронъ Николай.

Г. Муръ, полагая, что его имя болѣе или менѣе извѣстно вла-стямъ, такъ какъ ему прежде удалось путешествовать по Кавказу, и не желая отправлять письма, изъ боязни потерять много времени, телеграфировалъ изъ Поти секретарю барона, прося увѣдомить его, можемъ ли мы разсчитывать на разрѣшеніе правительства, могущее обезпечить намъ хороший пріемъ въ деревняхъ, ирплегающихъ къ городамъ. Безъ этого, какъ я уже сказалъ выше, путешествіе по не-извѣстнымъ мѣстностямъ было немыслимо. На слѣдующій день по-слѣ нашего прибытія въ Тифлисъ, г. Муръ узналъ, что просьба его была передана барону Николаю и что разрѣшеніе послѣдуетъ не-медленно. Но благосклонность властей не ограничивалась этимъ и, узнавъ планъ нашего путешествія, намъ было обѣщано написать военному начальнику Владикавказа, черезъ который пролегалъ нашъ путь, обязывая его доставить всѣ средства, находящіяся въ его рас-поряженіи; подобное же письмо должно было быть отправлено и къ генералу, командующему войсками въ Сухумъ-Кале, какъ мѣстности, которою мы думали закончить наше путешествіе. Оба эти обѣщанія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, были выполнены въ точности. Труд-но достаточно оцѣнить благосклонность и вниманіе тѣхъ, которые, будучи заняты важными дѣлами, тѣмъ не менѣе паходялъ время вни-мать просьбамъ каждого путешественника. Но факты, приведенные мною, говорятъ сами за себя, и готовность властей содѣйствовать иностранцамъ, путешествующимъ по всему Кавказу или по какой-либо его части, служитъ не маловажнымъ свидѣтельствомъ хорошаго управления Кавказомъ. Хотя мы не могли бы жаловаться и въ случаѣ

отказа исполнить нашу просьбу, такъ какъ не имѣли никакого права на привилегию, тѣмъ не менѣе разрѣшеніе, столь намъ необходимое, было дано безъ малѣйшихъ замедленія и затрудненій; съ такою же готовностью оказывалась памъ и дальнѣйшая помощь. Русскіе власти порѣшили дѣло такъ скоро, что г. Муръ на слѣдующее утро былъ уже совершенно свободенъ, и весь остатокъ дня мы бродили по улицамъ.

Тифлісъ, столица Грузіи и главный городъ Закавказья, находится уже болѣе семидесяти лѣтъ во владѣніи Россіи, вслѣдствіе чего, понятно, онъ значительно утратилъ восточный характеръ. Не особенно лестный отзывъ о столь древнемъ и известномъ городѣ можетъ показаться страннымъ, тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что хотя и стоитъ посмотреть Тифлісъ, но ради этогоѣхать, въ особенности такъ далеко, положительно не стоитъ. Новая часть города, застроенная во времена русскаго владычества, почти не отличается отъ европейскихъ городовъ; старый же Тифлісъ, своими узкими улицами и галереями, напоминаетъ Востокъ, а развалины грузинской цитадели свидѣтельствуютъ, хотя и слабо, объ историческомъ величиї города. Эта бывшая крѣпость находится на холмѣ близъ города; составляющія ее башни, круглые и четырехугольные поочередно соединяясь между собою толстою стѣною, окружаютъ гребень холма. Построенная изъ плоскихъ кирпичей наподобіе римскихъ, расположенныхъ поперемѣнно вертикальными и горизонтальными рядами, крѣпость эта имѣеть нѣсколько странный видъ. У основанія одной изъ стѣнъ ея находится огромный остовъ быка. Лавки или рынокъ восточного города, подобно развалинамъ, достойны вниманія путешественника. Тифлісъ славится двумя родами производствъ: цветными вышивками и издѣліями изъ серебра. Первые не заслуживаютъ большой похвалы: хотя въ выборѣ узоровъ иногда и выказывается нѣкоторое дарованіе, но пагубное влияніе Европы, выразившееся въ употребленіи яркихъ цветовъ, совершенно вытѣснило тѣ нѣжные и легкіе тоны, которыми обыкновенно отличаются самобытныя восточные работы. Серебряные же издѣлія здѣсь замѣчательно хороши, такъ какъ до сихъ поръ не подверглись еще чужеземному влиянію. Издѣлія эти существуютъ преимущественно для мужчины: почти всѣ кавказцы носятъ при себѣ кинжалы; болѣе со-

стоятельный заводятъ къ нему серебряныя ножны и перевязь. Въ Тифлисѣ же по преимуществу изготавляются ножны и весьма пляшнны и разнообразныя по рисунку перевязи; какъ тѣ, такъ и другія украшаются иногда чернью. Одна изъ улицъ базара, носящая до сихъ поръ восточный характеръ, называется Серебряною и почти вся занята серебряными магазинами, издѣлія которыхъ, изготавляемыя исключительно для туземцевъ, сохранили свою прежнюю славу. Базаръ этотъ полонъ самой разнообразной жизни: съ одной стороны торговцы, выглядывающіе изъ своихъ небольшихъ полуоткрытыхъ лавокъ и громко восхваляющіе свои товары, съ другой стороны — пестрая толпа грузинъ, мингрельцевъ, знатныхъ кавказцевъ, дикихъ скотопасовъ, армянъ и персовъ. Многіе изъ нихъ представляютъ странные и красивые типы; болѣе другихъ обратилъ на себя наше вниманіе и поразилъ насъ громадный персіянинъ, котораго мы приняли за продавца оружія, носящаго на себѣ свой товаръ, чѣмъ только и можно было объяснить его необыкновенное вооруженіе. Онъ былъ очень высокаго роста и замѣчательно спленѣнъ, и имѣлъ па себѣ два ружья, три пистолета, три кинжала и шашку. На базарѣ мы встрѣтили поручика гвардіи Квитку, съ которымъ познакомились на пароходѣ; отлично зная англійскій языкъ, онъ много содѣйствовалъ намъ своимъ разностороннимъ образованіемъ. Намѣреваясь во время предполагаемаго путешествія въ горахъ взобраться на Эльборусъ — самый высокій пикъ Кавказскаго кряжа, мы сообщили поручику Квитку, что сочли бы за большое одолженіе, если бы кто нибудь изъ русскихъ офицеровъ вздумалъ присоединиться къ нашей попыткѣ достигнуть этой вершины. Тогда онъ познакомилъ насъ съ своимъ другомъ, поручикомъ Берновымъ, который не побоялся бы вступить въ борьбу со снѣгами этой громадной горы. При какихъ бы ни было обстоятельствахъ, общество русскаго офицера не могло не доставить намъ удовольствія; но, кроме того, у насъ были и другія особенные причины, побудившія насъ обратиться къ поручику Квитки, имя котораго вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателя. Въ 1868 году гг. Фреш菲尔дъ, Муръ и Теберъ, на путешествіе которыхъ мнѣ часто придется ссылаться, впервые поднялись на вершину знаменитаго Казбека, возвышающагося надъ Дарьяльскимъ ущельемъ, и взобрались на восточный пикъ двуглаваго Эльборуса. Полная удача ихъ предприятія

не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ они всѣ трое долго жили въ Швейцаріи и привыкли подыматься на горы; кромѣ того, ихъ сопровождалъ ловкій путеводитель. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что въ Тифлісѣ возникло сомнѣніе въ томъ, что эта попытка имъ дѣйствительно удалась. Я не могу допустить мысли, чтобы выраженіе сомнѣнія выходило изъ среды русскихъ офицеровъ: самолюбивые сами, они не могутъ не щадить самолюбія другихъ. По всей вѣроятности, это, ни на чёмъ не основанное подозрѣніе распространѣли ничтожные писаки, которые иногда попадаются въ столицахъ. Въ настоящее время это сомнѣніе, кажется, совсѣмъ исчезло, а потому я и не намѣренъ оскорблять моихъ соотечественниковъ напрасными попытками защитить ихъ отъ глупой, недостойной вниманія клеветы.

Въ томъ, что имъ удалось подняться на указанныя вершины, можетъ быть столько же сомнѣнія, какъ въ томъ, что эти вершины дѣйствительно существуютъ. По мѣрѣ изслѣдованія горъ, все болѣе и болѣе подтверждается справедливость показаній англійскихъ путешественниковъ. Точность сообщеній г. Фрешфильда о Казбекѣ вполнѣ засвидѣтельствована русскимъ путешественникомъ, совершившимъ второе удачное восхожденіе на эту гору. Боясь, въ случаѣ удачнаго поднятія на Эльборусъ, подвергнуться обвиненію, которое пало на долю нашихъ путешественниковъ, а также желая доказать русскимъ несомнѣнность факта ихъ восхожденія на Эльборусъ, мы были очень довольны, если бы кто нибудь изъ русскихъ офицеровъ согласился сопровождать насъ. Надѣясь, что участіе русскаго офицера въ нашей экспедиціи избавитъ насъ отъ клеветы, мы, кромѣ того, разсчитывали пріобрѣсти въ немъ хорошаго товарища на время путешествія. Поручикъ Берновъ, прослушавъ отъ Квитки о нашемъ желаніи и о главной его причинѣ, тотчасъ же заявилъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ попытался бы взобраться на эту вершину; вскорѣ же послѣ нашего знакомства съ нимъ было решено встрѣтиться въ деревнѣ Уруслбіевѣ, въ долинѣ Баксана, откуда мы и думали начать наше восхожденіе на Эльборусъ. Мы условились, что до 28 іюля будемъ ждать его въ деревнѣ, а онъ, въ свою очередь, предполагалъ быть тамъ 26 числа. Поручикъ Квитка не зналъ еще навѣрно, будетъ ли ему возможно присоедини-

ниться къ намъ. Вечеромъ мы узнали, что приказъ старшинамъ деревень не могъ быть готовъ до слѣдующаго дня, такъ какъ его нужно было отправить довольно далеко для подписи барона Николаи. Тогда мы рѣшили, что г. Муръ, въ ожиданіи приказа, останется въ Тифлесѣ, тогда какъ Уокеръ, Гардинеръ и я должны были отправиться въ Кутапсъ, чтобы приготовить все для предстоящаго путешествія въ горы. Изъ Кутапса мы предполагали начать это путешествіе, которое по большей части должно было пролегать по уединеннымъ, непосещаемымъ мѣстамъ. По южную сторону горъ мы намѣревались посѣтить Мингрелію, а если возможно, то Сванетію и Абхазію; по сѣверную же сторону горъ мы разсчитывали пройти отъ Балхара до той части Черкесской земли, которая известна подъ названиемъ Карабайской страны.

Здѣсь, я думаю, будетъ кстати указать на общий планъ нашего путешествія, раздѣленный на отдѣлы, только не по разстояніямъ пройденнымъ въ теченіи одного дня, такъ какъ подобное раздѣленіе могло бы сдѣлать это описание слишкомъ мелочнымъ и скучнымъ. И такъ нашъ предполагаемый путь пролегалъ:

- 1) Отъ Кутапса черѣдъ кряжъ горъ Накераля до Никорцинды, а оттуда до Они на Ріонѣ.
- 2) Отъ Они до Геби, вверхъ по рѣкѣ.
- 3) Отъ Геби до истоковъ Риона, затѣмъ по главнымъ возвышеностямъ до верховьевъ Терека съ сѣверной стороны.
- 4) Отъ верховьевъ по долинѣ, до деревни Кунимъ и устья Терека.
- 5) Отъ Кунима до деревни Безинги.
- 6) Затѣмъ мы хотѣли обслѣдовать группу горъ у верховьевъ долины и, если возможно, пройти черезъ главный кряжъ въ Сванетію, съ южной стороны; въ случаѣ же, если это неудастся,— вернуться обратно въ Безинги.
- 7) Изъ Безинги въ деревню Чегемъ.
- 8) Изъ Чегема въ Урусбіевъ.
- 9) Изъ Урусбіева мы надѣялись подняться на вершину Эльборуса и вернуться обратно.
- 10) Изъ Урусбіева (вокругъ Эльборуса) до Учъ-Кулана, въ Карабайской странѣ.

- 11) Затѣмъ, черезъ Накгарское ущелье по Ключеревской и Кодорской долинамъ до русскаго поста Латы.
- 12) Отъ Латы до другаго русскаго поста Цебельдинскаго.
- 13) Отъ Цебельдинскаго до Сухумъ-Кале.

Большая часть мѣсть, которых мы намѣревались посѣтить, были неизвѣстны англичанамъ. Единственными англійскими путешественниками, которымъ удалось изслѣдоватъ горы между Дарьяльскимъ ущельемъ и Эльборусомъ, насколько я знаю, были: гг. Фрешфильдъ, Муръ (находившійся въ числѣ насъ) и Тэкеръ, совершившій въ 1868 году длинное и трудное путешествіе по обѣимъ сторонамъ горъ, которое г. Фрешфильдъ и описалъ въ своемъ интересномъ сочиненіи «Центральный Кавказъ и Басханъ (Bashan)». Много лѣть прошло съ тѣхъ поръ, какъ одинъ предпріимчивый англичанинъ проbralся въ Кодорскую долину, откуда направился къ сѣверу и сталъ подниматься на Эльборусъ, но, къ сожалѣнію, я не могу указать въ какомъ именно мѣстѣ ему удалось перейти горы. Во время свое-го путешествія, г. Фрешфильдъ посѣтилъ деревни Гейе, Кунамъ, Уруслбіевъ; но пути, избранные имъ, были совершенно отличны отъ нашихъ. Нашъ путь долженъ былъ пролегать по странамъ, до сихъ поръ не посѣщеннымъ ни однимъ англичаниномъ, очень мало из-слѣдованнымъ другими путешественниками и только частью изрѣдка посѣщаемымъ русскими.

Народы, съ которыми намъ приходилось столкнуться во время этого путешествія, были слѣдующіе: по южную сторону горъ—мингрельцы, сванеты и абхазцы (если только они попадаются еще въ этой вполнѣ разоренной странѣ). По сѣверную же сторону намъ предстояло познакомиться съ жителями долины Терека, Баксана и Карабайской страны. Племена эти сильно различаются одно отъ другаго. Хотя между мингрельцами изрѣдка и попадаются честные люди, но по преимуществу народъ этотъ считается лживымъ, нечестнымъ и страшно лѣнивымъ. Жестокими мингрельцами назвать нельзя; а потому я полагаю, что путешествующимъ по ихъ землямъ не предвѣтится отъ нихъ никакой опасности. Послѣ сказанного понятно, что они не отличаются хорошимъ характеромъ; г. Мальтъ-Брунъ, на которого ссылается г. Фрешфильдъ, идетъ далѣе и утверждаетъ, что, они окружены женщиными, ведущими развратную

жизнь, часто ёдятъ пальцами и пріучають своихъ дѣтей ко лжи, воровству и грабежу», что, конечно, ужасно. Но мнѣ кажется, что если бы авторъ посѣтилъ нѣкоторыя мѣста своей родины, то ему пришлось бы убѣдиться, что и тамъ иногда случается, что мужья забиваютъ до смерти своихъ женъ.

Сванеты представляютъ собой типъ, болѣе мрачный, чѣмъ мингрельцы. Лгуны и воры вообще, они, при случаѣ, становятся разбойниками и убийцами. Сванетія, по своей природѣ соперничающая съ нѣкоторыми мѣстами Абхазіи, считается самою очаровательной страною Кавказа. Тотъ, кому удалось побывать въ этой странѣ, не можетъ безъ увлеченія говорить о ея прелестныхъ долинахъ, величественныхъ лѣсахъ, ея почти тропической растительности и обширныхъ цвѣточныхъ садахъ, устроенныхъ самою природою и нерѣдко покрывающихъ всѣ склоны горы. Но, по общему отзыву всѣхъ кавказцевъ, этотъ земной рай заселенъ самыми варварскими изъ кавказскихъ племенъ. Обмануть, оскорбить и ограбить кого нибудь, не представляетъ для сванета ничего необыкновенного; въ дурномъ расположениіи духа онъ способенъ даже на убийство, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Сванетіи убийства дѣйствительно скорѣе можно объяснить природными свойствами и наклонностями жителей, чѣмъ экспесомъ. Они спокойно убиваютъ другъ друга, и хотя въ большинствѣ случаевъ они, подъ страхомъ наказанія, и кажутся безопасными для путешественниковъ, тѣмъ не менѣе случается, что ихъ природная свирѣпость беретъ верхъ надъ этимъ страхомъ; такимъ образомъ, Фрешильдъ съ товарищами, въ 1868 году, находился отъ нихъ въ большой опасности. Слѣдующій случай, произошедший въ одной изъ долинъ Сванетіи, не задолго до нашего посѣщенія, весьма характеристиченъ. Священникъ, которому не удалось вылечить за болѣвшей коровы, былъ обезглавленъ ея собственникомъ, при рукоплесканіяхъ кружка сочувствующихъ ему друзей.

Совершенно иной родъ людей представляютъ собой магометане, живущіе по сѣверную сторону горъ, между которыми намъ предстояло провести нѣкоторое время. Такъ какъ впослѣдствіи мнѣ придется много говорить о нихъ, то теперь я ограничуясь тѣмъ, что они считаются на Кавказѣ миролюбивымъ и честнымъ народомъ, ведутъ самую простую жизнь, несмотря на то, что иногда владѣютъ много-

численными стадами и табунами. Что касается абхазцевъ, населяющихъ западную провинцію, то про нихъ можно сказать, что они замѣчательны своею эмиграціею, обезлютившею эту мѣстность. Со времени возмущенія въ августѣ 1866 года, большая часть ихъ переселилась въ Турцію, такъ что нѣкоторыя мѣста Абхазіи, покрытая густымъ лѣсомъ, съ давнихъ поръ остаются совершенно незаселенными.

Въ западной части Кавказа замѣтно превосходство магометанскихъ племенъ, живущихъ по сѣверную сторону горъ, надъ христианскими, заселяющими южные ихъ склоны. Будущимъ историкамъ этой страны, безъ сомнѣнія, удастся указать и объяснить причины этого различія въ мѣстахъ поселенія обитателей; въ настоящее же время достаточно сказать, что такое различіе существуетъ. Жители сѣверной части Кавказа представляютъ собою образецъ пастушескаго народа, ведущаго въ своихъ уединенныхъ долинахъ патріархальную жизнь предковъ. Крайне миролюбивый въ настоящее время, народъ этотъ до сихъ поръ сохранилъ еще нѣкоторыя черты болѣе воинственныхъ временъ; во всемъ же остальномъ онъ мало отличается отъ предшествовавшихъ поколѣній. Слѣдуетъ опасаться, что далѣе подобная первобытная жизнь продолжаться не можетъ и вскорѣ должна быть поглощена цивилизациею обширной страны, на окраинахъ которой она существуетъ. Съ проведениемъ желѣзной дороги, которая значительно подвинулась съ прошлаго лѣта, сюда проникнетъ цивилизация нашихъ дней, чтобы ослабить и уничтожить все характеристичное въ жизни этихъ воинственныхъ пастуховъ. Такъ какъ сюда съ запада проникаетъ самое незначительное число путешественниковъ и такъ какъ народъ этотъ вскорѣ долженъ или видоизмѣниться, или исчезнуть, то мнѣ кажется не лишнимъ попытаться описать его жизнь, что и займетъ часть этой книги. Слѣдуетъ прибавить, что страна, о которой я говорю, лежить у подошвы наиболѣе выдающихся пиковъ Кавказскихъ горъ.

Идетъ ли граница Европы вдоль Кавказскихъ горъ или она должна быть проведена нѣсколько сѣвернѣе: вотъ вопросъ, имѣющій важное географическое значеніе; мнѣнія о немъ даже въ настоящее время еще не вполнѣ единодушны, хотя всѣ, болѣе или менѣе авторитетные люди сходятся во взглядахъ. Въ одной изъ корреспон-

денцій Times'a, послѣ нашого возвращенія съ Кавказа, я говорилъ, что Эльборусъ, возвышающійся на окончности съверныхъ отирысковъ Кавказскихъ горъ, находится въ Европѣ. Нѣкоторые изъ Альпійскихъ критиковъ возстали противъ этого, и хотя ихъ замѣчанія доказывали слишкомъ поверхностное знаніе географіи Востока, такъ что, по своей незначительности, не требовали даже возраженій, тѣмъ не менѣе они указывали на существование различія во мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ. Чтобы избѣжать упрека въ бездоказательности моихъ положеній, я считаю нужнымъ вкратцѣ выяснить причины, по которымъ Эльборусъ долженъ принадлежать Европѣ, рискуя этимъ повторить то, что уже многимъ известно.

Въ различныя времена географамъ предлагались различныя границы для восточной и юго-восточной Европы. Для описанія всѣхъ предлагаемыхъ границъ потребовалось бы слишкомъ много места. Наиболѣе же известно и достойно вниманія предложеніе Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, по которому, съ 1778 года границею Европы къ юго-востоку должна считаться линія, проведенная отъ окончности Уральскихъ горъ вдоль кряжа Общаго Сырта и отсюда до Азовскаго моря. Лиція эта должна пересѣчь реки Волгу и Донъ.

Но въ отчетахъ Академіи *) о предлагаемой границѣ не упоминается ни объ одной изъ этихъ рекъ, вслѣдствіе чего определить точную границу было невозможно. Подобную неясность легко можно было ожидать въ такъ названномъ самой Академіею «Очеркѣ», а не полномъ сочиненіи о разграниченіи Россійской имперіи. Какъ бы ни было, подобная граница едва ли могла быть утверждена, таکъ какъ большую частью она была совершенно произвольна и не соотвѣтствовала естественнымъ границамъ, раздѣляя большія реки, верховья и низовья которыхъ должны были, такимъ образомъ, принадлежать различнымъ владѣніямъ, что прямо противоположно правильному взгляду на материкъ. Съверные Кавказскихъ горъ невозможно найти непрерывающуюся природную пограничную линію для юго-во-

*) Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae 1878. Планъ общаго какъ топографического, такъ физическаго описанія россійской Имперіи, предложенной Академіей наукъ въ Петербургѣ.

сточной Европы, а потому единствено возможною границею Европы отъ Азіи, на пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, должны служить водоемы Кавказскихъ горъ. Этотъ взглядъ раздѣлять впослѣдствіи А. Кейтъ-Джонстонъ, высшій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, о чёмъ едва ли требуется говорить; въ настоящее же время его поддерживаютъ всѣ современные географы, хотя нѣкоторые изъ нихъ идутъ далѣе, утверждая, что граница Европы пролегаетъ южнѣе Кавказскихъ горъ *). Лучшимъ возраженіемъ тому, кто вздумаетъ утверждать, что, по теоріи материки непремѣнно долженъ быть ограниченъ водою, можетъ служить то, что между Европою и Азіею во многихъ мѣстахъ недостаетъ подобныхъ границъ и что, во всякомъ случаѣ, произвольно проведенная линія, не обозначенная самой природою, представляетъ совершенно искусственную границу и, конечно, уступаетъ высокому кряжу горъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая граница наиболѣе удобна для Европы: величественная ли стѣна Кавказскихъ горъ или искусственная черта, проведенная по земной поверхности, совершенно одинаковой по обѣихъ сторонамъ? Было бы абсурдомъ отвергать принятіе Кавказскихъ водоемныхъ горъ за пограничную линію, ради педантичнаго и неправильнаго пониманія слова материки, которое могло бы оставить Европу мѣстами безо всякихъ границъ. Предположивъ такимъ образомъ, что граница Европы не можетъ пролегать южнѣе Кавказскихъ горъ, Эльборусъ, возвышающейся пѣсколько южнѣе всей цѣпи, конечно, долженъ считаться самой высокою вершиною въ Европѣ **).

Теперь я вернусь къ моимъ спутникамъ, которыхъ я принужденъ былъ оставить на нѣкоторое время. Пробывъ день въ Тифлісѣ, 3 іюля, Уокеръ, Гардинеръ и я отправились обратно въ Кутаисъ, тогда какъ г. Муръ, въ ожиданіи разрѣшенія отъ русскаго правительства

*.) Смотри карты: Wieland und Kiepert, Weimar, 1866; Pfeiffer, Nurenberg; Brué, Paris 1869. Chartier, Paris, 1869; V. Keith-Johnston, London, edition corrected to 1871; Magin and Pericot, Paris, 1874; Saganson, Paris, 1874; F. Schade, Glogau, 1874; B. Kozen, Vienna, 1874.

**) Если допустимъ даже, что материки долженъ быть ограниченъ водою и приемъ за лучшія границы Европы реки Терекъ и Кубань, то линія, проведенная отъ истоковъ одной реки до истоковъ другой, все же оставить Эльборусъ въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, Монъ-Бланъ долженъ уступить свое первенство.

ства, долженъ бытъ оставаться въ Тифлисѣ. Жители столицы Мингрелии, Кутапса, при постройкѣ желѣзной дороги выказали, если только вѣрить разсказамъ, такое же недоумѣніе, какое нерѣдко приходилось встрѣчать со стороны владѣтелей нѣкоторыхъ англійскихъ графствъ. Самый удобный для постройки путь желѣзной дороги пролегалъ южнѣе Кутапса; строители дороги, однако же, изъявили готовность довести линію до города или провести къ нему вѣтвь, если его жители согласятся пожертвовать на это необходимую сумму, отъ чего послѣдніе положительно отказались. Теперь же, за проведеніе этой вѣтви, имъ пришлось заплатить несравненно дороже. Такимъ образомъ и постройка желѣзныхъ дорогъ, подобно другимъ нововведеніямъ, только подтверждаетъ общепрѣзѣстный исторический фактъ.

При полномъ безпристрастіи недовольныхъ путешественниковъ, мы не могли не осудить подобной скучности мѣстныхъ властей, такъ какъ намъ пришлосьѣхать отъ станціи до Кутапса въ проливной дождь. Вскорѣ, впрочемъ, наше вниманіе было отвлечено отъ устройства желѣзной дороги, такъ какъ Павелъ, встрѣтившій насъ, собралъ въ маленькомъ городкѣ значительный запасъ сплетень, въданное время имѣвшихъ для насъ не малый интересъ. Въ нашемъ путешествіи, повидимому, намъ предстояло много затрудненій. Шелъ сильный дождь, рѣки разливались, мосты были снесены, ручьи, переходимые обыкновенно въ бродъ, сдѣлались недоступными.

Русскій, отправившійся наканунѣ въ Сванетію, долженъ былъ вернуться; это же предсказывали и намъ въ Кутапсѣ. Но разливы рѣкъ казались еще меньшимъ зломъ сравнительно съ другимъ, грозившимъ неосмотрительному путешественнику. По дорогѣ между Кутапсомъ и Они скрывался разбойникъ, необыкновенно смѣлый и свирѣпый. По словамъ Павла, «это былъ мингрельскій князь, совершившій нѣсколько убийствъ и приговоренный за это русскими къ ссылкѣ въ Сибирь. Обладая необычайной сплою и ловкостью, на пути изъ Кутапса въ Тифлисъ онъ вдругъ вырвался отъ сопровождавшихъ его по обѣ стороны солдатъ, выскочилъ изъ повозки и быстро скрылся въ лѣсу, такъ что всякое преслѣдованіе оказалось бесполезнымъ. Онъ соединился съ однимъ или двумя другими бандитами, съ которыми и разбойничаетъ теперь по дорогѣ къ Они. Слѣдователь-

но, и намъ предстояло подвергнуться ихъ нападенію». Мы старались успокоить Павла, указывая на обычное преувеличеніе мѣстныхъ сплетень и на преимущество англійскихъ револьверовъ; это послѣднее произвело на него болѣе сильное впечатлѣніе, видъ же пульныхъ патроновъ окончательно ободрилъ его, такъ что онъ находился въ самомъ веселомъ настроеніи, когда мы подъѣхали къ небольшой грязной гостинницѣ, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники въ Кутаисѣ. Мы велѣли Павлу нанять пару выочныхъ лошадей. Путешествующимъ въ Кавказскихъ горахъ я бы соѣтствовалъ покупать необходимое число лошадей, которыхъ, по окончаніи путешествія, можно продать, такъ какъ наемныя лошади стоять очень дорого, да и достать ихъ обыкновенно бываетъ очень трудно. Намъ же невозможно было запастись своими лошадьми: мы намѣревались раза два по крайней мѣрѣ перейти главныя горы, вслѣдствіе чего нашъ путь долженъ быть пролегать по проходамъ по всей вѣроятности недоступнымъ для лошадей.

На слѣдующій день послѣ нашего пребыванія въ Кутаисѣ, Павелъ привелъ къ намъ маленькаго горбатаго мингрельскаго карлика, изъявившаго готовность сопровождать насъ съ своими двумя лошадьми. Какъ подобаетъ карлику, онъ имѣлъ многое сказать намъ о себѣ и, послѣ вступленія, въ которомъ онъ выставилъ себя человѣкомъ необыкновенныхъ заслугъ и говорящимъ всегда правду, онъ сообщилъ намъ все, что могъ о князѣ-разбойнике, обрисовавъ его еще болѣе черными красками, чѣмъ Павелъ. Когда же, прервавъ его рѣчь, мы спросили, что онъ возьметъ за путешествіе въ Ови, онъ назначилъ баснословную цѣну. «Павель это слишкомъ дорогого, сказали мы». Меньше этого взять не могу, сказалъ карликъ; пусть господа знаютъ, что я всегда говорю правду. Вамъ известно, что по дорогѣ скрывается разбойникъ. За себя лично я не боюсь, такъ какъ никогда не испытываю страха, что могутъ засвидѣтельствовать многіе: и если на насъ нападетъ разбойникъ, то, по всей вѣроятности, онъ сдѣлается моимъ плѣнникомъ. Но вѣдь онъ можетъ напасть и на моихъ лошадей, и если убьетъ ихъ, то я долженъ буду купить другихъ, вотъ почему я и беру дороже.

Мы относились скептически къ существованію князя-разбойника, но вся прислуга въ гостинице глубоко вѣрила въ него и только под-

тврждала слова карлика, который, послѣ напрасныхъ стараній убѣдить насъ, что такія лошади какъ у него попадаются рѣдко, а такихъ людей какъ онъ и совсѣмъ нѣть, вѣжно раскланялся и вышелъ.

Къ нашему великому удовольствію, въ Кутаисѣ мы встрѣтили капитана Тельфера, приготовлявшагося отправиться въ Сванетію съ начальникомъ этого округа, только что назначеннымъ русскимъ правительствомъ. Экспедиція эта удалось капитану Тельферу какъ нельзя лучше, такъ какъ онъ имѣлъ возможность видѣть многое въ этой замѣчательной странѣ. Мы надѣялись встрѣтить его въ Сванетіи, разсчитывая пробраться туда съ сѣверной стороны горъ. Около полудня я имѣлъ свиданіе съ графомъ Левашовыемъ, губернаторомъ Мингреліи, который былъ настолько любезенъ, что сообщилъ мнѣ нѣкоторыя полезныя для насъ свѣдѣнія и приказалъ отправить два, касающіяся насъ, письма къ довольно значительнымъ мѣстнымъ властямъ. Это было большой любезностью съ его стороны, такъ какъ, намѣреваясь уѣхать въ то время изъ Кутаиса, онъ былъ заваленъ работою и я, конечно, не могъ разсчитывать на подобное вниманіе. Къ концу дня пріѣхалъ г. Муръ и привезъ ожидаемую бумагу отъ русскаго правительства за необходимую подписью; бумагою этой повелѣвалось тѣмъ, кого она могла касаться, способствовать намъ всѣми средствами. Весь этотъ вечеръ для собственнаго успокоенія, мы старались доказать, слѣдя правиламъ германской критики, что разбойникъ—лицо миѳическое, продуктъ народнаго воображенія въ Кутаисѣ.

На слѣдующее утро, однако, намъ пришлось убѣдиться въ неправильности примѣненія въ настоящемъ случаѣ исторического метода, употребляемаго по отношенію къ давно минувшимъ событиямъ, по которому почти ничего не должно быть принимаемо за достовѣрное, такъ какъ существующіе факты въ каждую данную минуту могутъ прямо противорѣчить наиболѣе правдоподобнымъ гипотезамъ.

Князь-разбойникъ оказался лицомъ дѣйствительнымъ, такъ какъ на слѣдующее утро онъ былъ пойманъ и привезенъ въ Кутаисъ. Но вѣсть эту мы узнали отъ капитана Тельфера, который видѣлъ солдатъ, доставившихъ опасно раненаго бандита.

Объ этомъ князѣ-разбойнике сложилась странная легенда, не говорящая въ пользу высокаго развитія народа: «Разбойникъ и его отецъ дали другъ другу клятву убивать людей; отецъ оправ-

дывалъ себя тѣмъ, что, будучи отвѣтственнымъ за существованіе подобнаго злодѣя, онъ, какъ честный человѣкъ, обязанъ избавлять отъ него общество; что же руководило поступками сына—не знаю».

Въ гостинницу между тѣмъ пришелъ взволнованный карликъ.

Слышали ли вы новость?, спросилъ онъ Павла.

— Какую новость?

— Разбойникъ схваченъ.

— Неужели? Какъ кто же поймалъ его?

— Конечно никто иной какъ я.

(Разбойникъ былъ схваченъ солдатами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кутаиса). Не говорилъ ли я вамъ, что для меня не существуетъ страха.

— Я полагаю, что теперь, когда не предвидится никакой опасности, вы не должны брать такъ дорого за вашихъ лошадей!

— Напротивъ того, цѣна, назначенная мною вчера, не болѣе какъ обыкновенная цѣна за путешествіе до Они; я настолько добросовѣстъ, что никогда не возвышу цѣны ради разбойника или чего либо подобнаго. Теперь же, когда не предвидится никакой опасности, число путешественниковъ увеличится, къ тому же одна изъ моихъ лошадей захворала, такъ что я самъ принужденъ нанимать лошадь за большую цѣну. Пусть господа знаютъ, что я всегда говорю правду.

Съ трудомъ мы освободились отъ этого странного человѣка и на-няли другихъ лошадей, хотя отправляться въ путь въ тотъ же день было уже поздно. Такимъ образомъ, побѣдивъ всѣ трудности, мы рѣшили пуститься въ дорогу на слѣдующій день рано утромъ. Все не-обходимое для путешествія было уложено, что, впрочемъ, очень легко было сдѣлать, такъ какъ, благодаря опыtnости г. Мура, мы взяли съ собою немного вещей. Весь нашъ багажъ мы свободно могли провезти съ собою по желѣзной дорогѣ. Во избѣжаніе излишней тяжести мы не захватили даже палатки; у каждого изъ насъ было по дождевому плащу на фланелевой подкладкѣ. Кромѣ того, мы захватили съ собою котелокъ, весьма необходимый для путешествія въ горахъ, и небольшой запасъ провизіи. О томъ, что всѣ мы вооружились пистолетами, едва ли нужно говорить. Къ счастью, у Мура была русская офиціальная карта Западнаго Кавказа, называемая пятиверстною, такъ какъ одинъ дюймъ выражалъ собой пятиверстное разстояніе (около 3½ миль).

Карта эта могла дать намъ довольно ясное понятіе о природѣ страны, хотя въ ней попадались неточности, а мѣстами даже и крупныя ошибки при обозначеніи высокихъ вершинъ, кряжей, глетчеровъ и долинъ, расположенныхъ у подножія наиболѣе высокихъ горъ. За это однако же нельзя обвинять офицеровъ, которымъ было поручена работа, такъ какъ въ то время изслѣдовывать всю страну было очень трудно и опасно.

Я пользуюсь случаемъ, чтобы заявить свою глубокую благодарность г. Муру, который своими обширными знаніями топографіи западной части Кавказскихъ горъ, много содѣйствовалъ мнѣ при изданіи этой книги.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В е р х н і й Р і о нъ.

Путешествіе изъ Кутаиса.—Ріонъ.—Тзители, или Красная рѣка.—Монастырь.—Гелати.—Видимое спокойствіе страны.—Мамисоновъ проходъ.—Мѣстность Тквибула и доброинравные ея обитатели.—Сотчорское ущелье.—Таинственная рѣка.—Деревня Никордмinda.—Развалины замка.—Долина Верхнаго Риона.—Деревня Сори и ея священникъ.—Деревня Утсора.—Болѣе дикая мѣстность—Геби; ея мѣстоположеніе и населеніе.—Странствованія жителей Геби по Кавказу и ихъ умѣніе торговаться.—Кавказское краснорѣчіе.—Деревенская сходка.—Школьный учитель.—Наше отправлениe изъ Геби.—Невѣрный путь, которымъ мы слѣдовали съ утра.—Долина Цонкетири.—Краснорѣчіе жителя Геби.—Переходъ черезъ кряжъ.—Лѣсъ рододендроновъ.—Невзгоды.—Остановка близъ Риона.

На Востокѣ существуетъ легенда о принцѣ, который, погрузивъ, по приказанію магика или генія, свою голову въ бадью съ водою, утратилъ всякое воспоминаніе о прошедшей жизни и началъ новую жизнь, полную различныхъ превратностей. Онъ вель войны, выигрывалъ и проигрывалъ сраженія, любилъ и былъ любимъ, пока, наконецъ, послѣ 50 лѣтъ перемѣнного счастья, онъ вдругъ снова не очутился у бадьи съ водою, рядомъ съ волшебникомъ, и не узналъ,

что окунула свою голову только на одно мгновение, которое и показалось ему цѣлою жизнью различныхъ приключений. Въ бредняхъ этой фантастической фабулы заключается доля правды.

Я думаю, что для большинства людей кажущаяся продолжительность времени обусловливается скорѣе различными впечатлѣніями и образами, отражающимися, если можно такъ выразиться, на сѣтчатой оболочкѣ памяти (мозга), чѣмъ дѣйствительною его продолжительностью, такъ что небольшое путешествіе своими живыми впечатлѣніями и воспоминаніями можетъ отдалить одинъ день отъ предшествовавшихъ гораздо рѣзче, чѣмъ цѣлый недѣли и мѣсяцы однобразной, монотонной жизни. Нѣчто подобное намъ пришлось испытать на себѣ, когда мы почувствовали себя совершенно готовыми къ отправленію изъ Кутаиса, имѣя въ рукахъ необходимую бумагу отъ правительства, когда князь-разбойникъ былъ пойманъ и памъ удалось освободиться отъ вранья карлика, и нанять двухъ болѣе честныхъ всадниковъ (horsemen).

Вообще наше путешествіе отличалось множествомъ мелкихъ, совершенно неожиданныхъ случайностей, которая настолько отдалили эту жизнь отъ предшествовавшей жизни на Западѣ, что трудно было повѣрить, что только 17 дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Лондона. Намъ казалось, что мы путешествуемъ никакъ не менѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ; небольшая затрудненія представлялись намъ огромными препятствіями.

Не думаю, чтобы въ данномъ случаѣ мы составляли исключеніе; большинство путешественниковъ, по всей вѣроятности, смотрѣть на всѣ приключения черезъ сильное увеличительное стекло. Мы, однако-же, не утировали этимъ чувствомъ и не унывали даже въ тѣхъ случаихъ, когда памъ грозила большая задержка; но, съ другой стороны, мы не могли и не радоваться, когда убѣждались, что не предвидѣлось болѣе никакихъ препятствій и что мы спокойно могли продолжать путь.

Простившись, къ великому нашему огорченію, съ капитаномъ Тель-Феромъ, которому предстояло пробыть здѣсь два или три дня въ ожиданіи начальника Сванетіи, мы легли спать, надѣясь на хорошую погоду, которой мы жаждали всѣ.

Утромъ, съ разсвѣтомъ, мы разсчитывали отправиться далѣе.

Въ гостиницѣ была злая собава, которая днемъ спала, а большую часть ночи, какъ нарочно, громко лаяла. Лаять на луну она не могла, такъ какъ небо было совершенно мрачно. Лай ея только и объяснялся злостью, свойственною этой дикой и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе трусливой изъ кавказскихъ породъ. Это гадкое животное, привлеченное сапогами Гардинера, расположилось въ этотъ вечеръ около нашей двери. Но не будучи въ состояніи перегрызть толстую кожу сапога, она ворчала и лаяла у нашего порога въ продолженіи всей ночи, вслѣдствіе чего мы съ радостью встали съ разсвѣтомъ, что обыкновенно, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, бываетъ такъ тяжело. Несмотря на 6-ое іюля, утро было холодное и пасмурное, а облачное небо предвѣщало дождь. Но какова бы погода ни была, мы должны были отправиться. Навьючивъ лошадей, мы оставили гостиницу въ началѣ 7-го часа, напутствуемые различными хорошими пожеланіями со стороны толстаго хозяина, противъ довольно крупнаго счета котораго, представленнаго намъ передъ отъѣздомъ, мы не заявили протеста. Я немного замѣштался, какъ будто ради того, чтобы проститься съ грузинцемъ-слугою, на самомъ же дѣлѣ, чтобы бросить въ злую собаку камнемъ, который, къ моему удовольствію, попалъ прямо въ цѣль, послѣ чего я послѣдовалъ за другими спутниками вдоль грязной улицы.

За городомъ нашъ путь пролегалъ вдоль лѣваго берега Ріона, по широкой, живописной дорогѣ. Съ различныхъ мѣстъ извилинъ рѣки, Кутансъ представлялся намъ весьма красивымъ. На правомъ берегу, надъ городомъ, возвышается вершина горы, на которой находятся развалины замка; окруженный веселенькими домиками, замокъ этотъ, подобно большей части развалинъ вообще, свидѣтельствуетъ о прежнихъ тяжелыхъ временахъ и о настоящемъ спокойствіи и благосостояніи города.

Къ сѣверу отъ насъ лежала гористая страна, орошая которую Ріону приходится дѣлать замѣчательныя извилины. Намъ недолго предстояло идти вдоль берега этой рѣки, такъ какъ нашъ путь направлялся къ сѣверо-востоку, и въ незначительномъ разстояніи отъ Кутанса мы должны были круто повернуть вправо, пересѣчь отрыски горъ и снова приблизиться къ Ріону уже вблизи его истоковъ.

Теперь намъ предстояло имѣть дѣло съ Красной рѣкою, или Тзители, недоступною, какъ намъ говорили, по причинѣ сильнаго волненія.

Перейдя горы, мы спустились въ долину, по которой протекаетъ эта рѣка, впадающая въ рѣку Квирилъ, значительный притокъ Риона. Отсюда мы увидали огромный монастырь южнаго Кавказа, извѣстный подъ именемъ Гелати. Трудно встрѣтить зданіе, расположеннное живописнѣе. Въ противоположность нашимъ англійскимъ монастырямъ, стоящимъ обыкновенно на низменныхъ мѣстахъ, Гелати возвышается на прелестномъ лѣсистомъ склонѣ горы, подъ защищою отвѣсной ея вершины. Занимая подобное положеніе, монастырь этотъ какъ будто царитъ надъ очаровательной, разстилающейся внизу долиною. Бѣлыя стѣны и свѣтло-зеленые крыши, отличающія греческую церковь, рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ. Находясь на склонѣ, а не на вершинѣ горы, монастырь этотъ пользуется всѣми преимуществами высокаго мѣстоположенія, не подвергаясь при этомъ разрушительному вліянію вѣтровъ и непогоды. Перевозка транспорта здѣсь очень затруднительна, но трудъ дешевъ и лошадей много. Монахи Гелатскаго монастыря по всей вѣроятности ведутъ болѣе строгую жизнь, чѣмъ монахи другихъ монастырей. По правиламъ греческой церкви, кажется священникъ, въ случаѣ смерти жены, обязанъ постричься въ монахіи, вслѣдствіе чего въ греческихъ монастыряхъ находится множество вдовцовъ; а люда, испытавшіе семейную жизнь, конечно, гораздо менѣе разборчивы въ отношеніи пищи и питія, чѣмъ постригшіеся холостяки.

Что мѣстность эта пользуется благосостояніемъ и безопасностью, видно уже изъ того, что земля здѣсь хорошо обработана и большая часть жителей ходитъ безъ оружія, не имѣя при себѣ даже кинжала, общеупотребительного во всѣхъ другихъ гористыхъ странахъ. Въ продолженіи цѣлаго дня мы не видѣли ни одного человѣка съ ружьемъ или пистолетомъ. Мы встрѣтили значительное число путешественниковъ и выючныхъ лошадей.

По мѣрѣ наступленія дня, дѣлалось все труднѣе и труднѣе составить себѣ ясное понятіе о мѣстности, въ которой мы находились, отчасти потому, что самыя долины были очень извилисты, а также и по причинѣ крайне дурной погоды. Съ ранняго утра день казался насмурнымъ, затѣмъ небо покрылось темными тучами и по склонамъ

горъ сталъ разстилаться туманъ, который постепенно покрылъ всѣ кряжи и вершины, такъ что мы не могли определить направлениія нашего пути, тѣмъ болѣе что и карта едва ли могла служить намъ, такъ какъ эта часть Кавказа была изображена на ней крайне неточно. Нѣкоторое время мы шли вдоль Красной рѣки, которую намъ пришлось перейти три раза, одинъ разъ по мосту и два въ бродъ. Удались отъ этой рѣки послѣ третьаго перехода, мы пересѣкли нѣ высокій холмъ и спустились въ маленькую бововую долину, ведущую въ большую долину, у входа въ которую мы бродили нѣкоторое время; затѣмъ, пройдя долину, мы подошли къ горкѣ, возвышающейся у ея верховья, о чемъ мы узнали впослѣдствіи. Густой туманъ и дождь лишили насъ всякой возможности ознакомиться съ долиною, по которой мы шли, такъ что о мѣстоположеніи мы могли судить только по случайнымъ просвѣтамъ, среди тумана. Виднѣющіеся склоны холмовъ были покрыты сплошнымъ лѣсомъ и напоминали собою наиболѣе живописныя мѣста Юрскихъ горъ. Мы находились на пути отъ Кутанса къ Владикавказу, у Мамисонова прохода, соединяющаго сѣверную часть Кавказа съ южною. Очевидно, не мало труда было потрачено на дорогу, которая проведена такъ искусно вдоль подошвы и склоновъ долинъ и которая по своей ширинѣ доступна не только для лошадей, но и для небольшихъ телѣгъ.

Во время нашего путешествія, дорога эта была въ ужасномъ состояніи: ее ни разу не чинили и не усыпали камнемъ; а такъ какъ почва глинистая, то отъ постоянныхъ дождей, продолжавшихся въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, на ней образовались такія огромныя лужи грязи, какихъ мы нигдѣ не приходилось еще встрѣчать.

Уже наступалъ вечеръ; мы шли по дорогѣ, пролегающей по склону долины, погружаясь въ грязь по колѣно, когда насъ нагналъ одинъ туземецъ, слѣдовавшій тѣмъ же путемъ, и сказалъ, что намъ предстоитъ взобраться на довольно высокій холмъ, отъ которого остается еще добрыхъ 6 миль до деревни Никорцминды, гдѣ мы предлагали переночевать. Хотя онъ говорилъ это изъ личной выгоды, какъ мы узнали впослѣдствіи, но тѣмъ не менѣе говорилъ правду.

Вскорѣ мы снова встрѣтили его у нѣсколькихъ бѣдныхъ лачужекъ, изъ которыхъ одна—носила название гостиницы. Намъ пришлось въ теченіи дня пройти мимо двухъ подобныхъ постоялыхъ дворовъ,

и какъ бы плохи они ни казались, но намъ пришлось убѣдиться, что и такие попадаются весьма рѣдко въ гористыхъ мѣстахъ. Только на Мамисоновомъ пути число путешественниковъ оказалось достаточнымъ, чтобы вызвать къ существованію какіе бы то ни было постоянные дворы.

Самая мѣстность эта носила название Тквибуля, а гостиница, въ которой мы остановились, подобно другимъ, представляла простой сарай съ землянымъ поломъ, безъ печки и съ однимъ окномъ безъ стекла. За окномъ помѣщался маленький шкафъ, въ которомъ находился небольшой запасъ водки, бочонокъ вислаго вина и нѣсколько хлѣбовъ; однимъ словомъ все, чѣмъ хозяинъ могъ угостить путешественника.

Что касается лошадей, то онѣ должны были бродить около дома и ѓсть траву, пока какой то любезный туземецъ не помѣстилъ ихъ въ своей избѣ, вмѣстѣ съ семьею.

Помѣщеніе наше было скверное, но все же мы должны были предпочесть его открытому воздуху, представлявшему единственную возможность выбора.

Нашъ любезный спутникъ оказался хозяиномъ постоянаго двора, вслѣдствіе чего, говоря намъ о разстояніи до деревни Никорцминды, онъ вовсе не гнался за истиной. Другіе туземцы расположились около дома, съ полнымъ равнодушіемъ къ дожду, окружили насъ, какъ только узнали о нашемъ намѣреніи переночевать здѣсь. Они были очень грязны и выражали вполнѣшую готовность услугить намъ; многие оказались замѣчательно ревностными въ этомъ отношеніи, хотя они не могли не полюбопытствовать, кто были путешественники и чѣмъ они занимались. Одинъ мальчикъ прислуживалъ намъ цѣлый вечеръ, считая себя вполнѣ вознагражденнымъ за свои услуги уже тѣмъ, что ему удалось ближе другихъ пристроиться къ намъ. Остальные раздували огонь. Нашъ хозяинъ зашелъ даже слишкомъ далеко въ своей любезности и, когда Муръ попросилъ его помыть сапоги, онъ не только исполнилъ его просьбу, но еще наполнилъ оба сапога водою, полагая, что исполнилъ какъ нельзя лучше возложенное на него порученіе. Подобные промахи можно было простить ради того вниманія, которымъ нась окружили; если эти грубые и грязные мужики, усѣвшіеся за ужинъ, по временамъ

даже и подсмеивались надъ нами, какъ надъ необыкновенными людьми, тѣмъ не менѣе они были очень предупредительны.

Къ ночи дождь усилился, но крыша нашей хижинѣ оказалась довольно крѣпкою. Ничто не можетъ дѣйствовать на путешественника, нашедшаго себѣ убѣжаше отъ грозы, усыпительнѣе шума безжалостнаго дивна.

Пробудившись отъ сна, тревожимаго блохами, я прежде всего увидѣлъ Павла, склонившагося подобно вѣдемъ надъ огнемъ. Вскорѣ я узналъ, что дождь былъ поирежнему очень спленъ, хотя шумъ его уже не измѣнялся намъ пріятнѣмъ. Подойдя къ огню, мы съ удовольствіемъ смотрѣли на прелестнаго Павла, расточавшаго цѣлые потоки французскихъ и мингрельскихъ заклинаній, служившихъ какъ бы дополненіемъ одно другому. Всѣ эти заклинанія относились къ невинному занятію приготовленія чая, что, однако, же представляло не мало затрудненій при слабомъ огнѣ отъ тѣхъ дровъ, которыхъ распространяли Ѣдкій дымъ прямо въ лицо, съ какой бы стороны вы ни сѣли. Наконецъ чай былъ готовъ и мы выпили его, прежде чѣмъ успѣла собраться толпа.

Затѣмъ мы снова отправились по глинистой почвѣ, сопровождаемые еще болѣе густымъ, чѣмъ прежде, туманомъ и сильнымъ дождемъ, которымъ, казалось, можно было бы потушить вулканъ. Говорить о томъ, какъ мы подошли къ ручью, возбудившему въ нашихъ лошадяхъ отвращеніе, которое почему то обыкновенно вызываютъ лошади при видѣ воды; какъ мы съ трудомъ выдѣливали зигзаги, погрузившись по колѣно въ иль; какъ, достигнувъ вершины ущелья, мы не видѣли ничего: говорить объ этомъ—значило бы повторять старую исторію путешествій въ дождливое время, исторію весьма обыкновенную почти во всѣхъ гористыхъ мѣстностяхъ. Тѣмъ не менѣе, намъ однаво удалось подняться на вершину Сатчорскаго ущелья, высотою 3,972 фута, которое составляетъ часть Мамисонова пути, пересѣкающаго закавказскій (sub-Caucasian) гряжь Накеральскихъ горъ. Съ наступленіемъ дня туманъ началъ разсѣваться; перейдя холмъ и начавъ спускаться, мы очутились въ одинѣ изъ очаровательныхъ лѣсистыхъ мѣстностей, которыми такъ славятся южные склоны Кавказскихъ горъ. Въ лѣсу извивается ручеекъ, берущій свое начало нѣсколько ниже вершины ущелья и расширяющійся съ удивительною

быстрою. Въ незначительномъ разстояніи отъ пересѣкающаго его моста, теченіе ручья становится ровнѣе и, образуя нѣсколько изгибовъ, ручей направляется между высокими деревьями, склоняющимися надъ нимъ, наподобіе прелестной арки. Этотъ горный потокъ замѣчательнѣй тѣмъ, что, превратившись почти въ рѣку недалеко отъ истока, онъ вскорѣ совсѣмъ исчезаетъ, а именно: въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе Никорцминды онъ вдругъ скрывается подъ землею и уже не появляется болѣе на поверхность, но крайней мѣрѣ такъ говорятъ туземцы. На русской же картѣ, ручей этотъ снова появляется въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ онъ скрывается подъ землею; но на безусловную вѣрность карты, относительно этой части Кавказа, трудно полагаться, и я склоненъ болѣе вѣрить показаніямъ туземцевъ.

Иногда, во время половодья, подземное русло, куда скрывается ручей, переполняется водою, которая затопляетъ страну и причиняетъ большие убытки. Эта вдругъ исчезающая рѣчка известна подъ названіемъ Шараула (Scharaula). Миновавъ лѣсъ, мы встрѣтили трехъ женщинъ, которая боязливо бросились отъ насъ въ сторону. На нихъ были одѣты короткія платья и шаровары, а нижняя часть лица была прикрыта покрываломъ, въ способъ ношенія которого они выказывали большое искусство. Вскорѣ послѣ этой встрѣчи мы подошли къ деревнѣ Никорцминдѣ, живописно расположенной на склонѣ холма, съ, большою красивою церковью. Мы вошли въ долину Котеви, по которой намъ пришлось спуститься къ Ріону. Эта широкая долина съ красивыми склонами и разбросанными по нимъ долинами и маленькими деревушками, напоминаетъ лучшія мѣста Швейцаріи. Наслаждаясь спокойствіемъ и благосостояніемъ въ настоящее время, мѣстность эта сохранила слѣды прежнихъ разлпчныхъ эпохъ. Нѣсколько ниже Никорцминды, близъ дороги, находятся развалины замка, воздвигнутаго здѣсь, безъ сомнѣнія, съ неблагонамѣренными цѣлями, такъ какъ ущелье, въ которомъ мы находились, по всей вѣроятности, служило путемъ сообщенія съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Этотъ замокъ, подобно многимъ другимъ, попавшимся намъ на юномъ Кавказѣ, казался разрушеннымъ очень давно, не позже замковъ западной Европы. Теперь однако же полагаютъ, что кавказскіе замки служили своимъ владельцамъ вовсе не въ такія отдаленные времена, какъ это кажется, судя по развалинамъ.

Въ 3 часа по полудни мы подошли къ мѣстности, гдѣ долина Котеви переходилъ въ долину Ріона, вдоль котораго мы должны были идти до самыхъ его истоковъ. Поднявшись отъ дождей, рѣка эта съ шумомъ устремлялась вдоль прелестной долины; къ счастью, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ теченіе рѣки достигаетъ наибольшей быстроты, находился мостъ, перейдя черезъ который на правый берегъ рѣки мы, насколько было возможно, ускорили шаги, надѣясь къ ночи прибыть въ большую деревню Они, лежащую по нашему разсчету въ двухдневномъ разстояніи отъ Кутанса. Глядя на карту, мы находили наше предположеніе весьма возможнымъ, причемъ, однако, мы не приняли въ соображеніе очень небольшаго ея масштаба и происходящихъ, вслѣдствіе этого, неточностей въ черченіи. Хотя на картѣ проложенъ былъ весь путь, но тѣмъ не менѣе невозможно было обозначать множество встрѣчающихся на немъ изгибовъ, такъ что прямая линія на картѣ, въ действительности изобилovalа извилинами и изгибами, неговоря уже о подъемахъ и спускахъ. Я считаю излишнимъ говорить о томъ, насколько это удлиняло нашъ путь; идя по долинѣ, мы должны были убѣдиться, къ нашему великому огорченію, что къ ночи мы не могли добраться до Они.

Дорога была хорошая и мѣстами пролегала по мелкому дерну, на которомъ въ изобиліи росли дубы и буки. Склоны по обѣимъ сторонамъ долинѣ, съ высокими и отвѣсными вершинами, были покрыты лѣсомъ. Хотя долина эта была замѣчательна, можетъ быть даже и прелестна, но въ то время подобныя большія долины производили на всѣхъ насъ менѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ долины меньшихъ размѣровъ.

Павелъ рано сталъ поговаривать о томъ, что, въ 9 миляхъ недодѣля до Они, находится деревня Сори, гдѣ, по всей вѣроятности, можно будетъ найти помѣщеніе на ночь. Сначала мы подсѣживались надѣяться; но когда подошли къ этой деревнѣ, то было уже настолько поздно, что мы поневолѣ должны были убѣдиться въ невозможности продолжать путь. Вблизи деревни мы увидѣли нѣсколькихъ, жарко между собою разговаривающихъ поселянъ; замѣтивъ насъ, они тотчасъ же замолкли и смущились, недоумѣвая, кто мы такие, что, впрочемъ, было весьма естественно. Подойдя къ одному изъ нихъ, повидимому священнику, въ широкой развѣвающейся одеждѣ и въ зеле-

ной шапкѣ, на-подобіе чалмы, Павелъ сообщилъ ему, что мы люди почтенные, достойные уваженія и что мы путешествуемъ подъ покровительствомъ русскаго правительства, предполагая, что это послѣднее обстоятельство заставитъ его дать намъ помѣщеніе на ночь. Священникъ, какъ человѣкъ дѣловой и расчетливый, отвѣтилъ на это, что онъ никакъ не сомнѣвается въ томъ, что мы высокопоставленныя лица и что онъ съ удовольствіемъ предложитъ намъ свой домъ, если мы заплатимъ ему, такъ какъ одна честь нашего присутствія не можетъ достаточно вознаградить его, бѣднаго служителя алтаря. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ въ этомъ отношеніи, онъ повелъ насъ къ своему жилищу, находящемуся на склонѣ горы, за деревнею. Жилище священника, состоящее изъ трехъ этажей, выдавалось изъ ряда домиковъ, которые, по большей части, были одноэтажные. Въ нижнемъ этажѣ, по всей вѣроятности, помѣщались кладовыя, а иногда и свиные; главный этажъ состоялъ изъ двухъ большихъ комнатъ, съ широкой галлерею вокругъ и съ мезониномъ. Насъ помѣстили въ одной изъ этихъ двухъ комнатъ, въ которой находились два дивана и небольшой столъ, и, говоря вообще, помѣщеніе можно было назвать достаточно хорошошимъ, если бы оно не находилось во владѣніяхъ огромнаго количества блохъ, которыя, подобно существамъ высшей организаціи, повидимому очень обрадовались перемѣнѣ діэты. Съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и безъ особаго усердія, священникъ, съ помощью своего шестнадцатилѣтняго сына, приготовилъ намъ все, что было нужно.

Потому ли, что женщины на Кавказѣ менѣе любопытны, чѣмъ гдѣ либо, или потому, что ихъ держать здѣсь болѣе взаперти, но намъ не удалось видѣть ни жены, ни дочери священника, хотя всевѣдущій Павелъ и увѣрялъ насъ въ ихъ существованіи. По всей вѣроятности жена священника была дѣйствительно жива, такъ какъ, кроме сына, у него былъ еще маленький ребенокъ, который вскорѣ заявилъ себя крикомъ. Но плачъ бѣднаго малютки не могъ мѣшать намъ, такъ какъ собака священника—это злое животное, пытавшееся укусить одного изъ нашихъ проводниковъ, прогуливалась по галлереѣ и, не переставая, лаяла въ продолженіи всей этой злосчастной ночи.

На слѣдующее утро, послѣ двухчасовой ходѣбы, мы пришли на видъ деревни Они, пользующейся не малымъ значеніемъ въ этой части

Кавказа и считающейся границею цивилизаций. Это большая, пышно застроенная деревня, расположена на левом берегу Риона, несколько ниже его слияния с рекою Сакурою (Sakaura). Хотя дома здесь по преимуществу одноэтажные, но посреди деревни возвышается большое каменное здание и кроме того попадаются дома, которые даже на аукционахъ въ Они считались бы перворазрядными. Повсюду былъ замечательный порядокъ и чистота; сады и поля были обнесены крѣпкими изгородями и множествомъ виноградниковъ, что указывало на хозяйственность и благосостояніе народа. Ячмень на обширныхъ поляхъ, покрывающихъ значительную часть подошвы долины, несмотря на дурную погоду, стоялъ очень хорошо, если принять въ соображеніе, что эти поля находились на высотѣ 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Будучи еще въ Кутансѣ, мы узнали, что въ Они живетъ много евреевъ, на что всѣ смотрѣли какъ на наказаніе для этой деревни. Но въ действительности же мы убѣдились, что такъ какъ представители этого энергического племени не особенно любятъ поселяться въ mestахъ, где имъ нечѣмъ заниматься, то ихъ пребываніе въ Они мы признали за фактъ, полезный и желательный для населенія Они. Хотя намъ и не пришлось зайти въ самую деревню, потому что она лежала нѣсколько въ сторонѣ отъ нашего пути, тѣмъ не менѣе некоторые обстоятельства подтвердили, что въ этой части страны находится значительное количество евреевъ. Въ лежащей же, недалеко отъ Они, деревнѣ Утсорѣ, где мы остановились неподалѣко, еврейскій типъ оказался преобладающимъ. Одинъ старый, сморщенный (какимъ можно себѣ представить только еврея) израильянинъ выказался достойнымъ представителемъ этого услужливаго и даровитаго народа, такъ какъ вполнѣ замѣнилъ намъ хорошаго прислужника (*laquais de place*). Этотъ способный старикъ, который сумѣлъ бы ко времени своей смерти накопить полмилліона, если бы ему пришлось жить въ Парижѣ, вместо Утсори, проводилъ насъ въ гостиницу и, поручившись хозяину въ томъ, что мы самые достойные люди, самъ отправился къ источнику, составляющему гордость Утсори, съ цѣлью принести намъ минеральной воды, одна капля которой, какъ кажется полагали, должна уже была оказать въ томъ или другомъ отношеніи хорошее дѣйствіе на иностранца.

Какъ самъ хозяинъ гостиницы, такъ и большая часть толпы, собравшейся вокругъ насъ, чтобы поглядѣть на иностранцевъ, были евреи; типъ этотъ здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ Кавказа, имѣеть огромное сходство съ кавказскимъ типомъ, такъ что различить ихъ иногда бываетъ очень трудно.

Теперь намъ предстояло вступить въ дѣйствительно дикую страну, такъ какъ мѣстность, къ которой мы приближались, очень рѣдко посѣщалась русскими и едва ли когданибудь иностранцами. До сихъ поръ можно было наблюдать слѣды цивилизациіи, потому что до Они намъ пришлось слѣдоватъ хорошо извѣстнымъ путемъ. Ничто, однако, на этомъ пути не могло произвести очень сильнаго впечатлѣнія на путешественника съ запада. Дурная погода къ тому же помѣшила намъ видѣть многое. Жизнь крестьянъ здѣсь въ материальномъ отношеніи, повидимому, не отличается отъ ихъ жизни въ наиболѣе бѣдныхъ частяхъ Швейцаріи и Тироля. Одноэтажныя кавказскія избы съ большими галереями очень похожи на швейцарскія избы, хотя и уступаютъ имъ. Ячмень и ячнѣй произрастаютъ здѣсь въ большомъ количествѣ, а поля и сады часто огорожены обширными заборами изъ длинныхъ переплетенныхъ прутьевъ. Подобныя изгороди служатъ необходимою защитою отъ кабановъ, изобилующихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказа. Одинъ, отдалѣнно стоящій хуторъ, попавшійся намъ на пути, былъ огороженъ брѣгами частоколомъ, въ 6 или 7 футовъ высотою; входъ къ дому пролегалъ черезъ широкія, хорошо защищенные ворота, какими обыкновенно бываютъ снабжены загородныя дачи въ Англіи. Не было однаждѣ основанія предположить необходимости защиты противъ чего либо страшнѣе кабановъ, такъ какъ все остальное свидѣтельствовало о полнѣйшей безопасности.

Въ деревнѣ Утсори, составляющей границу русской цивилизациіи, находилась послѣдняя гостиница; далѣе нашъ путь долженъ былъ пролегать по дикой, непосѣщаемой мѣстности. Оставивъ деревню, мы продолжали идти вверхъ по долинѣ Ріона. Нашъ путь сходился съ путемъ къ Мамисонову ущелью, пока мы не вошли въ очарованный лѣсъ, въ небольшомъ разстояніи отъ Утсори и не приблизились къ мѣсту, откуда дорога въ Геби дѣлаетъ поворотъ къ NNW, а дорога къ Мамисонову ущелью — къ О. Направляясь къ Геби, мы должны были избрать первый путь и идти лѣсомъ. Слѣдуя позади другихъ,

я увидѣлъ человѣка, удившаго рыбу въ небольшомъ ручейкѣ и заглядывавшаго въ чашу. Мне удалось только замѣтить, что на немъ была грязная русская военная одежда; болѣе подробныхъ наблюдений надъ нимъ я сдѣлать не могъ, такъ какъ, завидѣвъ меня, онъ подобно дикой козѣ, быстро скрылся. Къ этому его могла конечно побудить врожденная скромность; но, насколько известно, скрытность и застѣнчивость че свойствены русскому солдату, всѣдѣствіе чего я былъ склоненъ принять его за бѣглеца. Моя подозрѣнія подтверждалась тѣмъ, что вблизи не было ни одного русского военного поста, откуда могъ бы прийти человѣкъ для ловли рыбы. Такъ какъ несомнѣмъ пріятно вавязываться въ подобныхъ случаяхъ на знакомство съ чужеземцемъ, можетъ быть вооруженнымъ и, повидимому, противъ его желанія, то я и не пытался преслѣдовать русскаго, хотя мнѣ очень хотѣлось убѣдиться въ томъ, что онъ не настоящій бѣглецъ, осужденный вести въ этихъ уединенныхъ лѣсахъ жизнь полную требовъ и ужасовъ.

Пройдя по ущелью, окруженному со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, мы очутились въ открытой мѣстности, гдѣ нѣсколько женщинъ собирали дрова. Менѣе пугливыя, чѣмъ женщины, встрѣченныя нами раньше, онѣ заговорили съ нами, но за отсутствіемъ Павла, находившагося въ нѣкоторомъ разстояніи, между намъ произошло вавилонское столпотвореніе. Слѣдяя прежней своей тактикой съ мингрельскимъ княземъ, я отвѣтилъ имъ на англійскомъ языкѣ, который показался имъ, должно быть, наборомъ самыхъ странныхъ звуковъ, потому что онѣ разразились смѣхомъ, какого мнѣ еще не приходилось слышать отъ женщинъ. Наиболѣе молодая и красива изъ нихъ отъ хохота принуждена была сѣсть. Не имѣя возможности помѣняться съ нами мыслями, онѣ снова принялись за дрова, а мы отправились далѣе. Пройдя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Чюра, лежавшей отъ насъ по сѣверную сторону долины, послѣ отчаянной борьбы съ нѣсколькими собаками, выказавшими сплошное желаніе наброситься на Уокера, мы, наконецъ, пришли на видъ Геби, значительно позднѣе полудня. Переѣхав Ріонъ по мосту, до такой степени плохому, что лошадей пришлось оставить позади, мы пришли въ деревню за полчаса до заката солнца. Это такая необыкновенная страна, и жители, населяющіе ее, играютъ такую важную

роль въ кавказской жизни, что прежде чѣмъ описывать наше пребываніе тамъ, я попытаюсь представить очеркъ Геби и ея обитателей.

Деревня занимаетъ прелестное мѣстоположеніе на лѣвомъ берегу Риона, у самаго поворота долины къ сѣверу. Не говоря о красотѣ мѣстоположенія, о которой первые поселенцы, вѣроятно, такъ же мало тогда думали, какъ и о животномъ магнетизмѣ, едва ли возможно было выбрать лучшую мѣстность. Значительно расширяясь книзу, долина эта съуживается въ верхней своей части, вслѣдствіе чего Геби какъ бы царитъ надъ нею. Для того, чтобы пробраться съ юга къ проходу черезъ главную цѣпь, у верховья долины вершины Риона, а также чтобы спуститься съ этой цѣпи къ югу, необходимо пройти черезъ эту деревню. Черезъ нее же пролегаетъ и путь къ ущелью между Геби и долиною Урухъ. Въ прежнія, болѣе воинственный времена Кавказа, путешественники, избиравшіе одинъ изъ этихъ путей, старались всѣми сплами облегчить себѣ благосклонность поселянъ, и хотя предки нашихъ современниковъ значительно отличались отъ своихъ потомковъ, тѣмъ не менѣе деньги въ большинствѣ случаевъ и тогда должны были служить лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ къ приобрѣтенію этой благосклонности. Въ настоящее время невозможно опредѣлить, на сколько проходы черезъ сѣжныя ущелья были доступны людямъ прежде, но навѣрное можно сказать, что желающіе перейти съ одной стороны кряжа на другую, необходимо должны были (какъ это дѣлается и въ настоящее время) пересѣкать сїжныя ущелья. Вотъ почему мѣстоположеніе деревни Геби, господствующей надъ двумя главными путями сообщенія между южнымъ и сѣвернымъ Кавказомъ, считается наиболѣе выгоднымъ.

Въ Геби конечно могла по временамъ появляться партии путешественниковъ, достаточно сильная для того, чтобы не заискивать благоволенія жителей. Но такъ какъ появление подобныхъ путешественниковъ, по всей вѣроятности, постоянно возбуждало страхъ въ населеніи, то это послужило поводомъ къ основанію многихъ башень, которые въ свое время отлично выполняли свое назначеніе, хотя теперь они оказались бы, подобно карточнымъ строеніямъ, совершенно негодными противъ самой слабой артиллеріи нашихъ временъ. Жители этой деревни боялись не вѣшняго врага, могущаго бом-

бардировать ее издали, а толпы грабителей и поджигателей, а упомянутыя башни, съ отверстіями для ружей, подъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ арокъ, окаймляющихъ вершину каждой, служили безопаснімъ мѣстомъ, откуда можно было направить спльный огонь противъ находящихся внизу. Такъ какъ подобныя башни разбросаны по всей деревнѣ, то и грабежъ представляется дѣломъ не легкимъ, и не особенно увлекалъ даже такихъ отъявленныхъ мошенниковъ, какъ сванеты, или такихъ рѣшительныхъ, какъ мусульмане съ сѣверной части Кавказа.

Оба вышеупомянутые прохода находятся до сихъ поръ во владѣніи жителей Геби, не въ томъ смыслѣ; конечно, что въ ихъ рукахъ находится ключъ къ этимъ проходамъ, такъ какъ уже давно миновало то время, когда подобнымъ способомъ можно было преграждать путь путешественникамъ. Главную роль въ данномъ случаѣ играютъ предпріимчивость жителей и положеніе промышленности въ этой мѣстности. Жители Геби занимаются разносомъ товаровъ по сѣверо-западному Кавказу, вслѣдствіе чего имъ часто приходится перебираться черезъ горы и странствовать по магометанскимъ землямъ въ лѣтнее время. Въ каждой деревнѣ, попадавшейся на нашемъ пути вдоль сѣверного берега Ріона, мы встрѣчали жителей Геби, занимающихся или продажею мелочныхъ товаровъ, или покупкою наиболѣе простыхъ и грубыхъ мѣстныхъ тканей. Туземцы считаютъ ихъ авторитетными лицами въ торговомъ дѣлѣ. Эти коммерсанты относились великодушно ко всему, что только не касалось торговли, и интересно было посмотрѣть какъ они настаивали на гостепріимствѣ по отношенію къ намъ на чужой счетъ. Если бы намъ не удалось видѣть ихъ домашней обстановки, то мы легко могли бы принять ихъ за безкорыстныхъ людей, главная дѣятельность которыхъ заключается въ томъ, чтобы смягчать грубые нравы и заставлять скупыхъ открывать свои кошельки. Къ сожалѣнію, однажды, прежде чѣмъ мы посѣтили сѣверный Кавказъ, намъ пришлось познакомиться съ жителями Геби въ ихъ домашней обстановкѣ, т. е. побывать въ ихъ деревнѣ и убѣдиться въ крайней жадности этихъ обманщиковъ.

Мѣстожительство этихъ кавказскихъ торгашей совсѣмъ не привлекательно, хотя со стороны долины оно и обращаетъ на себя вни-

маніе. Жители, возвращающиеся, по всей вероятности, не съ пустыми руками изъ своихъ долгихъ экскурсій, однако же тщательно скрываютъ свою прибыль. Живутъ они въ бѣдныхъ, грязныхъ лачугахъ; сама, понятно, также неопрятны и грязны, и кажутся бѣдными, тогда какъ многіе изъ нихъ успѣли скопить себѣ значительный капиталъ. Скоро мы убѣдились, что коммерческій разсчетъ играетъ здѣсь главную роль. Прибывъ въ Геби, мы напали сельского старосту прогуливающимся, что составляло одно изъ его обычныхъ занятій, какъ мы впослѣдствіи узнали. Мы вручили этому высокопоставленному лицу бумагу, написанную на мѣстномъ нарѣчіи, которую намъ со-благоволилъ дать графъ Левашовъ. Бумагу эту нужно было предъявить старостамъ Геби и Они, чтобы заставить ихъ содѣствовать нашему предпріятію всѣми средствами. Бумага дѣйствительно оказалась полезною: по прочтеніи ея, староста немедленно проводилъ насъ къ единственному въ этой мѣстности большому двух-этажному дому, занимаемому школою. Здѣсь находилась отдельная комната, которая была предназначена по всей вероятности для знатныхъ путешественниковъ; въ ней то насъ и помѣстилъ староста — и, сказавъ, что онъ знаетъ, что мы люди значительные, просилъ насъ принять увѣреніе въ его расположениіи и дружбѣ, что на югъ Кавказа, какъ и вездѣ, означаетъ, что ожидать отъ него болѣе нечего. Сильный холодъ однако заставилъ насъ попытаться воспользоваться насколько возможно его словами и попросить его содѣствія въ покупкѣ хлѣба и мяса; но, вспомнивъ, что на другомъ концѣ деревни его поджидаетъ товарищъ, онъ быстро скрылся, оставивъ насъ среди толпы поселянъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ комнату. Всѣдѣ за его уходомъ произошло минутное волненіе, такъ какъ одинъ сѣдой старикъ, который повидимому былъ въ числѣ проводниковъ Фрешфильда, узналъ Мура и привѣтствовалъ его такъ радушно и ласково, какъ будто онъ столкнулся съ своимъ потеряннымъ изъ вида благодѣтелемъ. Вполнѣ довольный своимъ открытиемъ, старецъ вышелъ изъ комнаты, чтобы сообщить о немъ быстро собравшемуся кружку товарищей, съ которыми намъ предстояло торговаться. Торговаться они были готовы сколько угодно, такъ какъ были опытны въ этомъ отношеніи. Временемъ они не дорожили; притомъ, сознавая инстинктивно, что чѣмъ дольше они будутъ торговаться, тѣмъ все болѣе

и болѣе усиливающійся голодъ заставитъ насъ скорѣе согласиться на ихъ цѣны, они нарочно мѣшкали, увѣряя насъ, что назначенные ими цѣны самыя обыкновенныя, даже слишкомъ умѣренныя, и что они смотрятъ на насъ какъ на друзей, въ удостовѣреніе чего они призывали тѣхъ святыхъ угодниковъ, которыхъ почему-то мошенники считаютъ своими охранителями. Цѣны, запрошенныя и уменьшеныя только послѣ скучнаго, продолжавшагося болѣе часа торга, были слѣдующія: за четверть бутылки молока 2 шил. 2 пен., за цѣлый ржаной хлѣбецъ, вѣсомъ около 5 ф.—9 пенсовъ; 1 фунт масла—2 шил. 6 пенс. Что касается мяса, то намъ предложили ягненка за 1 ф. стерл. 2 шил. съ крайне неопределенною оговоркою, не претендовать въ случаѣ, если онъ окажется очень малъ. Придя наконецъ къ соглашенію, они выказали вполнѣшую преданность системѣ немедленнаго платежа и за каждую бездѣлицу тотчасъ же требовали деньги; такъ напримѣръ, человѣкъ, у котораго мы сторговали дюжину яицъ, потребовалъ съ насъ плату за одно яйцо, принесенное раньше, и затѣмъ, доставивъ намъ остальныя одиннадцать яицъ въ три приема, онъ каждый разъ отදльно бралъ плату. Сбивать назначаемыя ими громадныя цѣны было не легко, но тѣмъ не менѣе необходимо, потому что, если бы мы согласились на нихъ безъ торга, то на слѣдующій же день они были бы удвоены и даже учетверены. Считая себя не нужнымъ ни Муру, ни Павлу, которые поддерживали торговый споръ, я вышелъ на улицу съ цѣлью до заката солнца познакомиться съ тѣмъ, что насъ окружало. Я вскорѣ очутился на сельской сходкѣ, которая здѣсь особенно оживлена и, подобно парламенту, представляетъ много незинаго удовольствія ея членамъ.

Во время нашего путешествія по Кавказу, насъ поражала страсть его жителей къ разговорамъ. Они рѣдко прекращаютъ бесѣду даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится влачить большія тѣжести подъ лучами палящаго солнца, или путешествовать въ туманѣ и сплошной дождѣ, или пролагать себѣ путь черезъ густой лѣсъ. Говорятъ, что въ кавказскихъ женщинахъ дотого развита страсть къ болтовнѣ, что они въ состояніи поддерживать очень продолжительную бесѣду безъ малѣйшаго напряженія; я же беру на себя смѣлость заявить, что и мужчины здѣсь не могутъ быть сравниваемы

ни съ какими женщинами всего свѣта по отношенію къ болтливости. Если бы Карлейль обратился къ жителямъ Кавказа, то ему потребовалось бы написать гораздо болѣе 30 томовъ, чтобы наложить на нихъ священную печать молчанія.

Принявъ въ соображеніе этотъ прелестный даръ краснорѣчія, жители Геби показались намъ самыми благословеннымъ изъ всѣхъ встрѣчаемыхъ нами народовъ.

Ближе другихъ подходитъ къ нимъ въ этомъ отношеніи жители Учъ-Кулана, съ которыми намъ пришлось столкнуться подъ конецъ нашего путешествія; во, обращаясь назадъ, насколько мнѣ помнится, пальму первенства въ болтливости пришлось отдать южнымъ кавказцамъ. Наибольшая сила краснорѣчія сыновъ Геби проявлялась въ сельскихъ сходкахъ. Мѣстомъ сходокъ служилъ небольшой валъ, покрытый травою, находящійся недалеко отъ дома, въ которомъ мы помѣщались; здѣсь-то, обыкновенно около полудня, часа на два или на три собирались поселяне для оживленной бесѣды. Удалившись съ торга, я засталъ ихъ, какъ мнѣ показалось, на самомъ интересномъ періодѣ ихъ преній, такъ какъ собраніе было увлечено состязаніемъ краснорѣчія между представителемъ власти (положимъ, докторомъ Джонсономъ изъ Геби) и худощавымъ пожилымъ человѣкомъ (представителемъ оппозиціи), который, повидимому, потерпѣлъ грушеніе въ общественномъ мнѣніи.

Староста, вернувшись изъ своей прогулки на другой конецъ деревни, дѣйствовалъ въ качествѣ руководителя, такъ какъ, когда граждане забыли всякое приличіе и стали плевать другъ въ друга, онъ вмѣшался и сдѣлалъ имъ нѣсколько замѣчаній, которыхъ, если я не сильно ошибаюсь, можно сравнить съ замѣчаніями мироваго посредника, объявляющаго диспутантамъ, что относительно обѣихъ сторонъ остается сказать еще многое, хотя каждая изъ нихъ высказалась прекрасно.

Я снова посѣтилъ сходку на слѣдующій день, когда пренія были настолько длинны и оживленны, сопровождались такими жестами и выслушивались съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что я подумалъ, что разбирается вопросъ, имѣющій важное мѣстное значеніе, но черезъ посредство Павла я узналъ, что это была самая обыкновенная бесѣда, для которой поселяне собираются каждый день около

полудня. Сильный дождь, шедший въ теченіи двухъ дней, смущающъ ихъ не болѣе чѣмъ стаю бобровъ.

Намъ интересно было познакомиться съ разговоромъ жителей Геби, такъ какъ намъ предстояло выискать между ними проводниковъ, съ которыми мы могли бы перейти главный кряжъ горъ по проходу, ведущему отъ верховьевъ Риона къ верховьямъ долины Терека и добраться до Кунима или какой нибудь другой изъ ближайшихъ деревень, употребивъ на все это путешествіе три или четыре дня. Вначалѣ, прежде чѣмъ направиться къ проходу, мы предполагали подняться на пикъ Тау-Бурдизуля, возвышающійся на 14,000 футовъ къ с. в. отъ Геби. Для этого мы разсчитывали на слѣдующій день нашего прибытія въ деревню пройти боковой долиной къ подножію упомянутой вершины, переночевать тамъ и уже на слѣдующее утро начать восхожденіе.

Но при путешествіи въ горахъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, человѣкъ находится въ полнѣйшей зависимости отъ погоды, и во время нашего путешествія намъ часто приходилось убѣждаться въ справедливости этихъ словъ. Еще вечеромъ въ день нашего прибытія, во время бесѣды Павла съ жителями, начался дождь, который усиливается по мѣрѣ приближенія ночи и наконецъ сдѣлался проливнымъ. На слѣдующее утро погода еще ухудшилась. Кряжи горъ и окружающие ихъ холмы покрылись туманомъ, разстлавшимся по склонамъ на значительное пространство, шель сильный дождь и барометръ упалъ. Попытка подняться на неизвѣстную гору при такихъ условіяхъ, въ отношеніи опасности, была равносильна попыткѣ пуститься въ море на гребномъ суднѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное время, намъ оставалось только отказаться отъ восхожденія на пикъ Тау-Бурдизуля и приготовиться къ переходу на сѣверную сторону кряжа Кавказскихъ горъ; мы послали къ старостѣ съ просьбою найти людей, которые могли бы сопровождать насъ. Имѣвшееся у насъ разрѣшеніе отъ русскихъ властей обязывало его оказать намъ эту услугу, и онъ обѣщался достать здоровыхъ, сильныхъ и честныхъ проводниковъ, которые могли бы нести нашу еладу.

Старосту Геби ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать дурнымъ человѣкомъ, хотя онъ и не высказалъ готовности помочь намъ

достать пищи; но, я полагаю, въ этомъ отношеніи имъ овладѣль страхъ, что мы будемъ обращаться къ нему съ требованіемъ снабжать насъ всѣмъ необходимымъ по рыночнымъ цѣнамъ. Можетъ быть разрѣшеніе, полученное нами въ Кутансѣ, и дѣйствительно могло быть истолковано такъ, что давало намъ право заявлять подобныя требованія,—и уже одна мысль объ этомъ устрашала старосту Геби. Когда же онъ убѣдился въ нашей нетребовательности, онъ сдѣлался крайне услужливъ по отношенію къ намъ, самъ розыскивалъ намъ проводниковъ и старался быть намъ во всемъ полезнымъ, безъ всякаго опасенія получить ничтожную прибыль. Во время нашей бесѣды съ нимъ, послѣ полудня, онъ рассказалъ намъ о своей бытности солдатомъ, о своемъ участіи въ двухъ кампаніяхъ противъ Шамиля; сообщилъ, что деревня Геби управлялась шестью старостами, надъ которыми онъ былъ главнымъ. Насколько они всеѣмъ-стѣ пользовались авторитетомъ, я не могу сказать, но авторитетъ настоящаго старости мнѣ показался весьма слабымъ, и вообще старосты всѣхъ кавказскихъ деревень, какъ намъ показалось, обладали самою ничтожной властью*), хотя и пытались высказать свое значеніе передъ иностранцами; одинъ изъ нихъ оказался даже настолько не-почтительнымъ, что сравнивалъ свою обязанность съ обязанностью городскаго главы.

Великой похвалы заслуживають жители Геби за одно учрежденіе, о которомъ мы поразспросили старосту. Какъ я уже сказаъ выше, мы помѣстились въ зданіи школы; классная комната находилась рядомъ съ нашею. Кроткій учитель, грузинъ, властноволъ надъ этимъ классомъ небольшихъ мальчиковъ, которыхъ онъ умѣлъ держать въ повиновеніи, избѣгая, повидимому, слишкомъ строгой дисциплины. Наше присутствіе, однакоже, было совершенно незаслуженнымъ испытаніемъ какъ для учениковъ, такъ и для учителя. Когда, на слѣдующее утро послѣ нашего прибытія, мы проходили черезъ классную комнату, тамъ мгновенно воцарилось молчаніе и болѣе двадцати проницательныхъ глазъ устремились въ нашу сторону. Учитель, если я не ошибся въ его тонѣ, обратился уже къ юношеству съ наставлѣніемъ беречь книги; но когда Муръ вытащилъ золотые

*.) Старости деревень назначаются русскимъ правительствомъ на определенный срокъ.

часы, чтобы показать ихъ любознательному туземцу, онъ вдругъ остановился и, не смотря на свою застѣнчивость, рѣшился приблизиться, чтобы взглянуть на диковинку.

Учениковъ заставили читать и писать на ихъ родномъ языкѣ, т. е на грузинскомъ. По словамъ старшины, домъ былъ выстроенъ исключительно на средства крестьянъ; на эти же средства содержалась и школа, такъ какъ правительство съ своей стороны не жертвовало ничего. За это, конечно, мы не могли не одобрить жителей, хотя повидимому, учителя кормили плохо, такъ какъ онъ казался весьма тощимъ.

Въ Геби вообще принято за обычай бѣть только одинъ разъ въ сутки, такъ что пищу, принимаемую одинъ разъ въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ, туземцы сочли бы только недостаточною, тогда какъ намъ уже одна мысль объ этомъ показалась бы ужасною. Я боюсь, что жители Геби подмѣтили въ насъ противоположную крайность, такъ какъ они выражали Павлу свое удивленіе относительно того, какъ человѣкъ можетъ принимать пищу три раза въ день. Ничто въ насъ, какъ они сами говорили, не поражало ихъ такъ сильно, какъ этотъ необыкновенный аппетитъ.

Лучи солнца, по временамъ проскальзывающіе сквозь густыя облака, побудили Уокера снять фотографію съ группы жителей Геби. Для этого мы выбрали туземцевъ съ наиболѣе характеристическими мошенническими лицами, которые были очень довольны оказанной имъ честью, хотя въ нихъ вкрадось сомнѣніе относительно того, чтобы этотъ поступокъ не повліялъ дурно на ихъ послѣдующую жизнь. Намъ однако удалось успокоить ихъ. По окончаніи этой операции, они получили восторженныя поздравленія отъ своихъ товарищъ за честь выбора и за свою рѣшимость на подобный рискъ. Толпа поселянъ слѣдила за нами въ данномъ случаѣ, какъ вообще она слѣдила за всѣми нашими дѣйствіями. Лыбопытство было напряженное и не ослабѣвало во все время нашего пребыванія. Въ теченіи цѣлаго дня около нашего дома толпился пародъ,—который по всей вѣроятности забрался бы и въ комнату, если бы мы не заперли дверей и для выхода и входа не употребляли бы окна. Сыны Геби не задумались бы конечно пройти черезъ дверь, но передъ окнами они только бродили, не рѣшась войти: приличіе существуетъ и въ Геби, не смотря на низкую ступень развитія ея жителей.

Въ продолженіи цѣлаго дня дождь и туманъ не прекращались. На слѣдующее утро, 10 іюня, обстоятельства нѣсколько измѣнились въ благопріятную сторону, и мы довольно рано начали борьбу съ однѣмъ изъ наиболѣшихъ неудобствъ путешествія по Кавказу, а именно—съ ротозѣйствомъ туземцевъ. Старшина Геби отыскалъ намъ восьмерыхъ проводниковъ, которые собрались около нашего дома и потратили болѣе часа на разсужденія о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ смотрѣть на наше неоднократное повтореніе относительно того, что баражъ готовъ. Убѣжденные наконецъ войти комнату, они употребили еще часъ въ спорахъ о томъ, какъ удоблѣе нести кладъ и, только благодаря энергическому участію старосты, намъ удалось наконецъ двинуться въ путь. Собравшіеся крестьяне съ прежнѣмъ любопытствомъ смотрѣли на наше удаленіе, а двое изъ старшихъ проводили насъ довольно далеко. Сначала путеводители нашишли довольно хорошо и мы разсчитывали къ слѣдующему утру сдѣлать большой переходъ. Но этой надеждѣ не суждено было сбыться: спустя часъ послѣ выхода изъ деревни, наши проводники заявили намъ, что необходимо перейти на правый берегъ рѣки Ріона, которая раздѣляется здѣсь на нѣсколько мелкихъ каналовъ. Выше же перейти было невозможно, такъ какъ Ріонъ суживается и становится глубокимъ. Тогда Муръ и одинъ изъ проводниковъ сѣли вдвоемъ на лошадь, нарочно для этого приведенную, и такимъ образомъ перебралисъ черезъ рѣку. Хотя переходъ этотъ и не представлялъ большой опасности, по онъ былъ и не особенно легокъ. Только успѣли они перейти на другой берегъ, какъ были отзваны обратно проводниками, которые рѣшились держаться лѣваго берега. Переидя рѣку, они встрѣтились съ новыми препятствіями, которыхъ намъ удалось избѣжать. Но продолжая нашъ путь вдоль лѣваго берега, мы значительно удлинили и усложнили его, какъ это оказалось впослѣдствіи. Преодолѣвъ представившіяся въ данную минуту затрудненія, проводники наши, не теряя спокойствія духа, направились далѣе, избравъ певѣрный путь. Мы слѣдовали за нашими безтѣковыми вожаками сначала по долинѣ, вдоль рѣки, затѣмъ по крутымъ отрогамъ горъ, покрытыхъ величественнымъ лѣсомъ, и по луговымъ пространствамъ съ роскошною растительностью, превышающею нашъ ростъ.

Восхищаясь всѣмъ и не подозрѣвая уклоненія отъ вѣрнаго пути, мы только значительно позже полуудня очнулись отъ нашего заблужденія и убѣдились въ томъ, что совсѣмъ не слѣдовало идти этой прелестной долиною и что, по всей вѣроятности, намъ предстоитъ остановиться въ значительномъ разстояніи отъ прохода. Муръ, отчасти благодаря находившейся при немъ крайне неточной картѣ, отчасти инстинкту, выработанному въ немъ многолѣтними путешествіями въ Альпахъ, сообразилъ, что, миновавъ горы, проводники наши, вмѣсто того, чтобы снова спуститься въ долину Ріона, привели насъ въ долину его притока, Цопкетири, и что высокій кряжъ горъ находится между нами и притоками главной рѣки, до которыхъ мы разсчитывали добраться къ ночи. Ясно, что ошибка произошла оттого что мы держались лѣваго берега Ріона; вдоль этого берѣга, не удаляясь отъ самой рѣки, можно идти только до извѣстной границы, за которую берегъ мѣстами слишкомъ врутъ и отвѣсенъ. Старшій изъ нашихъ проводниковъ на наши вопросы отвѣчалъ слѣдующимъ:

Житель Геби: — Господа совершенно правы — это долина Цопкетири, но это наилучшая изъ всѣхъ дорогъ.

Муръ: — Какимъ же образомъ вы доведете насъ до наступленія ночи въ проходу, согласно вашему обѣщанію? Когда же мы успѣемъ пройти такъ много, когда день уже почти на исходѣ? Утромъ вы не перешли рѣки, гдѣ слѣдовало, теперь же вы привели насъ въ гористую мѣстность и заставляете перебираться черезъ кряжъ, который обходить вѣрная дорога.

Житель Геби (сообразивъ, что Муръ такъ вѣрно угадываетъ мѣстность): нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (говорить вспыльчиво). Это настоящая дорога. Неужели же господа могутъ думать, что я ихъ обманываю? Къ ночи мы будемъ у прохода. Я обѣщаю! Я клянусь! Если же я не исполню своего обѣщанія, пусть господа свяжутъ мнѣ руки и ноги и отрубятъ голову, — вотъ такъ (обводя пальцами ворогъ шеи). Пусть всѣ двѣнадцать апостоловъ сообща препрѣгадятъ мнѣ путь къ небу послѣ моей смерти и навсегда покинутъ меня (при этомъ послышался ропотъ другихъ, какъ бы въ знакъ одобренія того, что говорилъ старшина).

Приведенная бесѣда и вызванное ею возбужденіе заставили нашихъ проводниковъ пройти гораздо больше, чѣмъ они предполагали.

Они уже разсчитывали переночевать въ долинѣ Цонкетири, но подъ страхомъ наказанія, котораго они могли ожидать отъ строгаго старшины, они ревностно принялись за дѣло, намѣреваясь пройти въ другую долину, прежде чѣмъ стемнѣеть. Трудъ предстоялъ большой, а времени оставалось мало. Прежде всего надо было пройти въ бродъ Цонкетири. Въ обыкновенное время переходъ этотъ не представляется затрудненій; но тогда, во время разливія рѣки, по причинѣ спильныхъ и продолжительныхъ дождей, едва можно было устоять противъ теченія. Каждый изъ насъ, дойдя до средины рѣки, подвергался значительной опасности, возбуждая въ то же время въ другихъ невольный смѣхъ, который не могъ не раздражать даже въ уединенной долинѣ. Однако же всѣ перебрались благополучно; вслѣдъ за тѣмъ появилось новое препятствіе при восхожденіи на довольно крутую гору, возвышающуюся на 2000 футовъ. Хотя скотопасы и проторили въ густой травѣ тропинку, по на всемъ пути намъ безпрестанно попадался скользкій валежникъ.

Подымаясь на гору, мы въ теченіи иѣкотораго времени видѣли прелестный глетчеръ, въ которомъ Цонкетири беретъ свое начало. Хорошо обозначившаяся средня морена раздѣляетъ глетчеръ на двѣ части, изъ которыхъ нижняя, судя по нашимъ, довольно поверхностнымъ познаніямъ, возвышалась на 6,500 футовъ наѣ поверхностью моря.

Такъ какъ было уже довольно поздно и въ нашемъ распоряженіи, слѣдовательно, оставалось немногого времени для наблюденій, то мы должны были, по возможности, ускорить наше восхожденіе на гору.

Когда, наконецъ, мы достигли вершины, то оставалось очень мало времени до вечера, чтобы спуститься къ подошвѣ долины, лежащей внизу, вслѣдствіе чего, отдохнувъ нѣсколько минутъ, мы отправились далѣе, не смотря на дождь, усиливавшійся съ приближеніемъ ночи.

Путешествіе это оставило неизгладимые слѣды на нашей памяти. Рѣдко красоты природы въ состояніи заставить забыть физическіи неудобства. Надосугъ, сидя въ мягкомъ креслѣ, съ первомъ въ рукахъ, конечно, гораздо легче предаваться восторгу; но какъ часто жестокая дѣйствительность вызываетъ въ пугающеющемъ по горной странѣ желаніе поскорѣе закончить путешествіе, такъ какъ и величие вы-

сокихъ никовъ, ни прелестныи извилины рѣкъ, ни безконечное разнообразіе очаровательныхъ долинъ не могутъ изгладить впечатлѣній голода, холода и утомленія. Многіе путешественники, я полагаю, со-знаются, что они не разъ находились въ подобномъ состояніи. Однако же выпадаютъ по временамъ моменты, когда чувство прекраснаго бѣретъ верхъ надъ физической усталостью. И дѣйствительно, спускаясь по склону горы, подъ вліяніемъ всего, что наскѣкло, немулено было забыть и усталость, и холодъ, и голодъ. Нашъ путь пролегалъ черезъ цѣлый лѣсъ бѣлыхъ рододендроновъ, которые въ то время были въполномъ цвѣту. На этомъ блестящемъ фонѣ мѣстами про-глядывали другіе яркіе разноцвѣтные цвѣты, подобно драгоценнымъ камнямъ на царской мантіи. Въ этомъ чудномъ саду, устроенному самой природою, нельзя было подмѣтить слѣда человѣческой или другой какой либо жизни. Рододендроны простирались на протяже-ніи часовой єзды и принадлежали къ породѣ крупноцвѣтныхъ, а не мелкоцвѣтныхъ, которыми такъ изобилуютъ Альпы.

Миновавъ этотъ цвѣтникъ и слѣдующій за нимъ лѣсъ, мы подошли къ подошвѣ долины въ довольно жалкомъ положеніи: Муръ въ рододендроновомъ лѣсу сильно повредилъ себѣ плечо, что вызвало страшную боль отъ прежнаго вывиха. Уокеръ, поскользнувшись съ камня, выкупался въ горномъ потокѣ. Иногда кушанье можетъ нравиться, въ данную же минуту оно показалось крайне непріятнымъ. Остальные изъ насъ промокли насѣквъ, потому что дождь лилъ съ тропической силою съѣстныхъ припасовъ оставалось очень мало. Чутешествующіе въ безлюдныхъ, непосѣщаемыхъ мѣстахъ должны однако радоваться и при худшей обстановкѣ. Отъ ропота насъ удер-живали туземцы, которые казались одинаково счастливыми здѣсь, какъ и на сходкѣ въ своемъ деревенскомъ парламентѣ. Плуты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они отличались весьма веселымъ нравомъ и даже не лишены были сообразительности и здраваго смысла. Набравъ сухихъ сучьевъ въ лѣсу, они съ удивительной быстротою раз-вели костеръ, и, собравшись около огня, съ обычнымъ жаромъ при-нялись за свою любимую бесѣду, тогда какъ отъ ихъ мокраго платья поднимался паръ какъ отъ картофеля. Подражая, на сколько воз-можно, ихъ веселости, мы предсказывали хорошую погоду на завтра.

Наша одежда и шубы, которыми мы укутались, были на столько

сыры, что мнѣ пришло въ голову, что на слѣдующее утро мы будемъ покрыты мѣховой плѣсенью. Да едва ли это и не случилось съ однимъ изъ насъ.

Еще долго послѣ того, какъ намъ удалось устроиться по возможности удобно, жители Геби продолжали свой разговоръ; огонь освѣщалъ ихъ дикия фигуры, рѣзко выдѣляя ихъ отъ темнаго мрачнаго лѣса. Вообще вся картина производила такое впечатлѣніе, что и самъ Рембрандтъ, какъ обыкновенно выражаются, не отказался бы срисовать ее. Я же полагаю, что въ данномъ случаѣ Рембрандтъ предпочелъ бы остаться дома, такъ какъ сильный дождь не прекращался ни на минуту. Голоса жителей Геби даже смолкли, а однообразный шумъ ливня все еще продолжался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Долина Вѣрхняго Риона.

Истокъ Риона.—Переходъ черезъ главный кряжъ.—Спѣгъ и туманъ.—Наши спутники.—Провалы въ глетчерахъ.—Двое жителей Геби и ихъ быкъ.—Переходъ скота по проходомъ въ глетчерахъ.—Большіе глетчера у верховья долины Терека.—Сторожъ табуновъ и стадъ.—Магомеданскій предразсудокъ.—Охотникъ на козъ.—Спускъ въ долину.—Величие горъ, окружающихъ ее.—Долина Дихъ—Су.—Большое ледяное поле.—Восхожденіе по лѣвому его склону.—Обширная система глетчировъ.—Снова дурная погода.—Вечеръ въ сторожкѣ.—Спускъ по долинѣ къ Куниму.—Кавказскія жилища.—Холодный пріемъ.—Его причина.—Дальнѣйшее путешествіе по долинѣ.—Величественный полетъ орловъ.—Счастливое избавленіе отъ опасности.—Ущелье Терека.—Возвращеніе въ Кунимъ.—Любопытство жителей Кавказа.

Слѣдующій день не принесъ съ собою никакой перемѣны. Дождь не переставалъ и тучи не разсѣевались, вслѣдствіе чего мы могли только немнogo подняться по долинѣ, до того мѣста, гдѣ, подъ прикрытиемъ скаль, жители Геби обыкновенно ночуютъ. прежде чѣмъ

подойти къ проходу. Наши носильщики, опытные въ этомъ дѣлѣ, нарѣзали вѣтвей и расположили ихъ между скалами такъ, что образовалась прекрасная крыша. Оставалось одна надежда на хорошую погоду на завтрашній день, которой жаждалъ каждый изъ насъ.

Ночью дождь прекратился, и на слѣдующее утро хотя туманъ и покрывалъ еще кряжи горъ, но небо было уже совершенно чисто. Такъ какъ и безъ того задержекъ было не мало, то мы, безъ дальнихъ разсужденій, рѣшились двинуться къ перевалу; да и наши проводники пришли къ убѣжденію, что слѣдуетъ пользоваться хотя непродолжительными промежутками хорошей погоды.

По восточную сторону долины, недалеко отъ мѣста нашей стоянки, находилось основаніе огромнаго глетчера, откуда береть свое начало западный Ріонъ. Хотя восточный рукавъ Ріона, сливающійся съ западнымъ нѣсколько выше Уткори, и представляетъ весьма значительную рѣку, тѣмъ не менѣе западный рукавъ правильнѣе считать главною рѣкою.—Я полагаю, что мы были первыми западными путешественниками, добравшимися до истоковъ Ріона изъ образующихъ его льдовъ. Мы утѣшались тѣмъ, что намъ удалось закончить изслѣдованіе, которое уже такъ давно было начато Язономъ и Аргонавтами.

Глетчеръ не наполняетъ верховья долины, представляющей обширное мрачное пространство, куда мы и вошли, оставивъ вправо основаніе глетчера. Проходъ пролегаетъ по наиболѣе возвышеннымъ его снѣгамъ; но такъ какъ пройти по глыбамъ льда, которыми оканчивается проходъ и которыя за туманомъ были видны только частично, казалось невозможнымъ, то мы и рѣшили подняться по склону долины, ведущей къ окраинѣ утесовъ, которые возвышаются по правую сторону глетчера; затѣмъ, пройдя вдоль утесовъ къ мѣсту, где глетчеръ имѣетъ одинаковую съ ними высоту, мы должны были спуститься.

Всльдствіе этого, войдя въ верховья долины, мы стали взбираться на сѣверо-восточный склонъ ея, где, далѣе чѣмъ на половинѣ всего разстоянія, мы были встрѣчены густымъ туманомъ, не позволявшимъ намъ составить какое либо понятіе объ окружающей насъ мѣстности по мѣрѣ восхожденія. Къ этому еще присоединился снѣгъ, всльдствіе чего остальная часть дороги, которую мы принуждены были совершить въ темнотѣ, показалась намъ очень скучною.

Послѣ утомительной прогулки по отвѣснымъ склонамъ, мы достигли окраины утесовъ, вдоль которыхъ мы направились, пока не дошли до мѣста, гдѣ глетчеръ подымается до одинаковой съ ними высоты. Мы увидали снѣгъ уже въ верховьяхъ долины, что, конечно, произошло отъ спльна го паденія въ теченіи послѣдніхъ двухъ или трехъ дней. Вдоль окраины утесовъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ и, какъ бы странно ни показалось альпійскимъ читателямъ, но мы были не въ состояніи точно опредѣлить, когда мы вступили на самый глетчеръ.

Небольшая трещина однако доказывала, что подъ нами былъ ледъ уже вскорѣ послѣ того какъ мы покинули утесы, и, пройдя нѣкоторое разстояніе по отлогимъ, волнобразнымъ снѣговымъ склонамъ, сквозь просвѣтъ въ туманѣ мы увидали невдалекѣ отъ насы вершину, къ великому восторгу нашихъ проводниковъ, которые начинали уже смущаться, несмотря на удивительное знаніе мѣстности.

Небольшое путешествіе по отлогому склону привело насы къ вершинѣ перевала гдѣ мы, подобно умѣрающему поэту, жаждали свѣта. Но туманъ еще болѣе сгустился, такъ что, находясь въ водоемѣ Европы и Азіи, мы въ состояніи были видѣть только падающій снѣгъ. Наши проводники, которые шли не дурно, сняли шапки и стали креститься, произнося краткую благодарственную молитву за то, что имъ удалось благополучно пройти такое большое разстояніе. Когда же мы начали спускаться, возникли новыя затрудненія. Насъ предупреждали, что по сѣверную сторону прохода находятся отверстія во льду, или, лучше сказать, трещины, въ которыхъ иногда падаютъ путешественники и убиваются до смерти. вслѣдствіе чего благоразуміе заставляло обвязаться веревкою. Проводники, имѣвшіе нѣкоторое понятіе объ ея употребленіи, предложили сами обвязаться веревкою съ тѣмъ, чтобы мы могли идти по ихъ слѣдамъ. Нашъ отказъ воспользоваться этимъ благоразумнымъ предложеніемъ произвелъ всеобщій ропотъ, который смѣло можно сравнить съ крикомъ двадцати рыбныхъ торговокъ. Когда мы стали спускаться по довольно обрывистому склону, то никто не стѣснялся, насколько возможно громко, выражать свои мысли. Мы однако не обращали на это никакого вниманія, вслѣдствіе чего наши проводники вскорѣ прекратили споръ и стали произносить молитвы.

Мы успѣли пройти незначительное пространство отъ вершины, какъ туманъ разсѣялся, и мы были въ состояніи видѣть нашъ путь по глетчеру. Очевидно было, что кратчайшій путь пролегалъ по лѣвой сторонѣ, черезъ небольшія, почти безопасныя трещины, къ которымъ однако не рѣшались подходить наши проводники, исключая одного старика, болѣе другихъ довѣрившагося намъ; но и его успѣли запугать и, несмотря на свою рѣшимость пдти съ нами, онъ молился жарче прежняго. Остальные, наругавшись вдоволь, удалились, говоря своему товарищу: «Идіотъ, если ты хочешь быть убитымъ вмѣстѣ съ этими безумцами, то ступай своей дорогою». Однако безумцы и идіотъ достигли нижней части глетчера гораздо раньше остальныхъ, которые придерживались правой стороны и вслѣдствіе этого должны были сдѣлать большой кругъ; когда нашъ спутникъ увидѣлъ, что мы такъ обогнали другихъ и что намъ удалось благополучно миновать всѣ смущавшія его опасности, то онъ прекратилъ свои мольбы и пытался принять такой видъ, какъ будто онъ ничего не боялся, что однакоже ему не удавалось, какъ это всегда бываетъ съ человѣкомъ, старающимся принудить себя.

Послѣ довольно легкаго путешествія вдоль нижней части глетчера, мы очутились у верховья долины Терека, на склонахъ, покрытыхъ травою, гдѣ мы встрѣтили двухъ жителей Геби, которые, намѣреваясь перейти черезъ проходъ съ сѣверной стороны, отдыхали, поставивъ рядомъ свои котомки, величиною своей напоминавшія котомки христіанъ, съ которыми обыкновенно изображали этихъ послѣднихъ на старинныхъ картинахъ «Pilgrim's Progress». Они взяли съ собой бычка; но когда животное, непривычное къ жизни въ снѣгахъ, сильно утомилось, они немедленно убили и изрѣзали его, намѣреваясь унести съ собою въ Геби по возможности большую его часть. Такъ по крайней мѣрѣ разсказывали они сами. Они предлагали намъ одну ногу за самую ничтожную цѣну; но, находясь въ сомнѣніи, дѣйствительно ли животное было зарѣзано, мы отклонили это предложеніе. Намъ казалось страннымъ, что водятъ животныхъ по такимъ проходамъ, которые хотя и не представляютъ особыхъ затрудненій съ точки зрѣнія горного жителя, тѣмъ не менѣе гораздо опаснѣе любаго прохода въ глетчерахъ, по которымъ швейцарецъ не охотно поведегъ быка или мула. Однакоже не могло быть сомнѣнія въ томъ, что здѣсь водятъ

животныхъ, такъ какъ мы сами видѣли ихъ слѣды, даже на самый вершинѣ; кромѣ того, пѣкоторымъ изъ находящихся здѣсь нашихъ товарищѣй удалось лично наблюдать съ какимъ спокойствиемъ дѣлаютъ быки этотъ переходъ, какъ будто они совершаютъ свою обыденную работу. Были и другія доказательства того, что перепалъ этотъ дѣйствительно употребляется для этой цѣли. Такъ, въ долинѣ Терека, въ лѣтнее время, обыкновенно находятся два сторожа, обязанные слѣдить за скотокрадствомъ. Очевидно было, что проходъ, кѣторымъ мы слѣдовали, и былъ именно тотъ, который чаще всего употреблялся мошенниками для прогонки скота черезъ горы къ югу. Съ южной стороны пролегаетъ болѣе длинный и легкій путь, но по сѣверную сторону животныя должны проходить по глетчеру, по которому мы спускались, хотя подобное мѣсто и не можетъ казаться удобнымъ для путешествія по немъ большихъ четвероногихъ животныхъ. Этими явленіями на Кавказѣ, по всей вѣроятности, можно объяснить столь распространенный въ Швейцаріи легенды о скотѣ, который будто бы переходилъ по проходамъ, въ настоящее время съ трудомъ доступнымъ даже человѣку.

Прежде, за недостаткомъ путей сообщенія, скотъ, не имѣвшій почти никакой цѣни по одну сторону кряжа, цѣнился очень дорого по другую его сторону. Немудрено поэтому, что тогда муловъ, лошадей и быковъ заставляли проходить по такимъ мѣстамъ, по которымъ провести ихъ теперь никому и не приспѣло бы. Другаго средства доставить ихъ въ мѣстность, где былъ на нихъ спросъ, не имѣлось; если бы они пали дорогою, потеря было бы не велика; если же они благополучно совершили бы переходъ, выгода представлялась значительна.

Это обстоятельство какъ нельзя болѣе содѣйствовало скотокрадству, которое, вирочемъ, начинаетъ исчезать съ распространениемъ цивилизациі, а улучшеніе путей сообщенія постепенно уравниваетъ цѣни и уничтожаетъ необходимость пользоваться этими первобытными путями; легенда же объ употреблениі ихъ остается и, постепенно разрастаясь и искажая истину, доходитъ наконецъ до того, что нерѣдко приходится слышать, что въ прежнія, болѣе отважныя времена, по этимъ проходамъ ловкие скотоцасы часто гоняли свои стада.

Верховье долины Терека—эта замечательно дикая и величественная местность, была занята двумя огромными глетчерами, по одному изъ которыхъ мы только-что спустились. Не особенно длины, но очень широкій глетчеръ этотъ, какъ намъ показалось, образуетъ у верховья два бассейна, раздѣленные посрединѣ рядомъ скалъ. Нѣсколько западнѣе находится другой глетчеръ, который, повидимому, былъ одинаковой величины съ первымъ и, подобно ему, показался намъ раздѣленнымъ на двѣ части; но мы были въ состояніи видѣть только незначительную часть верхнихъ снѣговъ, потому что густой туманъ простирался на нѣсколько секундъ и затѣмъ снова застипалъ все такъ плотно, что мы могли составить себѣ самое смутное понятіе о громадной ледянной системѣ у верховья этой прелестной долины. Поэтому, весьма возможно, что то, что казалось намъ двумя отдельными глетчерами, въ действительности было продолженіемъ одного большаго снѣгового поля, и что раздѣляющей ихъ крижъ не доходилъ до водоема цѣпи горъ; въ данномъ случаѣ возможны были одни догадки и предположенія. Изъ того же, что намъ удалось видѣть, я могу засвидѣтельствовать, что верховье долины Терека необыкновенно красиво и величественно; трудно себѣ представить место, болѣе достойное вниманія изслѣдователя горъ или любителя супровой красоты снѣжныхъ областей и утесовъ. Пятиверстная карта настолько не точна въ передачѣ очертаній этой цѣпи, что остается только предположить, что верховье долины было нанесено на неї не по личнымъ наблюденіемъ, а по указаніямъ другихъ.

Послѣ непродолжительной остановки у подошвы глетчера, мы продолжали нашъ путь по долинѣ, несмотря на спльный дождь.

Въ одномъ мѣстѣ, близъ рѣки, мы должны были карабкаться по скаламъ, которыхъ хотя и не представляли особенныхъ затрудненій для человѣка, однако же казались намъ недоступными для лошадей и быковъ; гдѣ же пролегалъ другой путь, болѣе доступный для животныхъ, мы не могли добиться отъ нашихъ проводниковъ. Прежде чѣмъ подойти къ проходу, мы видѣли по западную сторону долины, нѣсколько ниже обширныхъ ледяныхъ областей, оконечность огромнаго глетчера, сильно напоминающаго глетчеръ des Bossons, когда низко спущившіяся облака поврываютъ склоны Монъ-Блана. Послѣ около трехчасовой ходьбы, къ вечеру, мы подошли къ широкому, от-

крытому пространству въ долинѣ, представляющему неправильный лугъ, покрытый травою, съ красиво расположенными на немъ деревьями, а нѣсколько возвышающихся здѣсь скаль обѣщали намъ хорошую защиту на ночь. Вдоль западнаго склона спускался глетчерь, къ востоку открывалась величественная боковая долина; по южную сторону виднѣлся густой лѣсъ, а къ съверу тянулось большое нагорное пространство, на которомъ паслись табуны лошадей и стада быковъ. Эта очаровательная идиллическая картишка могла служить образцомъ первобытной пастушеской жизни, которая здѣсь едва ли измѣнилась со временемъ Марко Поло. Вскорѣ мы убѣдились, что, кромѣ жизни животныхъ, тутъ была и другая жизнь, такъ какъ подошли къ домику, построенному хотя и изъ камня, но, несмотря на это, имѣющему большое сходство со швейцарскими домиками. Крики нашихъ проводниковъ заставили выйти обитателя этого жилища, замѣчательного титана, который во многомъ отличался отъ жителей Геби. Этотъ удивительный человѣкъ оказался сторожемъ верховья долины, на обязанности котораго лежало следить за скотокрадствомъ съ южной стороны горъ.

Онъ принялъ настѣ непривѣтливо, а на проводниковъ смотрѣлъ повидимому даже непріязненно, но тѣмъ не менѣе предложилъ намъ войти въ домъ и посидѣть; безъ сомнѣнія, онъ больше расположился бы къ намъ послѣ непродолжительного разговора, если бы только разговоръ былъ возможенъ; но, къ сожалѣнію, мы должны были ограничиться только самой необходимой бесѣдой, такъ какъ онъ говорилъ на варварскомъ турецкомъ нарѣчіи, котораго и Павель почти не понималъ. Хотя одинъ изъ проводниковъ и оказался въ состояніи служить намъ до нѣкоторой степени переводчикомъ, но разговоръ, подверженный двойному толкованію, былъ настолько скученъ и неясенъ, что не могъ, конечно, возбудить благосклонности. Мы произвели на него лучшее впечатлѣніе однако, когда сказали, что охотно заплатили бы ему, если бы онъ позволилъ намъ занять его домъ на ночь; это нѣсколько успокоило его подозрительность. Троє изъ нашихъ проводниковъ, не понимая ни одного слова на его нарѣчіи, въ теченіи нѣкотораго времени говорили съ нимъ на своемъ, чисто изъ любви къ искусству, такъ какъ они отлично знали, что онъ не пойметъ ни слова изъ всего сказанного ими.

Будучи голодны, мы должны были позаботиться о пищѣ, причемъ намъ пришлось столкнуться съ однѣмъ изъ магомеданскихъ предразсудковъ, который, въ чёмъ мы впослѣдствіи убѣдились, доставляетъ не мало беспокойства путешествующимъ въ сѣверныхъ долинахъ и заключается въ слѣдующемъ: истинно вѣрующій не можетъ прикасаться къ мясу животнаго, убитаго рукою невѣрующаго, и не долженъ допускать даже, чтобы это животное вносились въ его домъ.

Вся наша пища состояла изъ частей баранины, которую добыли намъ наши проводники, и когда Павелъ принялъ за приготовленіе ся, сторожъ смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно пресвитеріанинъ смотритъ на обрядовое богослуженіе.

Наконецъ, подобно набожному человѣку, который останавливаетъ непристойную бесѣду, говоря, что онъ положительно не въ состояніи болѣе выносить ея, сторожъ съ своей стороны заявилъ, что сковороду съ жаркимъ можно держать надъ огнемъ съ тѣмъ, чтобы ни одинъ, даже самый маленький кусочекъ, не попалъ въ пламя и чтобы мясо не прикоснулось къ стѣнамъ¹ дома. Въ этой уступкѣ я заподозрѣлъ нѣкоторую сдѣлку съ совѣстью такъ какъ она, повидимому, его сильно беспокоила.

Къ вечеру прибыли еще и другіе гости: двое красивыхъ юношей, охотниковъ на сернъ, какъ намъ сказали, и молодой пастухъ. Каждъ это часто случается въ швейцарской избушкѣ, разговоръ продолжался до поздней ночи, и когда, наконецъ, улеглись спать, то начался хоръ нѣсколькихъ носовъ, продолжавшихся всю ночь напролѣтъ; по временамъ же слышалась неизбѣжная мелодія Кавказской собаки, которая лаяла и выла на дворѣ. Съ истиннымъ наслажденіемъ, поэтому, мы встрѣтили блѣдные лучи утренняго свѣта, прокравшіеся сквозь щели незатѣйливой избушки и заставившіе этихъ храпуновъ встать, чтобы продолжать дальнѣйшій путь. Муръ и Гардинеръ, увлекшись запахомъ лѣса, остались спать подъ скалою и когда я вышелъ изъ дома, они уже встали и, наслаждаясь прелестнымъ утромъ, любовались никомъ Дихъ-Тау, который возвышался надъ кряжами къ сѣверу и представлялъ замѣчательно отвѣсную вершину, покрытую свѣжимъ снѣгомъ. Немного спустя, мы двинулись далѣе. Развести огонь, чтобы разогрѣть баранину, у насъ не было времени, а за цеймѣніемъ ничего другаго, мы остались безъ

завтрака. Эту мѣру, сднакожъ, я не могу особенно рекомендовать тѣмъ, кто отправляется въ путь утромъ; наши проводники также должны были остаться безъ пищи. Мы рѣшились подождать только нѣсколько минутъ, чтобы проститься съ двумя охотниками, которые вернулись нарочно для того, чтобы пожелать намъ усїхъ въ нашемъ путешествіи.

Это были веселые, забавные юноши, и когда, послѣ заявленнаго ими желанія взглянуть на наше оружіе, мы показали имъ револьверъ, заряжающійся съ казенной части, причемъ зарядили и выстрѣлили изъ него, они были поражены и удивлены и усердно призывали сатану (что почемуто почти повсюду служитъ выражениемъ сплошнаго удивленія).

Оставшись на одну или на двѣ минуты позади другихъ, я спросилъ молодаго охотника透过 Павла, какъ рода была его охота?

Охотникъ.—Я охочусь за двумя породами горныхъ козъ.

Я.—Какія же эта двѣ породы?

Охотникъ.—Есть козы большія и маленькия.

Я.—Какое же количество ихъ вамъ удается убить въ теченіи года?

Охотникъ.—Около ста штукъ (онъ повидимому былъ человѣкъ правдивый). Въ прошломъ году однако мнѣ не удалось убить такъ много; это былъ несчастливый для меня годъ; но среднимъ числомъ за нѣсколько лѣтъ, я убиваю сто штукъ. Тамъ за Дихъ-Тау замѣчательно много всякой дичи. Громодныя высокія скалы, на которыхъ трудно взбираться, представляютъ отличное убѣжище какъ для большихъ, такъ и для малыхъ козъ.

Я.—Какое же наиболѣшее время года для охоты?

Охотникъ.—Лучше всего охотиться теперь.

Послѣдній отвѣтъ показался мнѣ страннымъ. Было 13 іюля и мы находились въ періодѣ, когда, по убѣжденію швейцарцевъ, козы остаются одни. Однако же, я привезъ отвѣты охотника, какъ они были даны мнѣ. Понятно, что показанія его были очень заманчивы и, бѣдая съ ними, я вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Melchior Anderegg, старшина общества Оберлапскихъ охотниковъ, на мой вопросъ о количествѣ убитой имъ дичи за прошлую зиму, отвѣчалъ, что ему удалось убить только четырехъ козъ. Здѣсь же, въ долинѣ Терека, этотъ юноша по всей вѣроятности уступающій Mel-

chior'у какъ стрѣлочъ и навѣрное менѣе его опытный въ путешес-
твіяхъ по горамъ, смотрѣлъ на сто штуки какъ на среднее количе-
ство своей годовой добычи.

Если же найдутся англичане, которые пожелали бы узнать какова
въ дѣйствительности эта охота на черныхъ дикихъ козъ на Кав-
казѣ, то отчего бы имъ въ такомъ случаѣ не испробовать мѣстно-
сти, лежащей по верхнему Тереку?

Подъ яркимъ небомъ, впервые для насть прояснившимся на нѣ-
которое время, мы направились вдоль долины верхняго Терека и
были въ состояніи любоваться горами, превосходящими даже Альпы
своимъ величиемъ. Долина эта очень велика, широкое основаніе ея
почти совершенно ровное тогда какъ бока высоки и отвѣсны. Надъ
этими громадными, покрытыми травою, стѣнами, возвышаются горы,
замѣчательно величественные и красивыя; обширные утесы, лежа-
щіе виѣ снѣговой линіи; бѣлыя вершины, поднимающіяся высоко къ
небу, болѣе отвѣсныя и кажущіяся болѣе высокими, чѣмъ Альпы и
служащиа болѣе могущественной защитой для этой долины, чѣмъ ве-
личественные пики, возвышающіеся надъ водами озеръ Виспе и Арбе.

Что касается исключительно красоты очертанія горъ, то въ
этомъ отношеніи долинѣ Терека принадлежитъ первое мѣсто въ
Европѣ. Въ отдаленныхъ отпрѣскахъ Гималайскихъ горъ или Ан-
довъ, даже и на самомъ Кавказѣ можетъ быть, хотя это нѣсколько
сомнительно, и встрѣчаются болѣе величественные и живописныя
долины, но въ Альпахъ нѣтъ ничего подобнаго.

Впослѣдствіи мнѣ придется еще говорить о томъ, что относитель-
но красоты видовъ, Сѣверный Кавказъ во многомъ уступаетъ Швей-
царіи; но что касается величія долины Терека, то наши отзывы о
ней нисколько не преувеличены, такъ какъ въ этомъ отношеніи насть
не въ состояніи были подкупить ни воспоминанія прежняго восхи-
щенія, ни предубѣжденіе въ пользу этой страны, по которой намъ
пришлось путешествовать такъ долго.

Съ чувствомъ наполовину удивленія и недовольства мы должны
были признать величіе этихъ горъ превосходящимъ все видѣнное
нами прежде.

Громадные пики и кряжи возвышаются по бокамъ долины, ислю-
чая пика Дихъ-Тау, который хотя и открывается съ пѣкоторыхъ то-

чекъ, но находится въ значительномъ разстояніи къ NW. Его очаровательная, замѣчательно отвѣсная, сиѣжная вершина, повидимому не представляетъ такихъ препятствій, которыя могли бы остановить отважного и ловкаго путешественника, вслѣдствіе чего гора Дихъ-Тау, если смотрѣть на нее издали, когда нижняя часть ея скрыта промежуточными кряжами, не кажется недоступною; но между основаніемъ и вершиною на ней находятся страшныя пропасти, которыя, если взглянуть на нихъ поближе, кажутся заграждающими путь къ вершинѣ. Тамъ, гдѣ-то долженъ быть проходъ по ложбнамъ и оврагамъ; но розыскать его и пройти по немъ—едва ли будетъ возможно.

Въ разстояніи трехчасовой ходьбы отъ нашей ночной стоянки, мы очутились у входа въ таинственную долину, открывающуюся на противуположной сторонѣ отъ величественнаго отвѣснаго пика, возвышающагося на 16,000 футовъ п извѣстнаго подъ благозвучнымъ именемъ Цатчартикомиконхъ.

Въ книгѣ Фрешфильда можно найти описание этого пика. Отъ самой оконечности этой долины, Терекъ пересѣкается мостомъ, по срединѣ котораго находится каменная дверь. Дверь эта, какъ мы узнали впослѣдствіи, на ночь закрывалась и такимъ образомъ должна была служить преградою для скотокрадовъ, набѣги которыхъ на долину были повидимому, довольно часты. У моста, на лѣвомъ берегу рѣки, находится хижина другаго стражи противъ нарушителей поступешскаго покоя. Обитатель этой сторожки поклонился намъ очень привѣтливо, хотя и не могъ скрыть своего недоумѣнія относительно насъ, вслѣдствіе чего мы поспѣшили убѣдить его, что мы люди смиренные, что, конечно, было вполнѣ справедливо, такъ-какъ если бы даже у насъ появилась склонность къ скотокрадству, то никто изъ насъ не сумѣлъ бы приняться за это дѣло. Долина была настолько заманчива, что для изслѣдованія ея мы рѣшились посвятить цѣлый день, съ тѣмъ чтобы переночевать въ хижинѣ, если разрѣшилъ хозяинъ, на что онъ охотно согласился послѣ того, какъ мы обѣщались заплатить ему. Павла и проводниковъ мы послали въ деревню Кунимъ, а сами немедленно направились въ долину, могущественная рѣка которой получила отъ образующаго ее глетчера название Дихъ-су.

Къ изслѣдованию этой долины нась побуждала не только дикая прелестъ ея, но, кромѣ того, мы были убѣждены, что она приведеть нась къ подошвѣ наиболѣшаго пзъ кавказскихъ глетчера, такъ какъ мы знали, что по тобѣ, устремляющейся по этой п.п. по боковой долинѣ, беретъ свое начало пзъ обширнаго глетчера, лежащаго къ востоку отъ пика Котчанъ-Тау, и до сихъ поръ еще совершенно не изслѣдованныго, хотя Фрешфильдъ съ товарищами и наблюдалъ его съ кряжа, образующаго сѣверную окраину наиболѣе низкой его части. Овцы продѣлали родъ тропинки въ долинѣ; по тропинка эта настолько неудобна и камениста, что, пдя по ней, какъ бы платишь дань за прогулку по Кавказу. Верхнія части долинъ въ большинствѣ случаевъ покрыты камнемъ, всевозможной формы и величины. Мѣстами этотъ камень совершенно обнаженъ, мѣстами же заросъ травою, но тѣмъ не менѣе повсюду оно только затрудняетъ и утомляетъ путешественника. Самыя очаровательныя картины уже не способны восторгать путешественника, а иногда даже остаются и вовсе незамѣченными, когда приходится съ большой осмотрительностью пробираться между скалами. Долина была величественна; неровные, отвѣсные склоны ея значительно возвышались надъ бурнымъ потокомъ, устремляющимся вдоль ея основанія; противъ входа находилась замѣчательная вершина, съ трудно произносимымъ названіемъ, которая въ это утро была окружена сіяніемъ; хотя въ самой долинѣ было совершенно тихо, но надъ нею бушевалъ страшный вѣтеръ, а съ вершинами горы разлетался снѣгъ, поднятый бурею, который и образовалъ вокругъ пика постоянно меняющееся чудное кольцо, озочченное лучами восходящаго солнца. Съ одного мѣста, откуда казалось, что гора возвышается какъ разъ надъ памп, у самаго основанія долины, видѣть было такъ хорошо, что къ нему какъ нельзя болѣе подходилъ эпитетъ «величественный», которымъ вообще такъ часто злоупотребляютъ. Мы долго молча наслаждались очаровательной картиной. Это была минута, которая едва ли когданибудь можетъ пзгладиться изъ памяти. Продолжая нашъ путь, мы подошли къ верховьямъ долины Дихъ-Су, черезъ два часа послѣ того какъ мы вошли въ нее. Потокъ бралъ свое начало здѣсь, у основанія отвесной массы льда, образующаго оконечность глетчера. Взобрав-

вшись по морелѣ на правую сторону этой глыбы, мы очутились на окраинѣ обширнаго глетчера.

Дѣйствительно намъ удалось достигнуть оконечности наибольшаго изъ глетчеровъ всей Кавказской цѣни горъ. Отъ того мѣста, къ которому подошли мы, эта обширная полоса льда простиралась по-видимому на восемь или десять миль къ сѣверо-востоку, гдѣ ее окаймляли ряды горъ, за которыми виднѣлся громадный пикъ, воз-вышающейся надъ всѣми другими вершинами. Самая длинная ось этого ледяного поля или глетчера пролегала отъ юго-западной его оконечности, гдѣ находились мы, къ сѣверо-востоку; наибольшая же ширина была отъ трехъ до четырехъ миль. Кряжъ, образующій южную окраину глетчера, пересѣкался ущельемъ, вдоль котораго къ главному глетчуру устремлялся потокъ, берущій свое начало изъ обширнаго невидимаго резервуара. Это огромное, ужасающее ледяное поле, пустынное, подобно полярному морю, непосѣщаемое и даже почти совсѣмъ непрѣдѣльное, должно было казаться особенно заманчивымъ тѣмъ, кто желалъ изучить таинственную область горъ. Какъ много интереснаго могло заключаться въ изслѣдовавіи этихъ обширныхъ глетчеровъ, и кто могъ бы поручиться, что эти ледяныя рѣки, спускающіяся по склонамъ величественныхъ горъ, не обнаружатъ передъ нами какихъ либуть новыхъ прелестей? По всей вѣроятности никто, кроме туземныхъ охотниковъ и настуковъ, не доходилъ даже и до окраины этого громаднаго ледяного поля, большая часть котораго, конечно, была одипакова непрѣдѣльно какъ туземцамъ, такъ и русскимъ. Намъ очень хотѣлось подняться до вершины глетчера; но такъ какъ время, которымъ мы могли располагать, было крайне ограниченно, то мы готовы были пожертвовать частью предположеннаго путешествія и посвятить два или три дни на изслѣдованіе этой области. Тѣмъ не менѣе намъ не удалось подняться выше основанія глетчера. Попытка изслѣдовывать непрѣдѣльные глетчеры во время тумана, дождя и снѣга была бы равносильна попыткѣ различить цвѣта въ потьмахъ; а что туманъ, дождь и снѣгъ угрожали намъ,—въ этомъ невозможно было сомнѣваться въ тотъ день, когда мы шли по долинѣ Дихъ-Су.

Утро было прелестное; но барометръ, понизившійся нѣсколько дней тому назадъ, вместо того чтобы повышаться теперь къ хоро-

шай погодѣ, упалъ еще больше, а во время нашего восхожденія по долинѣ надъ склонами горъ стали сгущаться облака. Находясь на оконечности глетчера, мы могли различать пики, возвышающиеся близъ его вершины; но туманъ уже настолько успѣлъ покрыть ихъ склоны, что мы не были вполнѣ увѣрены видимъ ли мы самую вершину глетчера или нетъ.

Хорошая погода стояла не долго и снова намъ угрожали страшные кавказскія бури. Принявъ въ разсчетъ краткость времени, мы, конечно, не могли выжидать болѣе благопріятной погоды для изслѣдованія огромнаго ледяного поля и рѣшили отправиться далѣе на слѣдующій день, предоставивъ изученіе этого обширнаго глетчера болѣе счастливымъ и менѣе стѣсненнымъ временемъ путешественникамъ. Однакожъ, мы хотѣли осмотрѣть все, что было возможно въ данную минуту, и съ этой цѣлью мы пересѣкли ледъ у самой оконечности глетчера и съ трудомъ взобрались на длинный отвесный склонъ лѣвой или сѣверной его окраины. Склонъ этотъ представлялъ не мало опасностей, какими обыкновенно отличаются подобныя мѣста.

Даже тотъ, кому приходилось путешествовать въ горахъ, не можетъ представить себѣ, какую скуку и апатію наводитъ на путешественника восхожденіе по однообразному склону, причемъ слишкомъ большой продолжительный трудъ, только изрѣдка прерываемый пріятными впечатлѣніями, побуждаетъ иногда путешественника на различные размышленія, вслѣдствіе которыхъ онъ начинаетъ задавать себѣ вопросъ, стоитъ ли подыматься такъ wysoko и не придется ли ему въ концѣ-концовъ убѣдиться въ томъ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку. Но, какъ бы принялъ въ соображеніе, что лѣнивый умъ человѣка легко поддается подобнымъ глупостямъ, природа ухитрилась устроить такимъ образомъ, что, при восхожденіи по длинному, покрытому травою склону, путешественнику представляется нѣсколько слѣдующихъ одна за другою вершинъ, изъ которыхъ каждая, по мѣрѣ приближенія къ ней, кажется наиболѣе высокой оконечностью кряжа, поднявшись на которую путешественникъ однакоже убѣждается, что надъ этой горою возвышается другая еще болѣе высокая вершина. Подобныя побужденія и разо-

чарованія очень полезны въ томъ отношеніи, что отвлекаютъ умъ человѣка отъ дурныхъ мыслей.

Когда, поднявшись по необыкновенно крутому склону, мы достигли наконецъ вершины лѣвой окраины глетчера, то намъ представился очаровательный видъ, не предвѣщавшій однако же ничего хорошаго. Густой туманъ разостлся по горамъ, обнаруживая мѣстами остроконечные пики и обширные скалистые склоны, которые, вслѣдствіе этого, казались еще больше, а разстоянія между ними — гораздо значительнѣе, какъ это обыкновенно бываетъ съ вершинами и зданіями, открывающимися изъ за облаковъ. Какъ бы на былъ величъ эффектъ неравномѣрно сгустившагося тумана, и какъ бы ни были прелестны его просвѣты, простирающіеся на значительное разстояніе и на вершины горъ, къ сожалѣнію для насъ недоступныя, тѣмъ не менѣе скоплявшіяся облака служили несомнѣннымъ признакомъ наступленія дурной погоды, которая, повидимому, собиралась установиться надолго.

Громадный глетчеръ, часть которого представилась нашимъ глазамъ, долженъ былъ раздѣляться на двѣ половины по мнѣнію Мура, наблюдавшаго его какъ съ того мѣста, до которого поднялись мы, такъ и съ другихъ мѣстъ, которыхъ удалось достигнуть Муру во время его путешествія въ 1868 году. Одну половину составляло обширное ледяное поле, на окраинѣ которого мы теперь находились; другая же часть, лежащая южнѣе, по величинѣ едва ли уступала первой и отдѣлялась отъ нея отвеснымъ кряжемъ. Изъ этой-то послѣдней части бралъ свое начало потокъ, устремляющейся вдоль упомянутаго мною выше ущелья. О южномъ ледяному полѣ я ничего сказать не могу, потому, что намъ не удалось никакъ осмотрѣть его.

На русской картѣ нѣтъ почти никакихъ указаний ни объ одномъ изъ этихъ могучихъ глетчеровъ. Опечаленные, подобно Моисею на горѣ, видомъ обширныхъ непозѣстныхъ пространствъ, которыя намъ не суждено было изслѣдоватъ, мы стали спускаться по склонамъ горъ, противуоположныхъ тѣмъ, по которымъ мы поднимались и, пройдя небольшой боковой долиною, снова очутились въ долинѣ Терека. Въ 1868 году, восходя по этой же боковой долинѣ, Френшфельду и его товарищамъ удалось подняться до той же высоты кряжа.

какой достигли мы съ противоположной стороны. Когда мы прибли-
зились къ хижинѣ, то уже начался давно угрожаемый намъ сильный
дождь, который повидимому (и мы не ошиблись) не скоро могъ пре-
кратиться. Старика, обитателя этой хижинѣ, не было дома во вре-
мя нашего прибытія, но черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился,
и мы привѣтствовали его съ такимъ радушиемъ, которое повидимому
совершенно смутило его и не было попятно ему. Но безъ его со-
дѣйствія мы не могли бы достать ничего съѣдѣнаго, а между тѣмъ
горный воздухъ и постоянное упражненіе возбудили нашъ аппетитъ
настолько, что мы были бы въ состояніи уничтожить цѣлую чет-
верть баранины, и вѣроятно бѣ концу дня снова проголодались бы
и опять пожелали бы съѣсть еще что-нибудь. Таково было возбуж-
дающее дѣйствіе Альпійской или Кавказской жизни на нашъ орга-
низмъ. Пища, которую намъ предложилъ старикъ, была очень проста.
но способъ приготовленія ея былъ временъ Авраама и Исаака, а по-
тому его стоپъ описать.

Растворить тѣсто изъ ржаной муки и воды, онъ свалить пирож-
ки, затѣмъ, поджарить ихъ прямо на огнѣ и минутъ на 10 зарыть въ
горячую золу, послѣ чего пирожки были уже совершенно ис-
печены или изжарены и казались такими хорошими, что не остав-
алось желать ничего лучшаго. Къ этому онъ подалъ намъ молоко,
уступая въ данномъ случаѣ нашему испорченному вкусу, такъ какъ
кавказцы вообще нелюбятъ свѣжаго молока и никогда не употреб-
ляютъ его. Ихъ обыкновенное питье составляетъ смѣсь кислаго мо-
лока съ водою, о которой еще придется говорить.

Старикъ хотя и наблюдалъ за пастухами, но онъ былъ стражемъ
подчиненнымъ, такъ какъ къ вечеру явился веселый, храбрый охот-
никъ, съ которымъ мнѣ удалось побесѣдоватъ въ первой хижинѣ и
который очевидно былъ здѣсь главнымъ распорядителемъ. Разго-
воръ съ нимъ, къ сожалѣнію, оказался немыслимымъ, потому что
Павель отправился вмѣстѣ съ проводниками и мы могли выражать
свое благоволеніе только знаками, которые въ подобныхъ случаяхъ
оказываются не настолько удобными и обильными, какими ихъ обы-
кновенно представляютъ путешественники въ своихъ рассказахъ.
Очень часто на лицѣ человѣка, съ которымъ разговаривають подоб-
нымъ образомъ, приходится подмѣщать выраженіе недоумѣнія, пока-

зывающее какъ нельзя яснѣе, что онъ придалъ неправильное значеніе знакамъ, а между тѣмъ не остается уже никакого другаго средства поправить очевидную ошибку, которая, противъ всякаго вашего желанія, заставляетъ разговаривающихъ совершенно не понимать другъ друга. Подобный способъ разговора возбуждалъ въ нашихъ собесѣдникахъ неудержимый взрывъ хохота, который продолжался всю ночь и нарушилъ нашъ сонъ.

На слѣдующее утро мы отправились довольно рано, намѣреваясь къ срединѣ дня добраться до Кунима: первая часть этого пути представила намъ очень много интереснаго. Я думалъ, что буду въ состояніи описать сѣнѣговую область этой части Кавказа, что однако оказалось невозможнымъ, такъ какъ топографія этой мѣстности почти неизвѣстна. Карта въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ не точна. Относительно глетчеровъ даже туземные охотники не особенно довѣряютъ другъ другу, а громадные пики и ледяныя пустыни, окружающіе долину, до сихъ порь облечены дѣвственностью.

Въ разстояніѣ двухчасовой ходьбы отъ хижинъ, долина теряетъ свою прелесть. Высокія горы скрываются изъ виду, а склоны по бокамъ долинъ, покрытые травою, вдругъ становятся скучными и однообразными. Вообще переходы отъ прелестнаго къ скучному совершаются замѣчательно быстро и рѣзко. Нѣсколько ниже деревень, тамъ, где надъ шумящими водами Терека возвышаются огромные известковые утесы, долина дѣлается снова очаровательною, хотя уже совершенно въ другомъ отношеніи; повыше Кунима, на протяженіи двухъ или трехъ-часовой ходьбы ничего не радуетъ глазъ путешественника.

Послѣ пятничасовой ходьбы, мы приблизились къ первой изъ группы деревень, расположенныхъ въ той части долины, где она значительно расширяется вслѣдствіе соединенія съ вѣкоторыми болѣшими боковыми долинами. Деревня эта, извѣстная подъ именемъ Шканти (Shkanti), лежала на правомъ берегу рѣки. Противъ нея, подъ прикрытиемъ колѣна рѣки, находилась деревня Кунимъ, где мы предполагали пробыть этотъ день. Даѣще слѣдовали деревни Муболь (Mulchol), (посвященная Фреш菲尔домъ въ 1868 г.), Цигатиль (Tsigatil) и Курденетъ (Kurdenet).

Такимъ образомъ мы подозрѣли къ жилищамъ магометанскихъ иле-

мень по съверную сторону огромной цѣпи кавказскихъ горъ. Трудно представить себѣ что нибудь страннѣе этихъ домовъ, какими они кажутся при первомъ взглѣдѣ. Путешественникъ можетъ принять ихъ скорѣе за хлѣвы, собачьи будки, жилища животныхъ, подобныхъ бобрамъ, въ нѣсколько увеличенномъ размѣрѣ, чѣмъ за жилища строения. Не знаю почему, но издали эти сарап кажутся совершенно пустымы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они переполнены народомъ. Не находя въ нихъ никакого сходства съ жилищемъ человѣка, глазъ путешественника, по всей вѣроятности, и не пшетъ тамъ людей, вслѣдствіе чего, понятно, и не замѣчаетъ ихъ. Подойдя однако ближе, путешественника встрѣчаетъ множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей и, къ своему удивленію, онъ убѣждается, что эти конуры заселены зажиточнымъ и чистоплотнымъ народомъ, замѣчательно красивымъ, честнымъ и не лишеннымъ самоуваженія, отчасти даже по своему цивилизованнымъ и носящимъ иногда богатую одежду. Благодаря восточному постоянству, народъ этотъ продолжаетъ жить въ жилищахъ, которыхъ были достаточно хороши для его предковъ.

Описаніе обыкновенного кавказского жилища, по съверную сторону горной цѣпи, лучше всего можетъ указать на крайне первобытный способъ его постройки. Стѣны дѣлаются изъ большихъ, не плотно между собою соединенныхъ камней и покрываются деревянною крышею, засыпанной землею, на которой ростетъ густая роскошная трава. Срѣзанный вертикально склонъ холма зачастую образуетъ одну сторону дома, а вместо пола служить голая, убитая земля. Всѣ дома одноэтажные и въ каждомъ изъ нихъ находится печка съ трубою, верхняя часть которой, возвышающаяся надъ крышею, сделана изъ пын и смазана глиной во избѣженіе пожара.

За исключеніемъ особенно роскошныхъ строеній, на Кавказѣ не принято застилать полъ досками или даже покрывать землю рогожей или соломою. Съ одной стороны дома обыкновенно устропвается галлерей, на которую выходить одно или два окна, безъ стеколъ, закрывающіяся на ночь или въ дурную погоду простыми ставнями. Окна эти такъ мали, что внутри землянокъ совершенно темно не только вечеромъ, но и днемъ. Что здѣсь дѣлается зимою — трудно себѣ представить; свѣчай здѣсь не употребляютъ, а люди, хотя бы совершенно здоровые, не въ состояніи проспать восемьладцати часовъ въ

сутки. Весьма возможно, что неестественная страсть къ болтовнѣ, которую мы часто подмѣчали, вызывалась необходимостью какъ ипбудь провести время, потому что положительная бездѣятельность — это блаженное состояніе,—едва ли возможно человѣку на эгомъ свѣтѣ.

Послѣ сдѣланнаго мною описанія, я думаю, становится понятнымъ, почему жилища этой части долины издали имѣли видъ какихъ-то погребовъ. Дома, частью состоящіе изъ склоновъ холмовъ и покрытые заросшою травой крышею, могли скорѣе принадлежать тѣмъ, кто роется подъ землею, чѣмъ человѣку, и должны были, по-видимому, вмѣщать въ себѣ расу, смыкшуюся подобно отцу Гамлета, съ жизнью въ подземельяхъ. Теперь мы посмотримъ, что это за народъ, который могъ довольствоваться подобными жилищами. Обойдя колѣно рѣки, скрывавшее отъ насъ деревню Кунимъ, какъ сказано было выше, мы очутились въ странномъ мѣстѣ. Мужчины, женщины и дѣти толпились около насъ, выражая свое любопытство и удивленіе, безъ всякой злонамѣренности. На встрѣчу намъ былъ посланъ человѣкъ, который и привелъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ находились Павель, деревенскій староста и мѣстная аристократія. При нашемъ появлѣніи, Павель обратился къ старостѣ съ слѣдующими словами:—Вотъ тѣ господа, о прибытіи которыхъ я извѣщалъ васъ вчера.

Староста—(очень холодно). Добро пожаловать. Помѣщеніе для нихъ готово. Предложите имъ войти.

Павель (удивленно). Это люди весьма достойные и знатные. Они находятся подъ покровительствомъ русскихъ властей, которыхъ глубоко уважаютъ ихъ.

Староста (совершенно спокойно)—Я въ этомъ не сомнѣваюсь и самъ въ свою очередь глубоко уважаю ихъ, но такъ-какъ мнѣ предстоитъ много дѣла, то я надѣюсь, что они извинятъ меня, если я теперь оставлю ихъ.—И, принужденно поклонившись, староста удалился.

Пріемъ былъ дѣйствительно холодный. Съ дурнымъ предзапамено-ваніемъ вошли мы въ магометанскую деревню, гдѣ разсчитывали на вниманіе, которое мусульманинъ, какъ говорятъ, оказываетъ обыкно-венно путешественнику въ своей странѣ. Во всемъ однако же были виноваты мы сами. Мы сдѣлали большую ошибку, которая послужи-

ла намъ практическимъ урокомъ и запечатлѣлась въ нашей памяти. Когда мы отправили Павла наканунѣ вечеромъ, то не позабылись дать ему разрѣшеніе русскихъ властей старостамъ деревень, обязывающее послѣднихъ оказывать намъ необходимую помощь. Въ данномъ случаѣ разрѣшеніе это могло быть полезно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно обязывало старость найти намъ пищу и помѣщеніе, что, безъ ихъ содѣйствія, часто оказывалось почти невозможнымъ. Во-вторыхъ, разрѣшеніе было важно для настъ и въ томъ отношеніи, что заставляло ихъ принимать настъ за знатныхъ людей, къ которымъ они должны относиться съ почтеніемъ.

А это послѣднее обстоятельство было не ничтожно, такъ какъ старости сами по себѣ, весьма естественно, не особенно расположены заботиться объ обыкновенныхъ путешественникахъ, которые могутъ оказаться какими нибудь разношерстками или бродягами. Въ этихъ отдаленныхъ долинахъ есть также аристократическая жилка, на ряду съ которой, однакоже, стоитъ долгъ гостепріимства.

Какъ только староста убѣдится въ томъ, что имѣть дѣло съ равными себѣ, т. е. съ людьми, съ его точки зрѣнія, благородными, то уже чувство магометанского гостепріимства заставитъ его позабыться, чтобы путешественнику жилось хорошо въ его странѣ. Очень можетъ быть, что для этого ему придется употребить не мало стараний.

Въ противномъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ лишь незначительные усиленія. И обвинять его за это трудно.

Развѣ англійскій землевладѣлецъ станетъ особенно ухаживать за какимъ либодѣй сборщикомъ падатей или акцизнымъ чиновникомъ?

Поэтому-то и староста Кунума не считалъ необходимостью обращать на настъ особенное вниманіе, хотя, будучи человѣкомъ справедливымъ, онъ и позаботился о томъ, чтобы намъ приготовили провизію. Его шуринъ нашелъ намъ помѣщеніе и помогъ достать все, что было нужно. Уладивъ все такимъ образомъ, мы уѣхали себя за холодный приемъ моралью, гласящую, что по сѣверную сторону Кавказской цѣпи путешественники должны стараться проторубить о себѣ повсюду, не опасаясь, что трубятъ слишкомъ громко.

Подобнаго рода правильные или неправильные выводы отняли у настъ не много времени. Такъ какъ ничто не удерживало настъ въ Ку-

нимъ, то мы и рѣшили отправиться далѣе на слѣдующій день, а остающееся послѣобѣденное время посвятить на смотръ находящагося недалеко огромнаго ущелья Терека, Кавказскаго Via Mala. Съ этой цѣлью, вскорѣ послѣ нашего прибытія, Гардинеръ и я наняли двухъ кавказскихъ пони, такихъ отчаянныхъ рысаковъ, что ъзду одного изъ нихъ я могу сравнить только съ путешествіемъ въ саняхъ по камнямъ морены. Спустившись по узкимъ улицамъ деревни, мы подъѣхали къ лужайкѣ, образующей основаніе долины, которая здѣсь значительно расширяется, хотя нѣсколько ниже, по рѣкѣ, она вдругъ быстро суживается. Трудно найти что либуть хуже этой части долины. Ее окружаютъ обширные, однообразные зеленые холмы, бѣдные въ очертаніяхъ и только изрѣдка пересѣкаемые утесами и лѣсомъ; пашни, покрывающія склоны холмовъ, представляютъ совершенно ровную поверхность. Одна долина направляется къ востоку, другая къ западу, но обѣ онѣ одинаково скучны, однообразно зелены и ни въ одной изъ нихъ не встрѣчается ничего такого, что могло бы порадовать глазъ хотя на мгну. Я полагаю, что еще въ провинціи Дофине попадаются такія непривлекательныя долины, въ Швейцаріи же мнѣ никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго. Мѣстность эту можно сравнить со скучною частью гористой страны Ланкашира, въ увеличенномъ въ десять разъ размѣрѣ.

Какъ бы примиряющимъ съ этимъ однообразіемъ обстоятельствомъ служили прелестные цветы, покрывающіе поля, по которымъ намъ приходилосьѣхать. Подобные золотые и пурпуровые ковры, застилающіе лужайки и склоны горъ, впослѣдствіи встречались намъ довольно часто.

Миновавъ блестящій, разноцвѣтный лугъ и перейдя некрасивую ложбину, а затѣмъ и рѣку, мы выбралисъ изъ скучной, однообразной мѣстности и попали въ совершенно другую. Долина начала суживаться, или, вѣрнѣе, снова приняла свой настоящій видъ.

Вправо отъ насъ находился высокій, покрытый травою холмъ, влѣво—могучая стѣна красныхъ утесовъ. Въ одномъ мѣстѣ здѣсь былъ такой громадный налетъ орловъ, какого никто изъ насъ не видѣлъ, да и едва-ли увидитъ когда нибудь еще. Они носились взадъ и впередъ вдоль скалъ, гдѣ, по всей вѣроятности, были выступы и углубленія, удобные для ихъ гнѣздъ, такъ какъ иначе яничъ не

могъ объяснить такого большаго количества ихъ. Я успѣлъ насчитать двѣнадцать только на лету; большая же часть ихъ находилась подъ прикрытиемъ скалъ; некоторые летали надъ землею, очерчивая свойственный орлиному полету кривыя линіи; по временамъ они подлетали такъ близко къ намъ, что давали намъ возможность наблюдать величину розмаховъ ихъ крыльевъ; другіе подымались до половины высоты утесовъ, тогда какъ падь ими, едва замѣтно для глаза, не сколько орловъ кружились въ высотѣ.

Было пріятно слѣдить за величественнымъ полетомъ этихъ огромныхъ птицъ, но въ то же время они производятъ странное впечатлѣніе: продолжительная движенія ихъ надъ землею съ опущенной головою, такъ же какъ и круженіе въ высотѣ въ теченіи несколькихъ часовъ, какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуютъ о ихъ постоянной жаждѣ добычи и обѣ ощущеніи голода. Въ этомъ отношеніи, эти величественные орлы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялись намъ какъ-бы безпомощными.

Но подобныя размысленія обѣ орлахъ и ихъ полетѣ вдругъ были прерваны слѣдующимъ обстоятельствомъ. Мой пови, эта тряска. какъ я уже сказалъ, лошадь и притомъ не особенно красавая, отливалась, однако храбростью, достойною первого приза на скачкахъ. Предоставивъ этому отважному маленькому животному полную свободу пѣдигри по неровной дорогѣ какъ ему покажется удобнѣе, я не сколько времени ехалъ впереди моего товарища. Добравшись до отвеснаго обрыва, я оглянулся, но никого не было видно, я сталъ громко кричать, но не получалъ отвѣта. Я только памѣревался вернуться, какъ вдругъ увидѣлъ пони Гардинера, безъ наездника и сѣда, съ тѣмъ особыннымъ выраженіемъ, которое обыкновенно свойственно лошади, освободившейся отъ человѣка и причинившей ему при этомъ вредъ. Лопнувшая подпруга и товарищъ сброшенный въ шумящій Терекъ, мгновенно мелькнули въ моемъ воображеніи. Или въ этой дикой долинѣ есть разбойники, которые упустили лошадь во время борьбы? Я тотчасъ побѣжалъ обратно, разсуждая о томъ, какъ непріятно быть ограбленнымъ изъ за угла, не имея даже никакой возможности сопротивляться, или быть подстрѣленнымъ и въ особенности такимъ беззащитнымъ образомъ. Къ счастью, все разбрѣшились благополучно и обогнувъ изгибъ дороги, я увидѣлъ Гардинера, живаго и здороваго,

несущаго на себѣ сѣдло. Съ самаго начала подпруга была слаба, а по дорогѣ она раслускалась все болѣе и болѣе, пока наконецъ, подѣхавъ къ крутыму склону, сѣдло вмѣстѣ съ наѣздникомъ не сползло совсѣмъ съ лошади. Наѣздникъ былъ сброшенъ какъ разъ на окраину страшно отвѣснаго склона, высотою 80 футъ, спускающагося къ рѣкѣ. Одинъ нѣчто жестокий толчекъ — и Гардинеръ былъ-бы въ Терекѣ, и такимъ образомъ попалъ-бы въ вѣчность; но доброе животное удержалось и, освободивъ свои ноги отъ подпруги, спокойно отошло въ сторону. Гардинеръ, которому едва удалось спатись, взялъ сѣдло и пошелъ, нисколько не устрашенный минувшей опасностью. Лошадь была поймана, и подпруга на этотъ разъ была затянута такъ крѣпко, что бѣдная лошадь имѣла полное право подумать: «Вотъ благодарность за то, что я не сбросила человѣка въ рѣку, тогда какъ сдѣлать это было такъ легко».

По мѣрѣ нашего путешествія, окраины ущелья все болѣе и болѣе сближались. Громадная стѣна слѣва еще продолжалась, правая же сторона сдѣлалась почти такой же отвѣсною. Дорога подошла къ самому бурному потоку, черезъ который намъ пришлось перейти два раза по отвратительнымъ мостамъ. Ущелье, какъ мы узнали впослѣдствіи, углублялось далеко въ трещину горы. Поднявшись на лѣвый берегъ рѣки, мы приблизились къ мѣсту, гдѣ ущелье наиболѣе съуживается.

Русло Терека представляетъ здѣсь небольшѣе какъ трещину въ горахъ. Отвѣсный утесъ въ этомъ мѣстѣ сворачиваетъ теченіе рѣки въ сторону, оставляя весьма небольшое пространство для протока воды. Еще болѣе съуживаетъ потокъ громадная скала, возвышающаяся на правомъ берегу и почти совсѣмъ заграждающая фарватеръ; по подошвѣ этой скалы рѣка пролагаетъ свой путь съ большимъ трудомъ. Со временемъ эта скала будетъ наиболѣе величественная изъ всѣхъ на протяженіи длиннаго теченія Терека; теперь же она представляетъ слишкомъ большія затрудненія для рѣки, которая, подобно всѣмъ вообще рѣкамъ, задержанымъ или свороченнымъ въ сторону, устремляется здѣсь съ страшнымъ шумомъ и ревомъ. Насколько близко подходитъ эта скала къ лѣвому берегу рѣки, видно изъ того, что для соединенія ихъ потребовался мостъ длиною не болѣе 5 или 6 футовъ. На весьма значительное разстояніе отъ

этого моста рѣка устремляется по узкому фарватеру. Съ другой стороны скалы находятся глубокая трещина, сухая въ настоящее время. Во когда-то по ней протекала рѣка, оставившая следы великой борьбы съ этимъ препятствиемъ. Поднявшись по отвесному правому склону ущелья, мы увидали къ югу мѣстность, покрытую густымъ лѣсомъ, но не представляющую впрочемъ ничего особенного. Рѣка скрылась, такъ что мы не могли видѣть ея.

Становилось поздно, и мы поторопились возвратиться въ деревню, близъ которой встрѣтили несколькоихъ женщинъ; по свойственной женщинамъ вообще откровенности, они засмѣялись надъ нами и смѣялись довольно долго. Самп-же они были замѣчательны въ томъ отношеніи, что, несмотря на крайне бѣдную одежду, почти въ тохмотьяхъ, у каждой изъ нихъ былъ одѣть шароватый кушакъ съ серебряной, мѣстами позолоченой передней частью. Можетъ быть смѣхъ и предубѣдилъ меня противъ нихъ, но они показались мнѣ непріличными.

Вернувшись въ домъ, куда помѣстили насть староста, мы нашли его до половины набитымъ любопытными поселянами, собравшимися посмотреть на иностранцевъ; такимъ образомъ намъ пришлось испытать на практикѣ то, чего не удается избѣжать почти ни одному кавказскому путешественнику и избавляться отъ чего не мѣшало бы научиться. Жители съверного Кавказа—эта добронравная раса; къ путешественникамъ они относятся хорошо и рѣдко бываютъ съ ними среднамѣренно грубы; но, подобно бульдогу, испавшему въ мясную лавку, они держать себя свободяще и развязнѣе, чѣмъ сїдовало-бы.

Изъ и въ голову не можетъ прийти мысль, что они могутъ надѣяться путешественнику и что послѣднему хочется остаться наеди-и. Въ комнатѣ путешественника цѣлый день толпятся туземцы, которые слѣдятъ за нимъ съ большимъ любопытствомъ,ничѣмъ, по-видимому, не ослабляемымъ. Они присутствуютъ при его вставаніи и укладываніи, при ъѣ и питьѣ, при его выходѣ и возвращеніи. Они обсуждаютъ каждый его поступокъ на непонятномъ ему языке; но уже самый тонъ ихъ разговора указываетъ па тотъ сильный интересъ, ослабить который, повидимому, ничто не могло. Во всѣхъ посѣщаемыхъ нами деревняхъ, вставаніе и укладываніе совершились

публично, подобно тому, какъ это было съ прежними королями Франціи. При нашемъ выходѣ изъ дома, они старались непремѣнно увидѣть послѣдняго изъ наасъ и мгновенно собирались вновь при нашемъ возвращеніи. Когда-же мы оставались дома, то у наасъ былъ постоянный приемъ, который оканчивался только съ гашенiemъ свѣчей. Тогда посѣтители исчезали, или, лучше сказать, прислуга любезно выпроваживала ихъ, послѣ чего долго слышались ихъ голоса, вѣроятно обсуждавшіе такой поступокъ иностранцевъ, и было бы пріятно надѣяться, что это обсужденіе было въ благосклонномъ и похвальномъ смыслѣ въ нашу пользу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Деревня Безинги и группа горъ Каштанъ-Тау.—Кавказскія цѣны. Отправление изъ Кунима.—Мѣстоположеніе деревни Безинги.—Кавказскія собаки.—Неожиданный спутникъ.—Прибытие въ Безинги.—Затрудненіе относительно добыванія пищи.—Любопытство поселянъ.—Невидимая княгиня.—Одинъ день просроchenъ по случаю дурной погоды.—Путешествіе къ глетчеру Урбана.—Прекрасное мѣсто остановки вблизи глетчера.—Пикъ Дихъ-Тау.—Прогулка по глетчеру.—Прелестная ледяная долина у его вершины.—Пикъ Тау.—Тетнульдъ.—Гряда скалъ Джанга и вершина Каштанъ-Тау.—Разсужденіе о возможности подняться на пикъ Каштанъ-Тау.—Пикъ Тау.—Тетнульдъ повидимому доступенъ.—Холмъ, возвышающійся къ сѣверо-востоку отъ пика Каштанъ-Тау.—Гора Дихъ-Тау и Безъимянный пикъ.—Снова дурная погода.—Новозможность поэтому пройти черезъ главный кряжъ въ Сванетію.—Обратное путешествіе къ мѣсту остановки и возвращеніе въ Безинги.

На слѣдующее утро, 15 іюля, погода не предвищала ничего хорошаго и мы приготовлялись къ дальнѣйшему путешествію въ полной увѣренности, что намъ не придется видѣть почти ничего въ этой странѣ. Наша грусть увеличилась еще тѣмъ, что когда мы вставали, то наплы Павла особенно скучнымъ. За сѣастные припасы, которые онъ купилъ наканунѣ, ему пришлось заплатить, по его мнѣ-

нію, слишкомъ дорого, что онъ приписалъ вліянію проводниковъ изъ Геби, которые, какъ ему казалось, сообщили жителямъ Кунима цѣны, которые брали съ насъ въ Геби. Это сплошно огорчило Павла, какъ будто онъ расходовалъ собственныея деньги, и заставляло его ругаться на грузинскомъ языке. Въ данномъ случаѣ мы оказались болѣшими философами, чѣмъ нашъ честный слуга, такъ какъ намъ приходилось и въ прежнихъ нашихъ путешествіяхъ встрѣчаться съ подобными злоупотребленіями, да и потеря была не особенно велика. Кромѣ того, какъ теперь таѣ и впослѣдствіи, мы старались настраивать себя такимъ образомъ, чтобы не особенно возмущаться дороговизною, потому что иначе пришлось бы возмущаться слишкомъ часто, при каждой покупкѣ чего либо.

Сѣверные кавказцы—это первобытный народъ, ведущій въ своихъ большихъ уединенныхъ долинахъ пастушескую жизнь, которая обыкновенно отличается честностью, простотой и правдивостью. Стоя несравненно выше настоящихъ варваровъ, которые безчестны въ томъ же смыслѣ, какъ можетъ быть безчестна собака, и цивилизованный до нѣкоторой степени, не на столько однако, чтобы научиться разнаго рода плутовствамъ и мошенничествамъ, идущими рука объ руку съ цивилизаціею и торговлею, народъ этотъ долженъ-бы быть служить образцомъ прямой, честной жизни, которая преобладала въ давнія времена, при болѣе первобытномъ состояніи общества. Подобный взглядъ отчасти оправдывается и во многихъ отношеніяхъ; народъ этотъ можно назвать дѣйствительно хорошимъ. Воровъ между ними, повидимому, совсѣмъ нѣть, а убийства и жестокости, если и случаются, то крайне рѣдко; что же касается торговли, то, въ этомъ отношеніи, жители настолько-же плутоваты и готовы обирать путешественника, какъ и любой изъ нашихъ торговцевъ и содержателей гостиницъ. Старшины деревень въ большинствѣ случаевъ доставали намъ все, что было нужно, но положеніе ихъ не позволяло имъ просить что либо въ свою пользу, вслѣдствіе чего мы уже сами заботились о томъ, чтобы они не оставались въ проигрышѣ. Когда-же мы покупали для себя сами, то почти всегда приходилось платить слишкомъ дорого, что иногда было не совсѣмъ приятно; съ другой стороны, это имѣло на насъ то хорошее дѣйствіе, что сдѣлало насъ болѣе терпѣливыми для постоянной борьбы

съ надувательствомъ, которая и представляла намъ и у себя дома, и менѣе склонными объяснять подобное явленіе вліяніемъ времени. Желаніе получить хотя-бы не совсѣмъ честную прибыль при торгѣ — присуще человѣку и, независимо отъ званія или состоянія, одинаково свойственно простому пастуху и алчному биржевику.

Передъ самымъ отправленіемъ, намъ однако удалось познакомиться и съ хорошими чертами кавказцевъ; веселый молодой старшина, съ которымъ мы бесѣдовали наканунѣ вечеромъ, пришелъ съ своими двумя или тремя товарищами, чтобы проститься съ нами и пожелать счастливаго пути. Находясь въ родствѣ съ старшинами деревни Уруслбіева, гдѣ мы современемъ разсчитывали побывать, онъ далъ намъ письмо къ одному изъ нихъ, поручая намъ его милостивому вниманію. За минуту до нашего отправленія появился и здѣшній деревенскій старшина, попрежнему холодный — было очевидно, что онъ считалъ насъ за людей незначительныхъ. Стараясь принять гордый видъ, насколько позволяла это наша, вовсе не внушительная наружность, мы черезъ посредство Павла, по турецки, выразили ему по возможности сухо нашу благодарность и затѣмъ отправились далѣе.

Наша холодность, повидимому, произвела на него впечатлѣніе, что вскорѣ и обнаружилось. Урокъ этотъ оказался полезнымъ при дальнѣйшемъ путешествіи, но въ данное время мы слишкомъ мало думали о немъ, такъ какъ всѣ наши мысли были направлены къ тому, какимъ путемъ удобнѣе пробраться къ деревнѣ Безинги.

Деревня эта расположена въ долинѣ Западнаго Терека. Рѣка, протекающая здѣсь, хотя и известна подъ именемъ Урбана, но въ дѣйствительности она составляетъ верхнюю часть западнаго рукава Терека. Восточный рукавъ, отъ которого мы теперь должны были удалиться, наибольшій изъ двухъ, а потому и считается главной рѣкою; впрочемъ, оба рукава представляютъ два быстрыхъ, могущественныхыхъ горныхъ потока.

Нашъ путь сначала направлялся къ сѣверу, по зеленымъ сѣверо-западнымъ склонамъ долины. Погода, дурная съ утра,—сдѣлалась еще хуже; небо становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, а туманъ собирался около вершины и кряжа горъ; дождь былъ непрѣбѣжимъ. Сильно опечаленный дурной погодою и раздумывая о неблагопріят-

иныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ нась, я шелъ значительно позади трехъ моихъ товарищей, какъ вдругъ былъ остановленъ страшнымъ шумомъ и, оглянувшись, увидаль нашего почтеннаго Павла въ большой опасности отъ трехъ злыхъ собакъ. Одна уже пыталась укусить его, но во-время была отогнана каменьями; минуту спустя, двѣ другія собаки напали на него. Пользуясь этой борьбою, первая собака снова подскочила съ тѣмъ, чтобы наброситься на Павла сзади. И еслибы только ей это дѣйствительно удалось и Павелъ упалъ бы на землю, что было весьма возможно, то тогда, конечно, трудно было-бы ожидать чего нибудь хорошаго, тѣмъ болѣе что и стрѣлять въ собакъ было-бы немыслимо, не рискуя при этомъ убить человѣка. Къ счастью, бросивъ большой камень, мнѣ кажется, удалось разбить челюсть собакѣ, намѣревавшейся напасть сзади; какъ-бы то ни было, но она съ воемъ отскочила; затѣмъ мы отогнали и двухъ другихъ собакъ.

Это, повидимому, маловажное обстоятельство въ то время, однако представляло для Павла значительную опасность, которая и угрожала и нѣкоторымъ изъ нась въ различныя времена отъ кавказскихъ собакъ, этихъ шакалу подобныхъ животныхъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ одною изъ породъ, известныхъ въ Англіи. Страшно дикия и болѣе другихъ собакъ ненавидящія постороннихъ людей. онѣ въ значительной степени обладаютъ хитростью и коварствомъ хищныхъ звѣрей. При вѣзда въ каждую деревню и при выходѣ изъ нея, или при приближеніи къ пасущимся стадамъ, путешественникъ долженъ ожидать нападенія со стороны трехъ или четырехъ подобныхъ собакъ; стрѣлять онѣ въ нихъ не имѣтъ права, потому что это можетъ вызвать недовольство поселянъ; единственnoю его защитою могутъ служить большие камни, если только онѣ не удовольствуются тѣмъ, что будетъ стоять неподвижно, взывая о помощи, которой конечно не дождется. Другая, не менѣе скверная черта кавказскихъ собакъ заключается въ томъ, что онѣ постоянно лаютъ по ночамъ; изъ многихъ проеклятій, расточаемыхъ кавказскими путешественниками, мало найдется болѣе искреннихъ, чѣмъ тѣ, которыхъ осуждаютъ на погибель этихъ неутомимыхъ собакъ, лишающихъ путешественника сна, котораго онѣ, послѣ дневныхъ трудовъ и странствованій, вполнѣ заслуживаютъ.

Освободившись отъ собакъ, мы съ Павломъ присоединились къ другимъ товарищамъ и вмѣстѣ съ ними съ трудомъ стали пробираться по дорогѣ, которая, пролегая по неровной мѣстности, привела насъ къ долинѣ съ высокими склонами, покрытыми травою, но безъ деревьевъ, и съ устремляющимся вдоль нея потокомъ. Переядя черезъ плохой мостъ и направившись далѣе по отвѣсному склону долины, мы вскорѣ очутились въ полосѣ густаго тумана; просвѣтъ даль намъ возможность увидать вдали всадника, который быстро пагонялъ насъ и, засвидѣтельствовавъ намъ свое почтеніе, заявилъ о своемъ намѣреніи сопровождать насъ; поведеніе его въ теченіи этого дня и двухъ послѣдующихъ представлялось намъ загадкою. Онъ сообщилъ Павлу, вовсе не расположенному выслушивать его, что старшина Кунима, вспомнивъ послѣ нашего отравленія, что мы почти не знали этой страны, послалъ его вслѣдъ за нами, чтобы онъ могъ служить намъ курьеромъ и переводчикомъ и сообщилъ-бы жителямъ деревни Безинги о нашихъ достоинствахъ и о нашемъ высокомъ положеніи.

Въ теченіи трехъ дней онъ усердно хлопоталъ около насъ, не оказывая намъ, впрочемъ, ни малѣйшей помощи. Павелъ принялъ его за мошенника, присоединившагося къ намъ съ цѣлью выручить что нибудь за свои совершенно ненужныя услуги; насъ же очень занималъ вопросъ, былъ-ли онъ дѣйствительно посланъ старшиною или нѣтъ? Я съ своей стороны находилъ весьма возможнымъ, что старшина Кунима отправилъ его къ намъ, желая этимъ поступкомъ загладить свою нелюбезность и невниманіе къ знатнымъ лицамъ. Наша холодность при отправленіи изъ деревни должно было быть повліяла на него такимъ образомъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что подобную услугу со стороны кавказскаго старшины нельзя считать значительную, потому что такому проводнику, посланному старшиною, приходится довольно дорого платить за каждый его шагъ. Совершивъ небольшую прогулку, онъ считалъ ее за работу цѣлаго дня, таѣ что самое лучшее было освободиться отъ подобнаго спутника по возможности скорѣе. Конечно, было-бы совсѣмъ другое дѣло, если-бы проводникъ оказался специалистомъ, напримѣръ охотникомъ, которому знакомы всѣ пути въ горахъ.

Наша дорога пролегала по склону долины, въ которую мы вошли,

и затѣмъ, какъ мнѣ показалось, по кряжамъ, находящимся у верховьевъ двухъ другихъ долинъ: но туманъ, промочившій насыпь насѣквозъ и скрывавшій отъ насъ всѣ предметы на разстоянії 20 шаговъ, не позволялъ намъ составить себѣ яснаго понятія о нашемъ пути, и мы оставались въ этомъ отношеніи при однихъ догадкахъ.

Вскорѣ мы очутились на большой покатости, съ которой стали спускаться по крутымъ зигзагамъ. Пройдя небольшое разстояніе, мы вдругъ освободились отъ тумана и увидали деревню Безинги. До половины врытыя въ землю хижинъ этой странной небольшой деревушки, подобныя землянкамъ Кунима, были расположены по склону холма, гнѣздясь повсюду, гдѣ только было возможно. Мѣстность имѣла печальный видъ, а долина казалась положительно страшной. Пройдя скоро, довольно хорошей дорогой, по высокому отвесному склону, мы вошли въ Безинги совершенно мокрые и усталые.

Наше дневное путешествіе было окончено, намъ удалось во-время добраться до мѣста нашего ночлега, но тѣмъ не менѣе намъ казалось, какъ это часто бываетъ при путешествіяхъ по кавказскимъ деревнямъ, что предстоитъ еще не мало хлопотъ. Послѣ нѣсколькихъ разспросовъ мы узнали, что, ни старшины, ни подвластнаго ему управителя не было дома; насыпь проводили въ помѣщеніе, отведенное для путешественниковъ; достать же пищу намъ казалось не легко, что не могло быть особенно пріятно для проголодавшихся. Нашъ офиціальный проводникъ изъ Кунима заявилъ, что онъ можетъ добыть все, что намъ нужно, и скрылся. Нѣсколько времени спустя, появились туземцы, продающіе съѣстные припасы, за которые они спрашивали баснословныя цѣны, такъ что бѣдному Павлу снова выпала на долю трудная задача сбавить цѣны насколько возможно. Собравшаяся толпа одинаково внимательно слѣдила за нами и за торгомъ. Когда же я сѣлъ въ галлерею и сталъ записывать мои впечатлѣнія, то всѣ взоры обратились исключительно на меня.

Изъ собравшейся около меня удивленной толпы, болѣе другихъ поразилъ меня одинъ дряхлый старикъ, въ одеждѣ изъ овечьей шкуры, обращенной шерстью внизъ. Года сдѣлали его почти слѣпымъ, провели безчисленное множество морщинъ на его лицѣ, сгорбили его когда-то мощный станъ, но ничуть не ослабили его любопытства. Подойдя ко мнѣ, онъ прежде всего снялъ съ меня шляпу

и стала внимательно рассматривать ее; только молчаливое негодование окружающихъ заставило его возвратить мнѣ шляпу. Затѣмъ онъ принялъ слѣдить изъ за плеча за моимъ письмомъ, перебросился на одежду и наконецъ остановился на сапогахъ, вызывавшихъ всеобщее удивленіе кавказцевъ. Въ отношеніи любопытства немного отставали отъ своего старшаго товарища и двое храбрыхъ молодцовъ, въ полномъ національномъ костюмѣ, съ кинжаломъ въ серебряныхъ ножнахъ на перевязи и съ серебрянымъ патронташемъ на груди. За исключеніемъ мелочнаго любопытства, они держали себя съ достоинствомъ, подобно всѣмъ болѣе или менѣе знатнымъ кавказцамъ. За ними слѣдовала кучка туземцевъ, бесѣдующихъ между собой и заидущихъ старику. Подобная навязчивость, повидимому, считается у нихъ привилегіей старости, такъ какъ, къ моему счастію, болѣе никто уже не пытался осматривать меня такъ внимательно.

Одинъ туземецъ меня сильно смущалъ. Онъ постоянно появлялся, внимательно слѣдилъ за мною, затѣмъ скрывался; вскорѣ однако снова появлялся, снова слѣдилъ и опять удалялся, какъ будто простой путешествующій англичанинъ, подобно Моисею на горѣ, могъ представлять такъ много достойнаго вниманія, которое этотъ наблюдатель старался надолго запечатлѣть въ своей памяти. Я узналъ впослѣдствіе причину, побуждавшую его на подобныя урывчатыя наблюденія. Это былъ слуга двухъ женъ старшны, особъ, пользующихся важнымъ значеніемъ рѣ деревнѣ, и такъ какъ магометанскіе законы не дозволяли имъ явиться взглянуть на насъ, то онъ и отправили своего слугу, который доносилъ имъ обо всемъ понемногу.

Чрезвычайно добрымъ существомъ показалась намъ старшая и наиболѣе значительная изъ этихъ двухъ дамъ, старавшаяся, во времія отсутствія своего мужа, оказать намъ по возможности радушный приемъ. Я думаю, она испугалась, когда впервые услышала о нашемъ прибытии; но такъ какъ на приготовленіе какого нибудь угоженія въ кавказской деревнѣ требуется не мало времени, то спачала она и не предложила намъ ничего. Не разсчитывая на что либо и впослѣдствіи, Павелъ купилъ все, что могъ у туземцевъ. Но добрая женщина все время хлопотала для насъ и, послѣ некоторой проволочки, весьма естественной при подобныхъ обстоятельствахъ, она присла-ла намъ чаю и пирожковъ, составляющихъ обычное кавказское уг-

иеніе. Значительно позже, послѣ того какъ мы успѣли уже довольно плотно пообѣдать насчетъ добытой Павломъ провизіи, мы, бѣ нашему ужасу, узнали, что хозяйка велѣла заколоть барана, котораго памѣревалась предложить намъ. Правда, что люди, путешествующіе нѣшкому въ горахъ, єдятъ очень много, и мы представляли собою примѣръ того, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи англичанинъ; но цѣлый баранъ на десертъ было бы ужъ слишкомъ много. Мы обратились къ хозяйкѣ съ мольбою удержать ея гостепріимную руку, и улеглись спать, думая хотя этимъ средствомъ оградить себя, если можно такъ выразиться, отъ баранины.

Слѣдующее утро было пасмурное и сырое, и туманъ спустился почти до подошвъ долины. Мы только зашевелились, какъ уже снова вокругъ насъ собралась толпа туземцевъ, наблюдавшихъ за нами все утро. Одинъ, очень грязный житель Геби, котораго мы встрѣтили въ лѣсу у верховья Rionia и который перешелъ вмѣстѣ съ нами по проходу, привѣтствовалъ насъ, какъ своихъ товарищъ. Намъ сообщили, что это былъ торговецъ, но, повидимому, продавать ему здѣсь было нечего, исключая червей, которые кажется употребляются въ Безинги какъ лекарство. Онъ дѣйствительно былъ доволенъ встрѣтить насть, какъ обыкновенно кавказцы радуются при встрѣчѣ съ людьми, съ которыми имъ приходилось путешествовать вѣковое время.

Я полагаю, что средства его существованія зависѣли отъ этой деревни, но такъ какъ продавать теперь было нечего и поселяне не нуждались ни въ чёмъ, то найти какое нибудь занятіе конечно было ему не легко.

Послѣ полудня мы прошли немного по долинѣ, спускаясь по склонамъ горъ, не позволяя намъ видѣть того, что наше окружало, вслѣдствіе чего мы рано возвратились въ наше жилище, гравюра котораго, снятая на деревѣ съ фотографіи, сохранилась въ наше альбомѣ. Домъ этотъ представлялъ одно изъ обыкновенныхъ кавказскихъ строеній по сѣверную сторону кряжа.

На слѣдующее утро, къ нашему великому удивленію, погода была прелестная и мы рано стали готовиться въ путь.

Мы знали, что въ верховьяхъ долины находился глетчеръ, къ подошвѣ котораго мы и рѣшили пройти, съ тѣмъ, чтобы переноче-

вать тамъ между скалами и на слѣдующій день уже попытаться обслѣдовать верхнюю его часть. Мы думали, что, послѣ предварительного осмотра, мы будемъ въ состояніи взобраться на пикъ Тау-Тетнульдъ, возвышающійся у верховья глетчера и дающій начало рѣкѣ Урбану, или западному Тереку, чтобы спуститься затѣмъ на южную сторону цѣппи, въ Сванетію, если только погода будетъ благопріятна. Разсчитывать на это послѣднее, очень важное обстоятельство мы имѣли данныя, какъ если анероидъ и не предвѣщалъ улучшения погоды, то солнце свѣтло во всемъ своемъ блескѣ и небо было совершенно ясно. Стрѣлка указывала па дурную погоду, какъ и все послѣднее время, и нисколько не повышалась; но иногда случается, что повышеніе или пониженіе барометра слѣдуетъ уже за измѣненіемъ погоды и такимъ образомъ онъ предсказываетъ эти измѣненія послѣ того, какъ они уже совершились; такъ и въ данномъ случаѣ никто не довѣрялъ анероиду, въ полной увѣренности, что онъ отстаетъ. Уокеръ, Гардинеръ и я отправились въ путь по безплодной долинѣ, а Муръ остался въ ожиданіи провизіи, которая, несмотря на обѣщанія, не была готова къ условленному времени. Мы нуждались только въ хлѣбѣ на два дня, который и былъ заказанъ за два дня впередъ, но который намъ удалось получить послѣ двухчасовой задержки и послѣ довольно энергическихъ увѣщаній съ нашей стороны. Невидимая хозяйка старалась помочь намъ всѣми силами, но и она, это прелестное созданіе, имѣла такое же смутное понятіе о точности, какъ и всѣ остальные, вслѣдствіе чего Павлу и Муру пришлось не мало сердиться, прежде чѣмъ появились приготовленные ею отличные хлѣбы.

Въ то время, когда они хлопотали о провизіи, мы медленно шли по крайне скучной долинѣ Безинги. Привыкнувъ къ Альпамъ, где нѣтъ ни одного мѣста, которое можно было бы назвать положительно некрасивымъ, мы были поражены, встрѣтивъ въ самомъ центрѣ горной страны такую однообразную долину. Правда, невысокіе пики уже стали появляться, но сама по себѣ долина эта казалась страшной. Высокія стѣны, покрыты травою и пересѣкаемыя тамъ и сямъ скучными провалами, никакой красоты очертаній, самое ничтожное разнообразіе цвѣтовъ, скука и однообразіе въ общемъ—вотъ характеристика долины Безинги, которая по какому-то странному проти-

ворѣчію ведеть къ горѣ замѣчательно величественной. Вскорѣ намъ стали попадаться признаки того величія, которое ожидало насъ за долиной.

Въ разстояніі двухчасовой ходьбы отъ деревни мы увидали могу-
чую стѣну снѣжныхъ утесовъ у вершины большаго глетчера; стѣна эта оказалась главнымъ кряжемъ кавказскихъ горъ, образующимъ начинаяющуюся здѣсь границу между Европою и Азіею. Глетчеръ по-
нижается очень мало, такъ что между его оконечностью и громад-
ными скалами у его вершины не видно ничего, и скалы поэтому ка-
жутся какъ будто возвышающимися надъ поверхностью моря.

Въ то время, какъ мы останавливались полюбоваться на эту ве-
личественную стѣну, къ намъ присоединился Муръ съ Павломъ,
весыма взволнованные медлительностью поселянъ, и съ гигантомъ
Могамедомъ, который съ достоинствомъ велъ двухъ ословъ, навью-
ченныхъ нашими постелями и провизіею, добыть которую было такъ
трудно. Обезпеченные насчетъ постели и пищи, этихъ двухъ крайне
необходимыхъ для путешественника вещей, мы, вполнѣ довольные,
отправились далѣ.

На этомъ пути намъ предстояло много наблюдений, потому что
слѣды постепенного удаленія глетчера вверхъ по долинѣ были мно-
гочисленны и очевидны. Въ разстояніі четырехчасовой ходьбы отъ
деревни есть мѣсто, где сравнительно въ очень недавнее еще время
находился ледъ, тогда какъ теперь тамъ голый камень, по которому
мы и прошли къ оконечности самаго глетчера. Оконечность эта со-
стояла изъ грязнаго льда и камней и, по своей нагроможденности,
составляла совершенную противоположность тому изяществу созда-
ній природы, которое бросается въ глаза въ верхнихъ частяхъ
глетчера.

У самаго основанія находилось множество обломковъ скаль и
камней.

Нашъ подозрительный проводникъ оказался однако вполнѣ прав-
дивымъ человѣкомъ. Онъ обѣщалъ провести насъ къ хорошему убѣ-
жищу, где мы могли бы переночевать и, пройдя за нимъ по камнямъ,
по которымъ осли пробирались съ трудомъ, мы подошли къ мѣсту
по лѣвой сторонѣ глетчера, близъ его оконечности, представлявшему
дѣйствительно отличное убѣжище. Эта небольшая, закругленная, по-

крытая травою долина съ водопадомъ и устремляющимся вдоль нея потокомъ, представляла прелестный оазисъ внутри дикой горной страны. Она служила, очевидно, правильнымъ мѣстопребываніемъ охотниковъ, на что указывала стѣна изъ каменьевъ, построенная, должно быть, для защиты отъ вѣтра; кромѣ того, тутъ были и другие слѣды еще очень недавняго ихъ пребыванія. Здѣсь-то мы устроились насколько было возможно удобно, то есть вырыли большиe камни для того, чтобы можно было лечь на мягкую землю. Защиты противъ дождя у насъ не было, но при остановкахъ въ горахъ должно считать не малой роскошью и то, если можно выспаться на гладкой поверхности.

Противъ этого мѣста, по другую сторону большаго ледяного потока, находился боковой глетчеръ, а у верховья оврага, по которому протекалъ этотъ потокъ, возвышался пикъ Дихъ-Тау. Отсюда гора эта была очаровательна; красивый снѣжный конусъ, образующій ея вершину, какъ бы отрѣзывался отъ нижней ея части громадными, совершенно отвѣсными утесами. Утесы эти, конечно, представляли множество углубленій и выступовъ, но издали они казались вертикальными и, повидимому, были совершенно недоступны людямъ. У верховья ущелья, вдоль которого пролегалъ боковой глетчеръ, эти гигантскіе утесы, съ возвышающимся надъ ними изящнымъ снѣжнымъ конусомъ, были замѣчательно красивы, но намъ не удалось долго любоваться ими, потому что туманъ, поднявшійся съ долины, лежащей внизу, скрылъ отъ насъ все; лишенные возможности видѣть что либо, мы стали очищать землю нашими топорами, съ цѣлью доставить ее къ ночи до надлежащей мягкости. Несмотря на прекрасное утро, къ вечеру погода ухудшилась и въ продолженіи ночи шелъ дождь и снѣгъ; въ 3 часа 30 минутъ, когда мы думали уже отправиться далѣе, туманъ былъ настолько густъ, что мы невольно вспомнили Лондонъ. Черезъ два часа погода, повидимому, стала проясняться, и мы, подойдя къ глетчеру, стали пересѣкать его въ юго-западномъ направленіи, намѣреваясь приблизиться къ горамъ, возвышающимся у его вершины.

Большой глетчеръ Урбана, по которому мы теперьшли, получаетъ свое начало въ снѣгахъ, лежащихъ у подножія пиковъ Тау-Тетнульда и Каштанъ-Тау. Эти горы, соединяющіяся грядою утесовъ, извѣ-

стыхъ у туземцевъ подъ названиемъ Джанга, находятся по направлению отъ востока къ западу одна отъ другой; изъ нихъ наиболѣе восточную оконечность составляетъ пикъ Коштанъ-Тау.

Ледяные потоки, спускающіеся вдоль сѣверныхъ склоновъ этихъ горъ, раздѣляются на нѣкоторое разстояніе скалистыми барьерами, но за грядою Джанга они соединяются и образуютъ глетчеръ Урбана, который пролагаетъ себѣ путь по широкой долинѣ, какъ разъ противъ упомянутой гряды скалъ, по направлению отъ NNO къ SSW.

До этого путешествія мы не знали откуда получаетъ свое начало глетчеръ Урбана, такъ какъ указанія карты въ этомъ отношеніи слишкомъ неясны. Все же, что я сейчасъ сказала, о глетчерахъ, намъ удалось наблюдать самимъ въ теченіи одного дня.

Очевидно было, что, поднявшись на вершину глетчера, мы увидимъ съ южной стороны пространства, изъ которыхъ онъ беретъ свое начало и что, находясь въ центрѣ наиболѣе величественной изъ кавказскихъ горныхъ странъ, мы будемъ въ состояніи составить себѣ понятіе о настоящемъ положеніи пиковъ Тау-Тетнульда и Коштанъ-Тау; кроме того, мы надѣялись также высмотреть дорогу къ вершинѣ одного или даже обоихъ этихъ громадныхъ пиковъ.

Все это вмѣстѣ побудило насъ подняться на глетчерь, чѣмъ мы и совершили безъ особыхъ затрудненій. Идя вначалѣ почти по совершенно гладкой ледяной поверхности, мы подошли къ оврагу, ведущему къ мрачному ущелью Дихъ-Тау, у верховья которого находилась отвесная гора, а за ней возвышалась громадная вершина третьей по величинѣ изъ Кавказскихъ горъ.

За оврагомъ, на протяженіи двухъ часовъ ходьбы, путь нашъ пролегалъ почти по ровному глетчери. Далѣе начинались трещины во льду, такъ что мы не безъ опасеній перебрались на лѣвую окраину глетчера и, поднявшись по каменистому склону, очутились на заросшей травой моренѣ, по которой намъ пришлось пройти значительное пространство, пока мы не спустились на ледь недалеко отъ вершины глетчера; здѣсь проваловъ уже не было, и мы спокойно направились къ грядѣ Джанга.

Долина глетчера, большую часть которой мы прошли, отличалась самымъ суровымъ величиемъ; по лѣвую сторону, за склонами, покрытыми травой, возвышалась громадная стѣна утесовъ; вправо, надъ

самымъ глетчеромъ, на большую высоту поднимался одинъ сплошной отвѣсный утесъ, за которымъ выдѣлялась еще болѣе высокая, отвѣсная, очаровательная вершина. Оставивъ эту вершину и пройдя послѣ четырехъ часовъ путешествія отъ мѣста нашего ночлега, по обширному ущелью, по которому пролегаетъ глетчеръ Урбана, мы очутились у высотъ Джанга.

Я не берусь передать на словахъ всей прелести, представившагося напимъ глазамъ, вида. Красота и величие громадныхъ горъ, вызывающія сами по себѣ удивленіе и восторгъ, были соединены здѣсь съ совершенной дикостью и своеобразностью долины, надъ которойю они возвышались и съ полнѣйшимъ ея несходствомъ съ чѣмъ либо влѣдѣнномъ нами въ теченіи нашего многолѣтняго путешествія въ высокихъ Альпахъ. Это была горная крѣпость, которая не только никогда не посѣщалась человѣкомъ, но которая своимъ прелестнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грознымъ уединенiemъ повидимому не допускала даже и мысли о посѣщеніи ея.

Вправо отъ насъ находился пикъ Тау-Тетнульдъ, возвышающейся надъ обширнымъ глетчеромъ, который спускается между этимъ пикомъ и скалистымъ барьеромъ, по другую его сторону. Пики Тау-Тетнульдъ и Кошганъ-Тау соединяются грядою Джанга, этой громадной стѣною изъ скалъ, покрытыхъ снѣгомъ и казавшихся намъ вертикальными, чего въ дѣйствительности конечно не было. У оконечности этого Сарьера, къ юговостоку отъ насъ, возвышался Коштанъ - Тау, самый высокій изъ кавказскихъ пиковъ, послѣ Эльбруса. Туманъ, покрывавшій его верхнюю часть, разсѣялся — и пикъ представился намъ во всей своей прелести и величинѣ; по сторонамъ тянулись ряды отвѣсныхъ, скалистыхъ утесовъ, а надъ ними поднимался кряжъ, очертанія котораго, повидимому, были такъ тонки, что его сочлененія напоминали мнѣ мелкія развѣтвленія жилокъ въ листѣ. Далѣе возвышался и самый гребень горы, обозначающейся рядами длинныхъ изгибовъ, покрытыхъ свѣжимъ снѣгомъ. Пикъ Коштанъ Тау, освѣщенный лучами восточнаго солнца, былъ покрытъ ослѣпительнымъ блескомъ, и я сомнѣваюсь, чтобы кому нибудь приходилось видѣть болѣе величественную и красивую гору, чѣмъ какою казалась въ это лѣтнее время вершина Коштанъ-Тау. Доступенъ ли этотъ пикъ? Удастся-ли когда нибудь человѣку подняться на

самую высокую точку этого бряжа и взглянуть оттуда на прелестную Свалетю съ одной стороны и дикую землю черкесовъ съ другой? Конечно, отвѣтить на подобные вопросы относительно горы, совершенно неизвѣстной, такъ же трудно, какъ и предсказать что-либо относительно незамужней женщины; вѣрно только то, что человѣкъ боязливый или слабый не долженъ и предпринимать попытки взбраться на пикъ Коштанъ-Тау. Отъ холма, гдѣ востоку отъ которого мы стояли и къ которому ведутъ спѣжные склоны, возвышается сѣверо-восточный гребень горы, доступный на нѣкоторое разстояніе; болѣе верхняя часть его настолько неправильна и отвѣсна, что кажется положительно недоступною для человѣческой ноги; самая же вершина, повидимому, также представляетъ множество препятствій для путешественника, которому представляется большое затрудненіе узнать, вслѣдствіе неправильныхъ извилинъ горы, когда онъ достигнетъ ея наиболѣе высокой точки. Конечно, высмотрѣть тамъ дорогу было невозможно, однако намъ часто приходилось пролагать себѣ путь по мѣстамъ, казавшимся снизу совершенно непроходимыми, подобно тому, какъ и въ Швейцаріи есть пики, часто посѣщаемые теперь, но которые еще не въ очень отдаленныя времена казались положительно недоступными человѣку. Слѣдовательно, я нисколько не удивился-бы, если бы энергичному путешественнику, располагающему значительнымъ временемъ на изслѣдованіе горы, готовому проспать нѣсколько ночей подъ открытымъ небомъ и упорно преслѣдующему свою цѣль, несмотря на многія неудачи, въ сопровожденіи двухъ хорошихъ проводниковъ, при благопріятной погодѣ, удалось достигнуть вершины Коштанъ-Тау; конечно, при этомъ необходимо устроить табъ, чтобы его постоянно снабжали сѣбѣстными припасами изъ ближайшей деревни,—задача также далеко не легкая.

Что касается пика Тау-Тетнульда, то, повидимому, пѣтъ основанія считать его недоступнымъ, да и восхожденіе на него не представляетъ особыхъ затрудненій.

Глетчеръ, очевидно уже посѣщавшійся, спускается между сѣвернымъ склономъ горы и утесами по другую его сторону. Съ поверхности глетчера, на которомъ мы находились, добраться до этого глетчера было очень легко и, направясь затѣмъ между трещинами и

извилиниами, путешественникъ безъ труда могъ достигнуть холма, возвышающагося подъ самыи пикомъ Тау-Тетнульда. А отсюда, по-видимому, можно было добраться и до самой вершины Тау-Тетнульда; пикъ этотъ чрезвычайно красивъ, хотя съ этой стороны онъ непремѣнно долженъ проигрывать въ своей красотѣ, потому что, при сравненіи съ болѣе высокой горою Коштанъ-Тау, онъ кажется гораздо ниже и хуже. Чтобы подняться на одинъ изъ этихъ пиковъ, необходимо было переночевать гораздо выше мѣста нашей ночевки и для этого мы выскали очень удобную мѣстность, а именно—маленьку долину, лежащую у оконечности кряжа, покрытаго травою, который мы пересѣкли, по лѣвую окраину глетчера Урбана,—долину, очень похожую на мѣсто напрѣдъ прежней остановки, защищенную отъ вѣтра и орошенную небольшимъ потокомъ.

Холмъ, лежащій у основанія сѣверо-восточнаго гребня Коштанъ-Тау, въ свою очередь возвышается надъ обширнымъ глетчеромъ Дихъ-Су, къ которому по всей вѣроятности можно было бы пройти черезъ упомянутый холмъ; но Муръ, которому въ 1868 году пришлось познакомиться съ другой стороною этого холма, былъ убѣжденъ, что спуститься на глетчеръ Дихъ-Су вовсе не легко. Къ NNO отъ холма находится высокий безъименныи пикъ, не означенныи на русской картѣ, а за нимъ возвышается пикъ Дихъ-Тау. Однако съ того мѣста глетчера, котораго намъ удалось достичь, мы не могли видѣть ни одного изъ этихъ пиковъ, потому что они были скрыты промежуточными утесами.

Мы намѣревались подняться на пикъ Тау-Тетнульдъ, чтобы затѣмъ пройти въ Сванетію. Мы не могли конечно привести въ исполненіе этого намѣренія въ описываемый мною день, такъ какъ времени было слишкомъ недостаточно, но мы разсчитывали, въ случаѣ если погода измѣнится и намъ удастся найти хорошее мѣсто для переночевки, перетащить туда нашъ маленький багажъ и оттуда уже попытаться изслѣдовать проходъ и гору. Мѣсто для переночевки мы разыскали, да и погода измѣнилась, но, къ сожалѣнію, измѣнилась къ худшему. Въ то время, когда мы рассматривали пикъ Коштанъ-Тау, облака, разсѣявшіяся ненадолго, снова покрыли его величественную вершину, а за нами по большому глетчуру Урбана сталъ медленно разстѣлаться густой туманъ. Черезъ нѣсколько минутъ туманъ добрался и до

насъ и вскорѣ скрылъ пикъ Тау-Тетнульдъ, гряду Джанга и могу-
чую гору Коштанъ-Тау, которые намъ уже и не пришлось больше
видѣть иначе какъ издали. Намъ оставалось только вернуться домой,
вслѣдствіе чего мы пустились въ обратный путь, сопровождаемые
отвратительнымъ полумракомъ, и, пройдя сначала по кряжу, по-
крытыму травою, направились вдоль основанія морены, по голымъ
камнямъ, такъ какъ туманъ не позволялъ идти по глетчеру, изоби-
ловавшему здѣсь трещинами. Когда же мы спустились къ мѣсту
нашей остановки, то погода отняла отъ насъ всякую надежду: туманъ
былъ густъ, начался снѣгъ, а барометръ сильно понизился.
Невозможность подняться на неизвѣстный пикъ или пройти неизвѣ-
стнымъ проходомъ была очевидна, и мы съ грустью должны были
сознаться, что переночевать въ слѣдующей долинѣ и оттуда под-
няться на пикъ Тау-Тетнульдъ, или попытаться взобраться на вер-
шину Коштанъ-Тау, съ рискомъ сломать себѣ шею, суждено болѣе
счастливымъ путешественникамъ. Мы рѣшили возвратиться въ дере-
вню Безинги, да и хорошо что исполнили это, такъ какъ ночь
была ужасная; хорошо также, что мы отказались отъ своей экспеди-
ціи, потому что въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ дней въ доли-
нахъ шелъ безпрерывный дождь, а въ горахъ снѣгъ.

На пути къ Безинги насъ засталъ проливной дождь, который ока-
залъ свое дѣйствіе на нашего прелестнаго слугу Павла: промокнувъ
насквозь, онъ, по прибытіи въ деревню, тотчасъ же принялъ за
страпоню, не перемѣнивъ одежды, вслѣдствіе чего онъ получилъ ка-
шель, сильно мучившій его въ то время, когда онъ разстался съ
нами. Наше отсутствіе, повидимому, еще болѣе успило любопытство
туземцевъ; собравшись вокругъ насъ, они выражали такое удивленіе,
какъ будто никогда не видали настъ прежде. Прежде чѣмъ лечь
спать, мы должны были употребить не мало трудовъ, чтобы изба-
виться отъ этой простодушной, но надоѣдливой и утомляющей толпы.
Ночь, съ проливнымъ дождемъ и сильнейшими порывами вѣтра, была
ужасна. Мы, безъ сомнѣнія, захворали бы, если-бы только остались
на избранномъ нами, вблизи глетчера, мѣстѣ почевки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Деревня Чегемъ и ущелье Джилки-Су.

Отправление изъ деревни Безнги. — Невидимая княгиня. — Путь къ долинѣ Чегемъ.—Сходство его съ Большимъ Шейдегомъ. — Поражающей видъ входа въ глубокое ущелье.—Привѣтливый старшина.—Деревня Чегемъ.—Пріемъ, оказанный намъ въ этой деревнѣ.—Старшины увѣдомлены о нашемъ прибытіи генераломъ Лорисъ-Меликовымъ.—Любопытство жителей Чегема. — Описаніе приема обыкновенно оказываемаго путешественнику кавказскими старшинами.—Отсутствіе всякихъ попытокъ къ пріобрѣтенію подарковъ.—Ущелье Джилки-Су.—Снова дурная погода.—Коза, пойманная живой.—Житель Геби. — Бесѣда съ недовольнымъ кавказцемъ. — Сомнѣнія относительно справедливости жалобъ.

На слѣдующій день (19 іюля), рано утромъ, мы рас прострелись съ деревнею Безнги. Княгиня такъ и осталась невидимой для насъ. Заявивъ о своемъ желаніи лично поблагодарить княгиню, мы откленились-бы отъ правиль приличія не менѣе того гостя, который, покидала загородную дачу въ Англіи, и зная, что хозяйка лежитъ еще въ постели, осмѣлился-бы выразить свое намѣреніе подняться на верхъ, чтобы проститься съ нею. Намъ показалось нѣсколько страннымъ, что княгиня, не имѣя возможности видѣть насъ, могла однако видѣть нашего слугу; такимъ образомъ Павелъ отправился къ ней, заплатилъ за угощеніе и подарилъ ей ножъ съ восемью клинками—подарокъ, какъ намъ казалось, совсѣмъ не подходящій, но у насъ не было ничего другаго. Наша добрая покровительница однаго была въ восторгѣ отъ ножа; ей никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго, и она поминутно показывала его болѣе молодой женѣ, которая, повидимому, испытывала и выражала такое-же удовольствіе, какое обыкновенно выказываетъ англичанка при видѣ своей сводной сестры, одѣтой гораздо лучше ея. Успѣхъ этого ножа указываетъ въ какомъ еще первобытномъ состояніи находятся жители Безнги. Братъ старшины, увидавъ ножъ прежде, чѣмъ онъ былъ отданъ княгинѣ, приблизилъ къ себѣ Павла и сказалъ, что нѣть никакой надобности платить его невѣстѣ и, что будетъ совершенно достаточно, если мы

дадимъ ему такой ножъ. Но такъ-какъ онъ не сдѣлалъ для нась ровно ничего, то мы, понятно, и не согласились на его предложеніе, и были очень рады, что могли доставить удовольствіе невидимой княгинѣ, которая оказалась отличной хозяйкою и выказала въ своей деревнѣ полное гостепріимство, которымъ вообще отлпчаются магометане.

Оставивъ Безинги, мы подались къ лѣвому берегу долины, причемъ намъ удалось увидѣть мѣстами болѣе сѣверную ея часть, бото-рая показалась намъ значительно красивѣе скучныхъ береговъ, воз-вышающихся вблизи деревни. Идя въ продолженіи полутора часа по травянистымъ склонамъ, мы пришли на видъ наиболѣе высокой точки прохода къ прилежащей долинѣ Чегемъ, къ которой мы и направлялись; нась сильно поразило сходство этой части нашего пути съ громаднымъ Шейдегомъ, какимъ онъ представляется со склоновъ выше Гриндельвальда. Недоставало только величественныхъ утесовъ Веттергорна, да множества гостинницъ, расположенныхъ по швей-царской дорогѣ.

Кавказцы—народъ темный, неразвитый и воздержанный, доволь-ствующійся небольшимъ количествомъ пищи и допускающей боль-шіе промежутки между принятіями ея. Такъ какъ эта дорога напомнила мнѣ хорошо извѣстный путь, то невольно являлось желаніе перенести туда одного изъ жителей Безинги, чтобы показать этому невѣжественному пастуху, что въ мѣстахъ болѣе цивилизо-ванныхъ людямъ представляется возможность ъѣсть и пить около 10 разъ въ продолженіи двухчасового путешествія, о чёмъ ихъ даже настоятельно упрашивала.

Покушеніе шакалообразныхъ собакъ отдѣлить путешественниковъ отъ другихъ товарищѣй, дождь, стекавшій по склонамъ горъ цѣлы-мъ потоками; густой туманъ, окружавшій нась при достижениіи вершины прохода:— все это были вещи самыя обыкновенныя, которыхъ можно было предвидѣть.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы выказывали себя стойкими, то есть если даже и ворчали, то втихомолку, скрывая неудовольствіе внутри себя, на что бываютъ способны только англичане.

Но наши сѣтованія вскорѣ должны были прекратиться, такъ-какъ спустившись немногого и выйдя изъ области тумана, мы пришли на

видъ странной мѣстности, совершенно непохожей на другія, когда либо видѣнныя нами до сихъ поръ. Передъ нами открылась широкая долина, образующая большой поворотъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ мы находились и направляющаяся затѣмъ къ юго-западу. На той части, гдѣ начинался горъ, было большое отверстіе, или входъ изъ громадныхъ утесовъ, за которымъ лежало глубокое, таинственное ущелье, совершенно мрачное, вслѣдствіе его незначительной ширины и страшной высоты его отвѣсныхъ сторонъ. Мы могли прослѣдить это обширное, темное ущелье на некоторое разстояніе позади горъ, — ничего подобнаго этому необыкновенному входу въ ущелье никому изъ насъ не приходилось видѣть.

Глядя на эти странныя ворота, человѣкъ какъ будто начинаетъ вѣрить въ сверхъ-естественное: ему невольно казалось, что такія громадныя ворота могли появиться только силою волшебства; его воображенію представлялись разныя драконы и громадныя змѣи, пресмыкающіеся въ этомъ мрачномъ ущельѣ, идущимъ внутрь горъ и никогда не освѣщающимся солнцемъ. Наконецъ, являлось и представленіе о волшебномъ замкѣ или о пребываніи волшебника. У основанія этого отверстія, на склонѣ долины лежитъ деревня Чегемъ, которая однажды на некоторое время была скрыта отъ насъ промежуточными возвышенностями. Спустившись, мы увидали по правую сторону большой известковый утесъ, вблизи которого летали орлы; повидимому, мы возбудили любопытство одной изъ этихъ громадныхъ птицъ, такъ какъ она долго летала надъ нашими головами, повидимому съ полнымъ пренебреженіемъ къ выстрѣламъ изъ пистолета, направленнымъ въ нее. Прежде чѣмъ добраться до Чегема, мы должны были пройти мимо другой деревни, лежащей на правой сторонѣ долины, по которой мы спускались. Жители деревни слѣдили за нами съ обычнымъ напряженнымъ, но добродушнымъ любопытствомъ, а одинъ красивый, хорошо одѣтый всадникъ подѣхалъ къ Гардинеру и ко мнѣ, шедшимъ позади другихъ и обратился къ намъ съ длинною, безъ сомнѣнія дружественною рѣчью, изъ которой мы конечно не поняли ни одного слова, а Павелъ былъ значительно впереди. Я отвѣтилъ ему довольно длинной рѣчью на англійскомъ языке, какъ мнѣ уже дважды приходилось поступать при подобныхъ-же обстоятельствахъ. Онъ выслушалъ меня съ боль-

шимъ вниманіемъ и затѣмъ, пожавъ намъ обомъ руки и привѣтливо улыбаясь, онъ поскакалъ дальше.

Подойдя къ подошвѣ большой долины, мы увидали деревню Чегемъ, лежащую у оконечности ущелья, на сѣверномъ берегу устремляющагося вдоль него потока. За деревнею возвышается большой утесъ. Трудно встрѣтить болѣе поражающій путешественника видъ, чѣмъ дома этой деревни, расположенные по голому склону у оконечности страннаго ущелья, съ возвышающимся надъ ними утесами. Насъ приняли здѣсь какъ нельзя лучше. Тифлісскія власти, выказывавшія намъ во всемъ особенное вниманіе, написали генералу Лорисъ-Меликову, губернатору Владикавказа, прося его содѣйствовать намъ всѣми средствами; онъ же въ свою очередь сообщилъ объ этомъ старшинамъ Чегема, что конечно доказывало съ его стороны большую любезность, за которую, къ сожалѣнію, намъ не удалось отблагодарить его. Небольшой отрядъ мальчиковъ, принявшихъ на себя повидимому обязанность фланкеровъ, вышелъ къ намъ на встрѣчу, чтобы провести насъ въ деревню, гдѣ мы нашли уже собравшуюся толпу. При нашемъ приближеніи, насъ привѣтствовали два красивыхъ молодца, отдѣлившихся отъ толпы. Это были двое изъ старшинъ деревни Чегемъ, управляемой повидимому тремя братьями, изъ которыхъ старшаго и наиболѣе главнаго въ то время не было дома; отсутствіе его не было ощущительно для насъ, такъ какъ младшіе братья оказались чрезвычайно гостепріимными. Насъ проводили въ приготовленный для насъ домъ, передъ которымъ находился дворъ; толпа повсюду слѣдовала за нами. Въ отношеніи любопытства, жители Чегема ничуть не уступаютъ жителямъ Кунима и Безинги, а красотою и статностью они превосходятъ послѣднихъ. Никогда мнѣ не приходилось видѣть такого большаго числа красивыхъ и стройныхъ молодцовъ, любопытство которыхъ доходило до того, что не только о всякомъ комнатѣ была наполнена ими, но и маленькое окно было занято головами бородатыхъ мусульманъ. Несмотря на ихъ крайнее равнодушіе, я долженъ сознаться, что ихъ упорное любопытство, не позволявшее вздохнуть свободно безъ того, чтобы на васъ не были обращены всѣ взоры, возмущало меня и я внутренне проклиналъ его; но вдругъ мнѣ въ голову пришла мысль, которая заставила меня призадуматься надъ тѣмъ, имѣю-ли я какоенибудь право сердиться на это об-

стоятельство. Если бы какой нибудь кавказский старшина въ национальномъ костюмѣ, то есть въ длинной одеждѣ съ серебрянымъ патронташемъ на груди, въ большой овчинной шапкѣ, съ кинжаломъ на перевязи, въ штиблетахъ и башмакахъ, вдругъ появился-бы въ англійской деревнѣ и сталъ-бы въ ней искать себѣ помѣщенія, то какой приемъ могъ-бы его ожидать со стороны жителей? Вначалѣ конечно они молчали-бы отъ удивленія, затѣмъ вскорѣ начались-бы разного рода выходки и насмѣшки насчетъ путешественника, кото-раго они не задумались-бы выругать по своему, а въ концѣ-концовъ даже и поколотить на томъ только основаніи, что онъ не похожъ на другихъ людей, которыхъ они привыкли видѣть. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съверной части Англіи несчастнаго кавказца могли-бы такимъ образомъ замучить до полусмерти. Еще не такъ давно двое всадниковъ, проѣзжавшихъ черезъ одну англійскую деревню, были заброшаны большими каменями. Возможность подобныхъ случаевъ въ нашей родной странѣ совершенно примирila меня съ напряженнымъ, постояннымъ любопытствомъ добродушныхъ кавказцевъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ нашего прибытія, появился чай и пирожки, служащіе обычнымъ первымъ угощеніемъ гостепріимнаго старшины. Здѣсь, я думаю, будетъ кстати сдѣлать краткій очеркъ этого приема, которымъ обыкновенно пользуются путешественники въ деревняхъ съверо-западнаго Кавказа.

Прежде всего они предъявляютъ старшинѣ бумагу, полученную ими отъ русскихъ властей и обязывающую его содѣйствовать имъ всѣми средствами. Собственное чувство гостепріимства заставляетъ старшину согласоваться съ этой бумагой въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, что ставить путешественниковъ въ пріятное положеніе почетныхъ гостей. Ихъ вводятъ въ домъ, нарочно для нихъ приготовленный на время ихъ пребыванія, или-же старшина предоставляетъ имъ одну изъ комнатъ собственного своего жилища; затѣмъ, черезъ довольно значительный промежутокъ времени, весьма естественный впрочемъ, если принять во вниманіе крайне ограниченные средства старшины, появляется слуга съ огромнымъ самоваромъ, чайникомъ, сахаромъ и пирожками изъ ржаной муки, иногда очень вкусными. Чай же и бѣлый сахаръ служатъ здѣсь роскошью и составляютъ достояніе только наиболѣе зажиточныхъ людей; ку-

шпть-же ихъ въ этихъ отдаленныхъ деревняхъ нельзя, о чёмъ едва-ли нужно говорить; следовательно старшину, предлагающего своимъ гостямъ чай и бѣлый сахаръ, можно сравнить съ англичаниномъ, достающимъ изъ своего погреба самое лучшее, дорогое шампанское.

Старшина обыкновенно присутствуетъ при чаепитіи стоя, такъ какъ восточное понятіе о приличії заставляетъ его уклоняться отъ предложения сѣсть, пока его не усадятъ насильно. По окончаніи чая, хозяинъ немедленно скрывается, появляясь вскорѣ снова въ качествѣ посторонняго зрителя. Затѣмъ наступаетъ значительная пауза, въ теченіи которой путешественники записываютъ свои впечатлѣнія, чистятъ свое оружіе, разсуждаютъ о предстоящемъ днѣ, бесѣдуютъ о погодѣ,—однимъ словомъ дѣлаютъ все, чтобы убить время, пока наконецъ сильный голодъ, несмотря на чай и пирожки, не возбудитъ сомнѣнія относительно того, будетъ-ли поданъ обѣдъ и не лучше ли прилечь, чтобы такимъ образомъ заглушить аппетитъ сномъ. Но лишь только путешественниками начинаетъ овладѣвать подобное отчаяніе, какъ вдругъ появляется слуга со столомъ о трехъ ножкахъ, известнымъ въ Англіи подъ названіемъ случайного (occasional), который служилъ прежде для чая и пирожковъ: поднявъ скатерть, которая покрываетъ обѣдъ, а не стелется подъ приборы, какъ это дѣлается на Западѣ, путешественники находятъ на столѣ болѣе существенную пищу, а именно: вареную баранину, разложенную на плоскихъ хлѣбахъ и какое-то подобие супа изъ той-же баранины. Голодные путешественники съ удовольствіемъ принимаются за обѣдъ, послѣ котораго ихъ слуги вмѣстѣ со слугами старшины, за здоровье господъ доѣдаются всѣ остатки. Тогда хозяинъ присыпаетъ тюфяки и одѣяла, а иногда и самъ приходитъ пожелать спокойной ночи, послѣ чего гости ложатся спать, и спать пока пхъ не разбудятъ деревенскія собаки или неизбѣжные клопы и блохи.

Послѣ почетнаго чая въ этотъ вечеръ, мы предоставили полную свободу любопытству поселянъ, которое превосходило даже любопытство жителей Безинги. Они дотрогивались до всего и обсуждали каждую вещь. Анероидъ, револьверы, часы, бинокли—все возбуждало въ нихъ живѣйшій интересъ, хотя они по всей вѣроятности видѣли

уже раньше многія изъ этихъ вещей, такъ какъ мѣстность эта по временамъ посѣщается русскими офицерами, да и сами жители деревни Чегемъ иногда отиравляются во Владикавказъ, гдѣ находится русские войска; у младшаго изъ старшинъ на перевязи висѣлъ даже маленький револьверъ. Несмотря на это, поселяне выказывали любопытство, достойное жителей средней Африки; этотъ странный народъ однако не былъ лишенъ достоинства и почти вырывалъ изъ нашихъ рукъ вещи, которыхъ мы позволяли имъ осматривать, они тѣмъ не менѣе сами не выпрашивали ничего. Въ продолженіи всего нашего путешествія по сѣверную сторону Кавказскихъ горъ, я не помню, чтобы хотя одинъ кавказецъ выпросилъ у насъ какуюнибудь вибудь вещь. Что же касается воровства, то я не допускаю, чтобы мысль объ этомъ могла придти въ голову кого нибудь изъ нихъ.

Ночью шелъ дождь, а утро было пасмурное и густой туманъ покрывалъ горы. Мы рѣшили пожертвовать день на изслѣдованіе большаго ущелья, которое въ то время подъ облачнымъ небомъ казалось еще мрачнѣе обыкновенного, и съ этой цѣлью мы отправились въ путь рано утромъ, слѣдя по едва замѣтной тропинкѣ вдоль лѣваго берега потока. Въ самомъ началѣ этого удивительного ущелья, по сѣверную его сторону, то есть вправо, возвышались известковые, совершенно отвесные утесы; слѣдующіе за ними склоны, хотя и покрыты растительностью, также были замѣчательно круты. Небольшой, но прелестный потокъ, устремляющійся вдоль основанія ущелья, бралъ свое начало изъ глетчера, находящагося у его верховья; известный подъ именемъ Гильки-су, потокъ этотъ давалъ свое название и ущелью, съ котораго Уокеру удалось снять фотографію нѣсколько выше деревни Чегемъ.

Мы надѣялись пройти все ущелье и добраться до глетчера, о которомъ говорили туземцы, но вскорѣ мы уѣдились, что исполнить это намѣреніе не было никакой возможности, потому что мы не увидали бы ровно ничего. по причинѣ густаго тумана, который покрывалъ горы со всѣхъ сторонъ и, спускаясь постепенно, образовалъ надъ нашими головами сплошную массу. Надѣяться же на разсѣяніе этого тумана не было ни малѣйшихъ основаній.

Пастухи и охотники проторили дорожку, подымающуюся по временамъ по отвесному склону, мѣстами-же пролегающую вдоль самаго

потока. Идя нѣкоторое время по этой тропинкѣ, мы подошли къ мосту, пересѣкающему потокъ въ замѣчательно дикомъ и красивомъ мѣстѣ.

Въ разстояніи около 50 саженъ выше моста, ущелье дѣлало поворотъ и какъ разъ у этого поворота, на лѣвомъ берегу потока, мы увидали молодую козу, пасущуюся на небольшомъ пространствѣ ровной поверхности у подошвы утесовъ.

Не будучи охотникомъ, но тѣмъ не менѣе обладая охотничимъ инстинктомъ, Павелъ перебрался на правый берегъ, значительно опередилъ козу подъ прикрытиемъ хворостника и затѣмъ снова пересѣкъ потокъ. Коза быстро повернулась и хотѣла спуститься вдоль потока, но, увидѣвъ меня на мосту, откуда я сторожилъ ее съ пистолетомъ, и не подозрѣвая того, что этимъ револьверомъ я не могу убить ее, она остановилась на минуту, взглянула на утесы лѣваго берега, недоступные даже для козы, затѣмъ осмотрѣла правый берегъ, по которому она конечно могла-бы пробраться, если бы у ней хватило храбрости пересѣчь потокъ, но странно она не рѣшилась на это, хотя вода здѣсь была довольно мелка. Тогда она попыталась проскочить между Павломъ и лѣвымъ берегомъ, но Павелъ ударилъ ее большой палкой и схватилъ за рога; коза страшно забилась, что впрочемъ нисколько не смутило мингрельца и съ помощью Петра Кнубеля, подоспѣвшаго вскорѣ, Павлу удалось удержать несчастное животное.

Даже ловкому, терпѣливому охотнику, съ хорошимъ нарѣзнымъ ружьемъ, довольно трудно убить горную козу, поймать-же ее живьемъ удается очень рѣдко, а потому нѣкоторое торжество въ данномъ случаѣ съ нашей стороны было совершенно понятно. Отвратительная погода, лишившая насть всякой возможности видѣть что либо, дѣлала безполезнымъ идти далѣе по ущелью, почему мы и рѣшили возвратиться въ деревню Чегемъ съ пойманнмъ животнымъ, которое Павелъ и Петръ Кнубель на обратномъ пути тащили поочередно. Увидавъ насколько имъ это было трудно, я не могъ не удивляться охотникамъ, которые, въ случаѣ если на ихъ долю выпадаетъ счастье убить большую козу, тащутъ эту тяжелую добычу на значительное разстояніе по весьма затруднительной и даже опасной до-

рогъ. На это конечно нужна большая сила, ловкость и привычка къ путешествіямъ въ горахъ.

Мы оставили ущелье, сильно сожалѣя о томъ, что намъ не удалось лучше изслѣдоватъ его. Хотя здѣсь и была протрена тропинка, а черезъ потокъ былъ переброшенъ мостъ, однако фактъ, что мы увидѣли козу, пасущуюся въ такой низменной мѣстности, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ рѣдко сюда проникаютъ люди. Мы сильно ошиблись, когда полагали, что жители Чегема не въ состояніи говорить болѣе, чѣмъ они говорили наканунѣ вѣромъ. Коза и ихъ удивленіе по поводу того, что намъ удалось поймать ее живою,—возвуждило ихъ страсть къ болтовнѣ, которая своей оживленностью превзошла даже вчерашнюю бесѣду, чѣмъ, понятно, было для насъ крайне утомительно, а такъ какъ каждый изъ жителей Чегема считалъ своей обязанностью освидѣтельствовать несчастное животное, то, во избѣженіе того, чтобы подобное любопытство не довело его до смерти, мы рѣшились поскорѣй покончить съ нимъ. Для этого ему перерѣзали горло, причемъ я былъ сильно пораженъ удивительно яркимъ цвѣтомъ крови и крайнею быстротою кровообращенія; изъ одной горловой артеріи кровь струилась на разстояніе болѣе 10 футовъ.

Мы очень хотѣли сохранить эту козу живою, но принимая въ разсчетъ то длинное путешествіе, которое намъ предстояло, это очевидно было невозможно. Одному изъ жителей Геби, находившемуся въ то время въ деревнѣ Чегемъ, вздумалось посмѣяться надъ нами и, когда животное уже умерло, онъ выступилъ впередъ и заявилъ, что онъ охотно-бы далъ за живую козу десять рублей, чтобы взять ее съ собою въ деревню. Послѣ того, какъ онъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за убиеніемъ бѣднаго животнаго, подобная выходка съ его стороны не могла не показаться крайне дерзкою, но мы оставили эту выходку безъ вниманія, принявъ въ соображеніе невѣжество этого лица и пожелавъ ему при этомъ скорѣйшаго просвѣщенія.

Къ вечеру появился старшій изъ трехъ братьевъ, главный старшина деревни, блестящій юноша ростомъ 6 ф. 3 или 4 дюйма, замѣчательно красивый, несмотря на рябины отъ оспы, которую были обезображены вообще многие изъ жителей Чегема. Вечеромъ мы угощались бараниной и ужинъ свой оживляли интереснымъ для насъ споромъ, который, впрочемъ, подобно большинству споровъ, оставилъ

каждаго изъ споряющихъ при своемъ убѣжденіи. За четвертымъ или пятнадцатымъ вускомъ, Муръ утверждалъ, что однимъ изъ наиболѣйшихъ препятствій при путешествіяхъ въ горахъ служитъ привычка людей къ частой пицѣ; что энергіей, настойчивостью и самоотверженіемъ можно значительно побѣдить эту привычку и наконецъ достигнуть того, чтобы на время путешествія по глетчеру или по горѣ не мучиться желаніемъ поѣсть, желаніемъ иногда переходящимъ у большинства въ болѣзненную склонность. Я утверждалъ противоположное, и хотя мнѣ не удалось убѣдить Мура въ справедливости моего воззрѣнія, но, въ интересахъ горныхъ путешественниковъ, я долженъ сказать, что бывшій секретарь Альпійскаго клуба до сихъ поръ еще не примѣнилъ своей теоріи къ практикѣ и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою лицъ, довольствующихся проповѣдью о нравственности только на словахъ.

Въ теченіи вечера у насъ завязался интересный разговоръ съ однамъ веселымъ и интеллигентнымъ кавказцемъ, который путешествовалъ, подобно намъ, и только по пути зашелъ въ деревню Чегемъ. Прежде всего онъ спросилъ насъ, не можемъ-ли мы ему объяснить, кому должны быть приписаны необыкновенные ступеньки, высѣченныя въ скалахъ, и пещеры, частью искусственные, находящіяся, по слухамъ, въ окрестностяхъ. Предки жителей Чегема, по его мнѣнію, не могли сдѣлать ничего подобнаго, а потому эти пещеры слѣдуетъ считать дѣломъ рукъ народа, населявшаго эту страну раньше. «Не можете-ли вы, люди болѣе меня ученые, сказать мнѣ, что это былъ за народъ?» Выслушавъ наше по возможности краткое описание доисторического человѣка, онъ сталъ разспрашивать насъ о нашемъ путешествіи, и положеніи страны и т. д.

Изъ русскихъ мы только и встрѣтили двухъ молодыхъ офицеровъ, прибывшихъ изъ Пятигорска, съ цѣлью присоединиться къ нашей экспедиціи, одного полковника, проѣзжавшаго случайно черезъ Учъ-Куланъ, и одного бѣдняка писаря, мѣстного старшины. Насколько я могу судить, то поселяне совершенно предоставлены себѣ, и жизнь ихъ почти не отличается отъ жизни ихъ предковъ, въ чемъ имъ никто не препятствуетъ. Подати, налагаемыя на нихъ, весьма легки; они обязаны платить только подворную подать, которая такъ незначительна, что никого не можетъ обременять. Они должны

также слѣдить за содержаніемъ въ порядкѣ путей, но это послѣднее было-бы по всей вѣроятности обязательно для нихъ и при другихъ обстоятельствахъ. Что касается различія вѣроученій, то я не думаю, чтобы оно имѣло въ данномъ случаѣ какоенибудь вліяніе. Въ каждой деревнѣ есть свой священникъ, который въ извѣстное время читаетъ молитвы, причемъ жители однако никогда не присутствуютъ, хотя въ этомъ отношеніи имъ предоставлена полная свобода.

Греческая церковь не преслѣдуетъ прозелитовъ, и если она и имѣетъ своихъ миссионеровъ въ сѣверныхъ долинахъ, то люди эти своей ловкостью и умѣньемъ принародовитъся къ туземцамъ, превосходить даже знаменитыхъ миссионеровъ римско-католической церкви.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Путь изъ деревни Чегемъ въ долину Баксана. Аль- пійскіе и Кавказскіе виды.

Отправление изъ Чегема.—Положение гостей старшины на Кавказѣ. — Характеръ страны за долиною Чегемъ. — Сравненіе альпійскихъ видовъ съ кавказскими. — Ферма. — Любопытные путешественники. — Вершина прохода. — Никъ Коанта-Гленъ. — Долина Баксана. — Деревня Осроково. — Затрудненіе относительно приобрѣтенія пищи и помѣщенія. — Краснорѣчие жителя Геби.

На слѣдующее утро (21 іюля), воспользовавшись нѣкоторыми, хотя довольно слабыми, предзнаменованіями хорошей погоды, мы встали почти съ разсвѣтомъ и распостились съ любезными старшинами, заплативъ имъ при этомъ за ихъ угощеніе. По магометанскимъ обычаямъ, старшина деревни предлагаетъ помѣщеніе и пищу путешественнику даромъ; онъ обязанъ быть другомъ и гостепріимнымъ хозяиномъ и не долженъ требовать вознагражденія за содержаніе путешественника, который имѣеть полную возможность удалиться, не заплативъ старшинѣ ни копѣйки. Не желая оставлять старшинъ въ убыткѣ, мы съ своей стороны, принявъ въ соображеніе все, что они могли потратить на насть, платили имъ обыкновенно сумму нѣсколько превышающую общей итогъ. При получении денегъ, старшины выказывали нѣкоторое смущеніе и убѣждали насть, что плата совершенно не нужна; мы же, съ своей стороны, уверяли, что они сдѣлаютъ намъ долгое, если возьмутъ предлагаемую плату, послѣ чего деньги брались и прятались въ карманъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Мне казалось, что старшины обыкновенно разсчитывали на какое нибудь вознагражденіе, да и едва-ли могло быть иначе: ради чего эти люди стали бы даромъ снабжать всѣмъ совершенно чуждаго имъ иностранца? Но я не думаю однакожъ, чтобы деньги всегда были для нихъ всего желательнѣе; весьма вѣроятно, что какой нибудь, возбудившій ихъ вниманіе, хотя и не особенно цѣнныи подарокъ, удовлетворилъ бы ихъ гораздо

болѣе. Не имѣя съ собою ничего подобнаго, мы постоянно расплачивались деньгами. Оставивъ деревню, мы должны были направиться по долинѣ Чегемъ, не лишенной извѣстной красоты, по крайне однобразной, вслѣдствіе отсутствія деревьевъ, характеризующаго вообще сѣверный Кавказъ. Въ разстояніи двухъ или трехъ часовъ отъ деревни, эта долина соединяется съ другой болѣшой долиною; здѣсь мы повернули къ с. з. и очутились въ дикой обширной мѣстности, показавшейся намъ чрезвычайно странной: къ югу поднималась стѣна известковыхъ утесовъ; къ сѣверу простирались обширные покатые склоны, покрытые травою; далѣе виднѣлись громадные, возвышающіеся надъ мрачными долинами, кряжи, украшенные зеленою пеленою, разстилавшейся отъ подошвы до самой вершины. Однообразіе въ цвѣтѣ и отсутствіе особенной красоты въ очертаніяхъ не мѣшали однако же этимъ дикимъ травянистымъ склонамъ казаться величественными и обладать своеобразностью, которая отличала ихъ отъ всѣхъ горныхъ странъ, извѣстныхъ англичанамъ. Умъ естественно требуетъ сравненія, и мы во все время путешествія по Кавказу старались сравнивать видѣнное тамъ съ Альпами для того только, чтобы несходство горъ и долинъ Кавказа съ горами и долинами, по которымъ намъ приходилось путешествовать такъ часто прежде, было бы для насъ ощущительне. Кавказъ дѣйствительно не похожъ на Швейцарію. Независимо отъ большей или меньшей красоты, кавказскія горы настолько же отличаются отъ Альпійской цѣпи, насколько кавказскіе охотники и пастухи отличаются отъ поселянъ провинцій Валліса и Оберланда.

Но которая-же изъ странъ красивѣе—Кавказъ или Швейцарія? Которая изъ нихъ величественнѣе и оставляетъ болѣе сплошное впечатлѣніе? Одна страна, отличающаяся отъ другой, должна-же наконецъ превосходить ее или уступать ей въ красотѣ; горы же имѣютъ между собой такъ много общаго, что сравненіе между ними всегда возможно. И такъ Кавказу или Швейцаріи нужно отдать предпочтѣніе? Эти вопросы естественно занимаютъ каждого путешествующаго въ горахъ. Но прежде чѣмъ попытаться отвѣтить на нихъ, я хочу указать на трудность судить даже о произведеніяхъ руки человѣка.

Венера Милосская считалась однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ образцовъ лучшаго периода греческаго искусства. Критики осматри-

вали ее самимъ тщательнымъ образомъ, спорили, восхищались ею, объясняли ее толпѣ, пытались определить точное положеніе недостающихъ рукъ. Казалось, она была оѣнена до малѣйшихъ подробностей. И что же вышло? когда статуя была обратно привезена въ Лувръ, послѣ осады Парижа, во время которой она была скрыта вдругъ нашли, что, благодаря неловкости и несообразительности людей, ставившихъ статую въ первый разъ по доставленію ее во Францію, два куска мрамора, изъ которыхъ она состояла, были сдвинуты съ мѣста и соединены неправильно, что придало тѣлу выше талии совершенно неестественный поворотъ, не согласовавшійся съ намѣреніемъ скульптора. И эта ошибка не была обнаружена раньше. Критики готовы были определить положеніе недостающихъ рукъ подмѣтили самую ничтожную разницу между обѣими половинами лица, но ни одинъ изъ нихъ не указалъ на этотъ громадный, ужасный промахъ. Если подобные ошибки ускользаютъ отъ вниманія людей, наиболѣе способныхъ и компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ; если критики, высказавшіе свое мнѣніе даже относительно самыхъ мельчайшихъ линій лица, не замѣтили такого крупного недостатка:—то не служитъ-ли это очевиднымъ доказательствомъ того, насколько ничтожны и слабы вообще критические отзывы по отношенію къ изящнымъ искусствамъ и что подобные отзывы ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть того важнаго значенія, которое имъ обыкновенно придается. Безусловная правильность оѣненій произведеній искусства недоступна людямъ даже наиболѣе образованнымъ, такъ какъ и они иногда впадаютъ въ чисто ребяческія заблужденія. Имѣя такимъ образомъ основаніе не особенно довѣрять критической оѣнкѣ ограниченнѣй и сравнительно простыхъ произведеній рукъ человѣка, какое-же значеніе можемъ мы придать всякой попыткѣ отнести критически къ безконечно - величественнымъ явленіямъ природы? Стоптъ-ли пытаться оѣнивать и опредѣлять многочисленныя красоты горъ, глетчеровъ и долинъ и указывать на превосходство одной мѣстности надъ другою? Не слишкомъ-ли трудна подобная задача, да и возможна-ли? Я полагаю, что чѣмъ болѣе человѣкъ изучаетъ природу, тѣмъ слабѣе проявляется въ немъ склонность говорить положительно о превосходствѣ одной страны надъ другою. Обѣ привели на него глубокое и сильное впечатлѣніе, но онъ не въ со-

стояніи опредѣлять степеніи своего восхищенія каждою изъ нихъ, подобно тому, какъ механикъ опредѣляетъ сплу давленія пара. Если я прѣшаюсь провести параллель между сѣвернымъ Кавказомъ и Швейцаріей, то съ полнымъ сознаніемъ, что подобное сравненіе, дѣлаемое даже человѣкомъ, отличающимся рѣдкими наблюдательными способностями, не имѣетъ важнаго значенія; производимое же обыкновеннымъ путешественникомъ—оно еще менѣе значительно. Тѣ, которые интересуются кавказскими горами, въ большинствѣ случаевъ уже знаютъ Швейцарію, вслѣдствіе чего дѣлается весьма естественнымъ съ ихъ стороны вопросъ: которая изъ этихъ двухъ странъ величественнѣе и поразительнѣе; на Кавказѣ придется ли увидѣть что нибудь подобное тому, что попадается путешественнику между озеромъ Леманомъ и Ортлескимъ псициемъ; встречаются ли на Кавказѣ горы отвѣснѣе вершины Маттергорна; и красивѣе горы Юнгfrau; есть ли долины, болѣе разнообразныя и производящія болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ долины: Сасская и Анивьерская? Отлично сознавая всю некомпетентность моего сужденія, каково-бы оно ни было, я однако попытаюсь отвѣтить на всѣ приведенные вопросы. Здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ частяхъ этой книги, является необходимость говорить положительно, такъ какъ выраженіе недовѣрія, слѣдующее за каждымъ положеніемъ автора, слишкомъ скучно и утомительно для читателя.

Мы путешествовали именно по той части Кавказа, гдѣ находятся наиболѣе высокіе и величественные пики; между сѣверной стороною этой части Кавказской цѣпи и Швейцаріею можетъ быть проведена параллель, тогда какъ южную ея сторону должно сравнивать съ южными долинами Альповъ. Что касается сѣверной стороны цѣпи, то вообще слѣдуетъ сказать, что долины здѣсь въ отношеніи красоты и разнообразія уступаютъ долинамъ Швейцаріи; но, съ другой стороны, снѣжныя вершины кавказскихъ горъ величественнѣе и производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ снѣжныя вершины Альповъ. Кавказскія долины дѣйствительно часто бываютъ скучны, а временами замѣчательно некрасивы, подтвержденіемъ чему можетъ служить сдѣланное раньше описание нижней части долины Терека и долины Безпиги. Едва-ли многимъ пріятнѣе упомянутыхъ двухъ долинъ является для глаза мѣстность, по которой на значительное

пространство протекаетъ рѣка Баксанъ; также и долина рѣкъ Кубани, ниже Учъ-Кулана, отличается только своимъ объемомъ. Въ общемъ, на Кавказѣ замѣчается крайнее однообразіе въ цвѣтѣ, а иногда бѣдность очертаній; главною причиной этой скучи и однообразія сѣверного Кавказа служить отсутствіе и недостатокъ лѣсовъ. Правда, тамъ есть соснозы лѣса, но они слишкомъ малочисленны и ничтожны для такой обширной горной страны. Часто попадаются высокія горы и большія долины, совершенно обнаженные, и только попутешествовавъ по такимъ голымъ мѣстамъ, человѣкъ начинаетъ сознавать насколько горы ниже линіи глетчеровъ и снѣга своей красотой обязаны лѣсамъ, отсутствіе которыхъ производить такое мертвящее впечатлѣніе. На Кавказѣ часто склоны громадныхъ кряжей не покрыты лѣсомъ, и если кто хочетъ убѣдиться въ значеніи этого недостатка, тотъ пусть представитъ въ своемъ воображеніи самую лучшую изъ долинъ Швейцаріи безъ сосенъ, которая спускаются тамъ къ самой водѣ, простираются на большое разстояніе по склонамъ, покрываютъ узкія гряды скалъ, возвышаются на вершинахъ громадныхъ утесовъ и находятъ даже достаточно удобную для своего произрастанія почву валуновъ, скатившихся съ этихъ утесовъ. Дѣйствительно, въ Швейцаріи лѣсъ составляетъ такую существенную часть горной красоты, что едва-ли можно припомнить какой нибудь изъ Альпийскихъ видовъ, не представивъ себѣ при этомъ и тѣхъ лѣсовъ, которые опоясываютъ постоянно встрѣчающіяся горы.

Въ кавказскихъ долинахъ, часто производящихъ сильное впечатлѣніе, но обыкновенно мрачныхъ, говоря вообще, путешественникъ не найдетъ скалъ, лѣсовъ и потоковъ, представляющихъ цѣлый рядъ очаровательныхъ картинъ, подобно лучшимъ долинамъ Швейцаріи. Кавказскіе виды менѣе разнообразны, но болѣе суровы, хотя по временамъ они и бываютъ величественны. Въ Швейцаріи нѣтъ ничего подобнаго долинѣ Чегемъ; также верхняя часть долины Терека производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ любая изъ долинъ Альповъ; но что касается цвѣта, мягкости, разнообразія красоты, словомъ—всего, что такъ нравится людямъ и на что они охотно каждый годъ приезжаютъ полюбоваться, то въ этомъ отношеніи долины сѣверного Кавказа уступаютъ долинамъ Швейцаріи и, я полагаю, они

посещались бы рѣже послѣднихъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы онѣ были доступны наравнѣ съ ними.

Южная сторона Кавказской цѣли можетъ быть и представляетъ нечто другое. Мнѣ мало пришлось наблюдать ее, а потому и мнѣніе мое не можетъ быть авторитетнымъ; однако же, относительно того, что я видѣлъ, я долженъ сказать, что даже итальянскія долины Альповъ не представляютъ такой роскоши и богатства, какъ некоторые части южнаго Кавказа. Тѣ, кому пришлось побывать въ Сванетіи, называютъ эту страну раемъ,—обитаемымъ, къ сожалѣнію, демонами (что впрочемъ не имѣетъ отношенія къ нашему вопросу); а въ западной провинціи Абхазіи, подъ конецъ нашего путешествія, я наблюдалъ виды, своей красотою, по моему мнѣнію, стоящіе выше всего, что мнѣ когда либо приходилось видѣть. Удивительная растительность южныхъ склоновъ превосходитъ растительность итальянской стороны Альповъ; природа здѣсь, новидимому, работала очень усердно. Я думаю, что послѣдующіе путешественники будутъ утверждать, что долины Сванетіи и Абхазіи даже лучше долинъ по южной сторону Монь-Розы.

Огромные снѣжные пики, возвышающіеся между этими южными склонами, покрытыми роскошной растительностью и суровой сѣверной страною, величественнѣе и больше альпійскихъ снѣжныхъ вершинъ; кромѣ того, величина ихъ кажется еще значительнѣе вслѣдствіе вхъ замѣчательной крутизны, составляющей главную характеристику кавказскихъ горъ, которая въ этомъ отношеніи действительно превосходятъ Альпы. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что гора или кряжъ, считающіеся чрезвычайно отвѣсными въ Швейцаріи, представляли-бы самое обыкновенное явленіе на Кавказѣ. Отвѣсный видъ громадныхъ склоновъ кавказскихъ возвышенностей и соединяющихъ ихъ грядъ значительно прибавляетъ къ ихъ кажущейся высотѣ и свидѣтельствуетъ объ отвѣсныхъ утесахъ, которые должны представлять страшныя препятствія путешественнику, намѣревающемуся добраться до самыхъ вершинъ Кавказскихъ горъ. Правда, что склоны Эльборуса, высочайшей изъ нихъ, довольно покаты и отлоги; но что касается другихъ высокихъ пиковъ западнаго Кавказа, то всѣ они, какъ мнѣ показалось, круты и отвѣсны. Во время нашего путешествія по Кавказу, мы нашли вѣрный путь къ

одной изъ вершинъ, и именно къ Эльборусу, на который намъ и удалось подняться, а также открыли повидимому доступные пути къ двумъ другимъ горамъ Тау-Тетнульду и Тенгсоруну, возвышающимся у верховьевъ долины Уруслебевой. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что, располагая болѣе значительнымъ временемъ, можно было бы, побѣдивъ препятствія, проложить путь и ко многимъ другимъ вершинамъ, но при томъ осмотрѣ, который въ состояніи были сдѣлать мы, конечно, немыслимо было высмотрѣть дорогу по отвѣснымъ и извилистымъ утесамъ, ведущимъ къ высокимъ вершинамъ. И такъ, кавказскіе пики прежде всего замѣчательны своими крутыми и отвѣсными склонами. Ни въ какомъ случаѣ, однакоже, не слѣдуетъ смотрѣть на высокія горы только съ этой точки зрѣнія и не находить въ нихъ ничего прекраснаго, если онѣ представляются доступными человѣку, хотя въ дѣйствительности наиболѣе сильное впечатлѣніе на человѣка и производятъ горы, повидимому недоступныя, которая своими громадными препятствіями вызываютъ въ человѣкѣ всѣ усиленія съ цѣлью подняться на ихъ вершины. Безъ сомнѣнія, по-водомъ къ восхищенію служитъ отчасти большая крутизна подобныхъ горъ, ихъ поразительное несходство со всѣмъ, что попадается человѣку въ мѣстахъ низменныхъ; обыкновенный созерцатель горъ не станетъ конечно тщательно изслѣдывать покатость склоновъ утесовъ и расположение скалъ, чтобы опредѣлить возможный путь къ наиболѣе высокой вершинѣ, но тѣмъ не менѣе сильнейшее впечатлѣніе производятъ на него горы, кажущіяся недоступными даже лучшимъ изъ его товарищей, горы, которая, повидимому, на всегда должны оставаться неприкасаемыми для человѣка. Едва-ли ктонибудь изъ горныхъ путешественниковъ въ состояніи забыть свое удивленіе и восхищеніе при видѣ подобныхъ неприступныхъ вершинъ. Слѣдовательно, какъ я уже сказалъ выше, кавказскіе пики отвѣснѣе швейцарскихъ; склоны ихъ круче, вершины острѣе. По неприступности и крутизѣ, они превосходятъ Альпы, и весьма вѣроятно, что при большемъ знакомствѣ съ ними, они считались бы и величественнѣе Альповъ, какъ тѣми путешественниками, которые любятъ взбираться на горы, такъ и тѣми, которые довольствуются созерцаніемъ ихъ снизу.

Дѣйствительно-ли недоступны кавказскіе пики—объ этомъ я не

могу судить. Многіе изъ альпійскихъ пиковъ, казавшихся также неприступными, были достигнуты благодаря увѣренности иѣкоторыхъ членовъ Альпійского клуба въ томъ, что можно подняться на вершину всякой горы, если употребить на ея изслѣдованіе достаточно времени и настойчиво бороться съ препятствіями. Со временемъ окажется, подтвердитъ-ли Кавказъ это положеніе; но теперь можно наѣрное предсказать, что, во всякомъ случаѣ, для достиженія высокихъ вершинъ Кавказской цѣпи потребуются слишкомъ большія усилия и много ловкости.

Теперь я долженъ возвратиться къ тѣмъ, покрытымъ травою склонамъ, гдѣ я оставилъ моихъ товарищѣй, чтобы сдѣлать этотъ краткій и несовершенный очеркъ Кавказа въ сравненіи его съ альпійскими видами. Нашъ путь пролегалъ по обширной равнинѣ, составлявшей основаніе большой долины, въ которую мы вошли изъ долины Чегема. Мѣстность эта была дикая и печальная. Однако скотъ, пасущійся на иѣкоторыхъ изъ склоновъ горъ, нарушилъ суворость вилъ и свидѣтельствовалъ о мирныхъ человѣческихъ занятіяхъ и объ осѣдлой жизни, несмотря на кажущуюся дикость. Вскорѣ намъ представилось еще болѣе подтверждающее этотъ фактъ обстоятельство, а именно: мы подошли къ фермѣ, откуда послѣ обычной нашей борьбы съ шакалоподобными собаками показался высокій и, несмотря на свои лохмотья, статный мужчина, глава семьи; за нимъ слѣдовала куча дѣтей, какая-то женщина, должно быть жена, и двое или трое дюжихъ дѣтинъ. Всѣ были одѣты чрезвычайно грязно. Они съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, какъ будто мы свалились съ облаковъ, и предлагали намъ вопросы съ чисто кавказскимъ любопытствомъ; впрочемъ, это были очень добрые люди, которые тотчасъ же угостили насъ простѣвшей и творогомъ, не разсчитывая при этомъ, какъ мнѣ показалось, на возгражденіе; но тѣмъ не менѣе мы заплатили имъ за ихъ угощеніе. Они весьма радушно пожелали намъ доброго пути; при прощаніи собака намѣревалась схватить меня за ногу и, конечно, привела-бы въ исполненіе свое намѣреніе, если-бы, по волѣ провидѣнія, одна изъ нашихъ лошадей не лягнула-бы въ эту минуту и не отбросила-бы такимъ образомъ это злое животное. Я говорю одна изъ нашихъ лошадей, потому что хотя мы сами и путешествовали все время пѣшкомъ, но при насъ были двѣ лошади съ бага-

жемъ, которыхъ мы, вмѣстѣ съ ихъ двумя проводниками, наняли въ Кунинѣ. Послѣ некоторыхъ попытокъ обмануть насъ — что часто представляется какъ-бы необходимымъ средствомъ для лучшаго ознакомленія хозяина съ подрядчиками, проводники эти сдѣлались очень хорошими слугами; одинъ изъ нихъ доказалъ даже впослѣдствіе свою преданность намъ своимъ заявленіемъ, что готовъ сопровождать насъ за всякую плату, какую-бы мы ни соблаговолили ему назначить. Странно сказать, но это дѣйствительно было его намѣреніемъ. Въ этотъ день, однако, несмотря на то, что мы предполагали сдѣлать большой переходъ, къ нашему несчастію, проводники были въ особенно разговорчивомъ расположениі, а такъ какъ мы встрѣчали многихъ путешественниковъ, то подобная болтливость значительно задерживала насъ. Бесѣда, повторявшаяся съ каждымъ новымъ путешественникомъ, была приблизительно такого содержанія:

Путешественникъ. — Съ добрымъ утромъ. Мое вамъ почтеніе. Кто это съ вами?

Одинъ изъ нашихъ проводниковъ. — Это иностранцы; люди достойные уваженія и высокоопоставленные, путешествующіе подъ покровительствомъ русскихъ властей.

Путешественникъ. — Почему же они идутъ пѣшкомъ?

Нашъ проводникъ. — Они иностранцы и это имъ такъ нравится. Такъ принято въ ихъ странѣ. Они люди богатые и могли-бы всегда достать лошадей, если-бы только пожелали, но они не хотятъ этого.

Путешественникъ. — Это очень странно. Куда-же они направляются?

Нашъ проводникъ. — Въ Уруслеву.

Путешественникъ. — Зачѣмъ, что имъ тамъ нужно?

Проводникъ. — Не знаю.

Путешественникъ. — Я не понимаю: къ чemu они путешествуютъ пѣшкомъ?

Проводникъ. — Они легко могли-быѣхать, если-бы только захотѣли; но вы видите, что они иностранцы, и у нихъ уже принято путешествовать пѣшкомъ. Павель (со злостью вмѣшиваясь въ разговор). — Вы кажется думаете, что господамъ только и есть дѣла, что стоять здѣсь, да слушать вашу болтовню съ каждымъ встрѣчнымъ?

я вамъ говорю, ступайте и исполняйте дѣло, за которое вамъ уже заплачено, лѣнтии этикі.

Оба проводника вмѣстѣ.—Лѣнтии! Да мы такие-же хорошие люди, какъ и вы, пожалуй еще и гораздо лучше васъ (затѣмъ слѣдуетъ ссора, продолжающаяся нѣкоторое время). Подобного рода эпизоды случались съ нами не разъ, пока мы тащились по длинной и скучной дорогѣ къ вершинѣ прохода, который мы должны были пересѣчь; несмотря однакоже на эти задержки вслѣдствіе болтовни, мы во-время подошли къ холму.

Кавказцы обыкновенно предпочитаютъ болѣе частыя остановки, но, будучи въ расположениі, они свободно могутъ идти въ теченіи шести или семи часовъ, не ощущая никакой видимой потребности въ пищѣ. Я даже думаю, что въ случаѣ нужды они могли бы пропутешествовать цѣлый день безъ ъды, не особенно страдая отъ голода. Въ этомъ отношеніи они составляютъ противоположность швейцарскимъ гидамъ, изъ которыхъ самые сдержаные рѣдко бываютъ въ состояніи пройти болѣе пяти часовъ безъ пищи и питья, дѣлая не рѣдко и болѣе частыя остановки. Несмотря на то, что уже прошло добрыхъ 7 часовъ съ тѣхъ поръ какъ мы оставили девевню Чегемъ, проводники лошадей воспротивились нашей остановкѣ у вершины прохода, съ цѣлью поѣсть, на томъ основаніи, что мы нѣсколько разъ упрекали ихъ за ихъ остановки; на это мы отвѣтили, что насколько известно, хлѣбъ необходимъ для человѣка, тогда какъ въ болтовнѣ нѣть никакой потребности. Намъ удалось однако узнать ихъ мнѣніе объ этомъ предметѣ, такъ какъ разговоръ здѣсь принялъ два различныхъ направленія. Павель вышеприведеннымъ аргументомъ о пищѣ вовлекъ проводниковъ лошадей въ живую бесѣду о личныхъ своихъ достоинствахъ и о достоинствахъ нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ.

Мы-же возвратились къ прежнему нашему спору. Муръ, пораженный поведеніемъ кавказцевъ, снова принялъ защищать свой тезисъ, утверждая, что дневная ъда—это дурная только привычка, отъ которой можно освободиться посредствомъ рѣшимости и настойчивости.

Если эти люди могутъ пробыть безъ пищи въ теченіи 8 или 9 часовъ, то легко можно пріучить себя оставаться безъ ъды въ теченіи 10 или 12 часовъ, затѣмъ постепенно увеличивать эти проме-

жутки до 24 часовъ и наконецъ дойти до того, что двухъ обѣдовъ въ недѣлю будетъ совершенно достаточно для поддержанія энергіи въ человѣкѣ. Мы опровергали это положеніе тѣмъ, что въ данную минуту мы нуждались въ обѣдѣ, вечеромъ должна была явиться потребность поужинать, и что мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что подобная потребность будетъ ежедневно повторяться съ замѣчательною правильностью. Разговоръ этотъ продолжался нѣкоторое время, и въ нашу пользу говорило уже то, что мы проводили на практикѣ свою теорію, тогда какъ Муръ этого не удавалось. Я долженъ однако оговориться, что Муръ дѣйствительно могъ дѣлать значительные переходы безъ пищи и что аппетитъ его возбуждался только благодаря хорошему примѣру другихъ. Холмъ, къ которому мы подошли, былъ обозначенъ каменнымъ столбомъ, что повидимому свидѣтельствовало о значительной важности этого прохода.

Послѣдняя часть подъема была крайне скучна, но за Тау, какъ вообще Кавказцы называютъ вершину прохода или горы, видъ къ сѣверо-западу производилъ хорошее пречатлѣніе, такъ какъ отсюда частью открывалась большая долина Баксана, которая, будучи видима сверху на нѣкоторомъ разстояніи, не была лишена прелести, хотя она и показалась намъ ужасной, когда мы вошли въ нее. Едвали нужно говорить, что дождь шелъ въ теченіи дѣлого утра; къ счастью однако не было тумана и мы могли разсмотрѣть зеленѣющую мѣстность лежащую впереди, хотя высокія горы и не были видны. Спускаясь внизъ, мы обошли кругомъ вогнутый склонъ горы и вошли въ прелестную маленькую долину, ведущую въ совершенно уединенную и чрезвычайно красивую и узкую долину.

Очаровательные, покрытые травою склоны верхней части этой долины, несмотря на большую высоту и крутизну, напоминали склоны англійского парка, а маленький лѣсокъ находился какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только могъ бы пожелать его самый искусный садовникъ. Эта прелестная долина отличалась чисто кавказской уединенностью, но выѣхать съ тѣмъ была лишена кавказской скучи.

Потокъ Коанта, протекающій вдоль нея, впадаетъ въ рѣку Баксанъ, къ обширной долинѣ которой и привела насъ необходимая прогулка. Не легко встрѣтить въ горной странѣ что нибудь менѣе

привлекательное, чѣмъ эта огромная долина съ ея широкимъ, почти совершенно ровнымъ основаніемъ, покрытымъ травою; бока ея, можетъ быть и значительной высоты, казались гораздо ниже вслѣдствіе слишкомъ широкаго основанія, и не отличались ни красотой ни разнообразiemъ въ очертаніяхъ. При пасмурномъ небѣ, угрожавшемъ бурею, видъ былъ положительно отвратителенъ и еще болѣе наводилъ на насъ склону тѣмъ, что мы не знали, какой дорогою слѣдовало идти и можно ли было гдѣ нибудь по близости найти убѣжище отъ бури. Хотя намъ и сказали, что здѣсь гдѣ-то вблизи есть деревня, гдѣ мы могли бы провести ночь, но въ данную минуту наши проводники повѣдимому не знали, находится ли эта деревня вверхъ или внизъ по теченію отъ насъ, вслѣдствіе чего они только творили глупости и сами себѣ противорѣчили. Къ счастью, Муръ, по своей дальновидности, тщательно разспросилъ обо всемъ въ Чегемѣ, и, благодаря тому, что онъ узналъ, а также и некоторымъ личнымъ наблюденіямъ надъ мѣстностью, по которой мы проходили, онъ былъ въ состояніи вести кавказцевъ по ихъ собственной странѣ, совершенно правильно полагая, что деревня Осрокова, которую мы искали, должна быть ниже того мѣста долины, гдѣ мы находились. Трудно было въ данномъ случаѣ опредѣлить что нибудь съ точностью, пока мы не пришли на видъ деревни; вѣрно однако было то, что намъ предстояла скверная ночь, вслѣдствіе чего весьма понятнымъ и простительнымъ казалось то беспокойство, съ которымъ мы искали деревню Осрокова. Она находилась въ небольшомъ разстояніи. Путь къ ней пролегалъ сначала по скучнымъ, однообразнымъ лугамъ, а затѣмъ по отлогости южнаго бока долины, обозначающейся здѣсь рядомъ небольшихъ круглыхъ возвышенностей. Проходя по нимъ, мы успѣли замѣтить, что лежащіе внизу луга орошались весьма хорошоимъ искусственнымъ способомъ, чего едва ли можно было ожидать отъ мѣстности съ такимъ ничтожнымъ населеніемъ. Дѣйствительно, достойно было удивленія—откуда брались люди, которые таѣ тщательно обрабатывали землю; удивленіе наше не уменьшилось и тогда, когда мы достигли Осрокова, этой маленькой, бѣдной деревушки, лежащей нѣсколько выше южнаго склона, у входа въ небольшую долину, по которой лѣнко протекала рѣка, замѣчательно грязная вслѣдствіе вливанія въ нее всякихъ нечи-

стотъ. Дома этой деревни казались бѣднѣе всѣхъ, встрѣчаемыхъ на-
ми прежде, а жители были неопрятны и грязны, хотя между ними,
какъ и повсюду въ сѣверо-западной части Кавказа, попадались и
красивые, хорошо одѣтые молодцы. Тотчасъ послѣ нашего прибытія
вокругъ насть собралась толпа, предводительствуемая деревенскимъ
священникомъ, который повидимому превосходилъ всѣхъ въ отноше-
ніи любопытства; по кавказскому обычаю, толпа принялась за бол-
товню, пристально смотря на насть, какъ на пойманыхъ и заклю-
ченныхъ въ клѣтку звѣрей. Къ этому однако мы уже привыкли;
что-же касается наставлений Мура, то мы никакъ не могли пріу-
чить себя путешествовать безъ пищи; въ настоящее-же время намъ
очень хотѣлось найти убѣжище отъ начавшейся уже бури. Поэтому,
мы невольно смутились, когда увидѣли, что поселяне повидимому и
не намѣрены оказать намъ этой услуги. Павелъ прочелъ имъ пись-
мо русскихъ властей, заявилъ, что мы люди значительные и, что они
могутъ пострадать если не примутъ насъ какъ слѣдуетъ. Но таѣъ
какъ въ деревнѣ не было старшины и вообще никого, на чьей обя-
занности лежалъ приемъ иностранцевъ, а люди, составлявшіе толпу,
не хотѣли брать на себя никакой личной отвѣтственности, то и сло-
ва Павла не произвели никакого дѣйствія и намъ предстояло-бы
большое затрудненіе въ пріобрѣтеніи желаемаго, если-бы здѣсь не
оказался одинъ изъ энергичныхъ жителей Геби, которыхъ мы встрѣ-
чали во всѣхъ кавказскихъ деревняхъ. Я полагаю, что въ моемъ
описаніи Кавказа, я достаточно выяснилъ, насколько жигели его
склонны къ болтовнѣ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ,
житель Геби сказалъ окружающимъ его слѣдующее:

«Знайте, что это важные люди. Я знаю все относительно ихъ, по-
тому что имѣю повсюду друзей, которые сообщаютъ мнѣ что
гдѣ творится. Объ этихъ путешественникахъ слѣдуетъ позаботить-
ся; вѣдь они находятся подъ покровительствомъ русскихъ властей.
Этотъ (указывая на Мура) главный изъ нихъ, человѣкъ весьма до-
стойный. Эти два (Уокеръ и я) его подчиненные; а этотъ высокий,
(указывая на Гардинера, починявшаго въ то время дырку въ брю-
кахъ) — также начальникъ, пользующійся значительной властью. Я
совѣтую вамъ принять ихъ хорошо: они достойны этого. Кроме того,
прибавилъ житель Геби, они заплатятъ за все».

Слова жителя Геби, переведенные намъ, возбудили къ нему наше сочувствіе, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно безкорыстно, безъ всякаго побужденія на подобный рискъ. Егоувѣщаніе, а въ особенности заключительная фраза подѣйствовала на поселянъ, и послѣ вторичнаго прочтенія письма русскихъ властей, намъ былъ предоставленъ цѣлый домъ, а одинъ изъ жителей Осрокова бросился къ своему жилищу и вскорѣ возвратился оттуда съ корзиною яицъ. Получивъ плату тотчасъ-же, къ своему величайшему восторгу, онъ отправился распространять по деревнѣ новую цѣну на яйца, которая равнялась копѣйкѣ за штуку или около пятини за три яйца. Подобная цѣна безъ сомнѣнія была не велика, но она въ восемь или девять разъ превосходила обыкновенную стоимость яицъ въ деревнѣ. Результатомъ было то, что люди, объявившие за минуту, что имъ нечего предложить намъ, вдругъ вспомнили, что куры ихъ снеслись сегодня и яйца появились въ количествѣ, совершенно достаточномъ для цѣлой школы; какъ будто люди, платящіе немедленно, должны быть страшными обжорами. Долго мы не могли избавиться отъ шумной толпы, но наконецъ она разошлась и мы въ тиши прислушивались къ реву спильной бури, не производившей на насъ уже дурнаго впечатлѣнія, такъ какъ мы находились подъ кровомъ дома; но какой ужасною показалась-бы намъ эта ночь на склонѣ какого нибудь холма!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деревня Урусбіева.

Прогулка по долинѣ Баксана.—Сильный дождь.—Быстрая перемѣна погоды.—Радужный староста.—Прибытие въ деревню Урусбіеву. Хорошо вентилированный домъ.—Деревенский староста.—Его заботы о гостяхъ.—Старший и наиболѣе значительный братъ.—Кавказскій этикетъ.—Угощеніе.—Пища и способъ ея приготовлениія въ сѣверо-западной части Кавказа.—Восхожденіе на холмъ позади деревни Урусбіевой.—Долины Адуль-Су и Квирика.—Отсутствіе урусбійскихъ князей.—Сынъ и наследникъ Измапла.—Восторгъ поселянъ при видѣ карандаша.—Охотникъ, Сотаевъ Ахіа.—Восхожденіе на пикъ Тау-Сультра.—Ахіа боится снѣга.—Видъ съ вершины Тау-Сультра-Эльборусъ.—Гора Учъ-Ба, двуглавый Маттергорнъ.—Разсказъ, выдуманный сванетами.—Возвращеніе въ Урусбіеву.—Свадебная увеселенія.

Сильный дождь продолжалъ идти и на разсвѣтѣ 22 июля, но путешествіе, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, было во всякомъ случаѣ лучше пребыванія въ грязной деревнѣ Осрокова, вслѣдствіе чего мы отправились утромъ рано по скучной долинѣ, надъ которой будто открылись небесные шлюзы. Утро было не совсѣмъ приятное съ его уже знакомой намъ, но тѣмъ не менѣе отвратительной мокротою, кажущейся въ горахъ несноснѣе чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ путешествіе по горамъ въ дурную погоду крайне утомительно. Дождь, пронизываясь чрезъ верхнее платье, просачивается насквозь въ видѣ небольшихъ струекъ, которыхъ производятъ на путешественника такое впечатлѣніе, какъ будто по тѣлу его ползаютъ улитки. Кругомъ мракъ и сырость; надъ головою плотная пелена тумана; склоны горъ покрыты густыми облаками; все предметы становятся неясными, все принимаетъ сѣроватый оттѣнокъ. Если путешествіе въ горныхъ странахъ доставляетъ большое удовольствіе въ хорошую погоду, то въ дурную погоду красивыя горныя мѣстности представляются отвратительнѣе всѣхъ другихъ мѣсть.

Во время нашей прогулки по орошеннымъ лугамъ, многое свидѣтельствовало о превосходствѣ этой мѣстности въ отношеніи благо-

состоянія нацъ другими мѣстностями сѣверного Кавказа, посѣщеными нами прежде. Такъ, напримѣрь, дорога была доступна для телѣгъ и, пройдя некоторое разстояніе, мы дѣйствительно встрѣтили цѣлый караванъ двухколесныхъ телѣгъ самой грубой работы, запряженныхъ волами. Въ то время, когда мы ихъ настигли, проводники были заняты не особенно легкой работою, а именно—переправкою скота и телѣгъ черезъ шаткий мостъ, пересѣкающій мутный Баксанъ. Видя насколько хороши кавказскія дороги, мы не могли не удивляться той безпечности, съ которой жители Кавказа относились къ мостамъ. Часто рѣку приходилось переходить въ бродъ, а если гдѣ и встречались мосты, то они были сдѣланы на живую руку, какъ будто на нихъ не стоило тратить много труда.

Подобное безучастное отношеніе къ мостамъ въ странѣ, гдѣ на дороги употреблялось такъ много стараний, намъ показалось положительно непонятнымъ. Дурная погода повидимому должна была простоять по крайней мѣрѣ въ теченіи цѣлаго дня, но, несмотря на это, около полудня совершилась одна изъ тѣхъ быстрыхъ перемѣнъ, которыхъ иногда приходится наблюдать въ горныхъ мѣстностяхъ.

Дождь уменьшился и вскорѣ совсѣмъ пересталъ идти, туманъ надъ головою разсѣялся—и открылось голубое небо. Облака начали подниматься по склонамъ горъ, и черезъ полчаса послѣ того, какъ мы были окружены густой мглою, солнце уже свѣтило ярко, кряжи совершенно прояснились и мы могли видѣть большую гору у верховья долины, на значительномъ разстояніи. Это былъ замѣчательно быстрый переходъ отъ дурнаго къ хорошему; мы никогда не приходилось наблюдать, чтобы туманъ, покрывавшій горы, могъ разсѣяться въ такое короткое время. Странно и то, что хорошая погода, уставновившаяся совершенно случайно, продолжалась въ теченіи восьми дней. Какъ будто для Кавказа существуютъ особенные атмосферические законы!

Верхняя часть долины Баксана, по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ Урусбіевой, значительно улучшается. Горы по обѣ стороны становятся отвѣсныe, а самое основаніе долины—уже, вдали у верховья возвышается могучая гора Тунгсорунъ. Склоны покрыты деревьями, которые хотя и не образуютъ большихъ лѣсовъ, но все же растутъ въ количествѣ совершенно достаточномъ для того, чтобы порадовать

взоръ путешественника, утомленного однообразiemъ дикихъ склоновъ, покрытыхъ одной травою. Улучшеніе мѣстности и ясная погода дали намъ возможность разсчитывать на болѣе пріятные дни въ Урусбіевой, вслѣдствіе чего мы продолжали нашъ путь въ хорошемъ настроеніи, несмотря на то, что подъ вліяніемъ палящаго солнца, отъ насъ подымался паръ какъ отъ печеныхъ яблокъ. Недалеко отъ деревни мы встрѣтили старосту со слугою катающимся по долинѣ верхомъ на лошади. По обычаямъ народа, живущаго по верхнему Баксану, онъ обошелся съ нами чрезвычайно любезно, пожаль намъ руки и пытался привѣтствовать насъ по русски, конечно безъ малѣйшей выгоды для насъ, такъ какъ его собственный языкъ былъ намъ не менѣе понятенъ, чѣмъ русскій языкъ; который, по словамъ Павла, онъ ужасно искажалъ. Но если грамматика у него и страдала, то манеры его были хороши и говорили въ пользу того народа, съ которымъ намъ предстояло столкнуться, что впослѣдствіи и оправдалось. Вскорѣ послѣ встрѣчи съ старостою, мы пришли на видъ деревни Урусбіевой, красиво расположенной на склонахъ западной стороны долины. Позади пролегаетъ небольшая долина, изъ которой вдоль деревни къ Баксану устремляется могучій потокъ, а на противоположной сторонѣ, какъ мы вскорѣ замѣтили, открывается къ югу другая очень красивая лощина.

Вся эта картина подъ лучами яркаго солнца показалась намъ очень красивою; но известно, что красота горъ и долинъ, подобно всякой другой красотѣ, бываетъ относительна. Такъ, напримѣръ, когда Фрешфильдъ съ товарищами очутился въ Урусбіевой въ 1868 году, то вся эта мѣстность показалась имъ, если не некрасивой, то положительно скучной, такъ какъ они пришли сюда прямо изъ прелестной Сванетіи, одной изъ самыхъ очаровательныхъ странъ цѣлаго свѣта. На насъ-же верхняя часть долины произвела пріятное впечатлѣніе, потому что до этого намъ пришлось путешествовать по суровымъ и часто мрачнымъ сѣвернымъ долинамъ; естественно поэтому, что имъ должно было показаться грубымъ и безцвѣтнымъ то, что представлялось намъ разнообразнымъ и красивымъ.

Поверхность долины около Урусбіевой по преимуществу ровная и мѣстами рѣка Баксанъ занимаетъ значительную ея часть. Бока долины подымаются отвѣсно, а подъ нею царитъ громадный Тунгус-

рунъ, гора, не обладающая остроконечной формою, подобно большей части Кавказскихъ горъ, но отличающаѧ своей величиною. Нашъ путь пролегалъ вдоль восточного берега рѣки, пока мы не подошли бѣ мосту, пересѣкающему рѣку кафъ разъ противъ самой деревни и построенному прочиѣе другихъ кавказскихъ мостовъ.

Гравюра долины Верхняго Баксана и горы Тунгсоруна сдѣлана съ фотографіи, снятой съ этого моста со стороны Урусбіевой. Пройдя по замѣчательно крѣпкимъ доскамъ моста, мы направились къ домамъ, гдѣ встрѣтили кучку мѣстной аристократической молодежи, какъ впослѣдствіи узнали, увлеченную разговоромъ, который служить повидимому самымъ главнымъ занятіемъ наиболѣе состоятельныхъ кавказцевъ. Сначала они взглянули на насъ съ удивленіемъ и нѣкоторымъ недовѣремъ; но когда Павелъ объяснилъ имъ кто мы такие и прочелъ письмо русскихъ властей, то двое изъ толпы выступили впередъ, привѣтствовали насъ и указали намъ на рядомъ стоявшій домъ, который мы могли занять. Домъ этотъ, только что построенный, былъ одинъ изъ лучшихъ въ деревнѣ, но тѣмъ не менѣе, помѣстившись въ немъ, мы не могли быть вполнѣ довольными, такъ какъ зданіе имѣло значительныя неудобства. Строители повидимому предполагали украсить домъ стеклянными окнами, для чего уже были приготовлены и рамы, но стекла, къ сожалѣнію, не были еще установлены, и черезъ большія отверстія рамъ вѣтеръ проникалъ во все углы. Многіе путешественники, я думаю, согласятся со мною въ томъ, что часто бываетъ лучше провести ночь на открытомъ воздухѣ, чѣмъ въ домѣ съ огромными щелями въ стѣнѣ и, вслѣдствіе этого, съ сильнымъ сквознымъ вѣтромъ, постоянно обдающимъ спящаго человѣка. Такимъ образомъ мы были несчастливы въ наилѣпѣ величинѣ; однако же дѣло приняло наилучшій оборотъ съ появлениемъ старости, который, будучи уведомленъ, поторопился явиться; чтобы принять иностранцевъ. Это былъ молодой человѣкъ, весьма добродушный по виду и, какъ мнѣ показалось, даже едвали не испугавшійся своего положенія; мы, съ своей стороны, отнеслись къ нему очеви благосклонно, такъ какъ онъ сказалъ, что намъ не зачѣмъ останавливаться въ этомъ слишкомъ хорошо вентилированномъ домѣ, что онъ велѣль приготовить для насъ другое помѣщеніе, будучи преду-

прежде о нашемъ пребытіи достойнымъ глубокаго уваженія губернаторомъ Владивавказа.

Мы послѣдовали за старостою, въ сопровожденіи цѣлой толпы жителей деревни, въ дому, находящемуся въ разстояніи ста шаговъ отъ прежде намъ занимаемаго, гдѣ нась и помѣстіе кроткій старшина. Толпа вошла вслѣдъ за нами и поспѣшила занять наиболѣе удобныя для наблюденій мѣста, такъ какъ въ отношеніи любопытства жители Уруслбіевой проявляютъ такую-же ненасытность, какъ и другіе кавказцы.

По сѣверную сторону Кавказской цѣпи до сихъ поръ намъ не приходилось еще помѣщаться въ такомъ хорошемъ домѣ, какой мы занимали теперь. Онъ состоялъ изъ двухъ комнатъ; въ лучшей изъ нихъ помѣщалась большая низкая платформа изъ досокъ, которую едва-ли можно было назвать диваномъ, но на которой спать было конечно гораздо удобнѣе, чѣмъ на холодномъ полу. Здѣсь-же находилась кровать, достаточно обширная, чтобы помѣститься втроемъ; большою котель для кушанья—вещь безъ сомнѣнія общеупотребительная въ магометанскомъ хозяйствѣ; треножный желѣзный подсвѣчникъ и маленький столикъ. Вообще мы были окружены здѣсь болышею роскошью, чѣмъ-бы слѣдовало при путешествіи по какой мѣстности; но я не могу сказать, чтобы подобное размышеніе тяготило насъ въ то время. Староста былъ до крайности услужливъ и такъ усердно угощалъ насъ чаемъ, что на его хлопоты тяжело было смотрѣть. Мы упрашивали его присесть и закусить съ намъ, но при этомъ намъ невольно пришлось натолкнуться на вопросъ о кавказскомъ этикетѣ. Павель и староста долго переговаривались шепотомъ, что ясно доказывало, что нами былъ возбужденъ не совсѣмъ ловкій вопросъ. Хотя мы и надѣялись, что съ нашей стороны не было сдѣлано ничего такого, что бы могло оскорбить внимательнаго хозяина, тѣмъ не менѣе мы съ нетерпѣніемъ ожидали Павла, который сообщилъ намъ, что староста счелъ бы за удовольствіе посидѣть и напиться съ нами чаю, но что въ другой комнатѣ находился его старшій братъ, человѣкъ болѣе его значительный, «son plus grand frère», какъ выразился Павель, и что, не нарушившися семейныхъ обычаевъ, онъ не могъ сѣсть и начать ёсть или пить прежде, чѣмъ будетъ предложено мѣсто его брату. Старшій братъ былъ красивый,

хорошо одѣтый молодой человѣкъ, на котораго мы при входѣ въ деревню обратили внимание какъ на выдающагося изъ толпы бесѣдовавшихъ. Онъ встрѣтился съ нами довольно любезно, и, послѣ привычныхъ ему пирожковъ и чаю, мы предложили ему сигару, которую онъ, повидимому, выкурилъ безъ малѣйшаго наслажденія, по тѣмъ не менѣе остался весьма доволенъ и оказанной его положенію почестью, и самой сигарою, какъ вещью необыкновенной. Послѣ того какъ онъ усѣлся, позади него помѣстился и староста. Послѣ такого строгаго этикета, наскѣко не могло не удивить, когда нѣсколько позже вечеромъ мы увидали старшаго брата сидящимъ рядомъ со своимъ собственнымъ слугою и играющимъ съ нимъ въ карты въ весьма оживленную и интересную повидимому игру. Забавнымъ противорѣчіемъ казалось, что въ странѣ, гдѣ существуютъ такія строгія общественныя правила, что младшій братъ не можетъ сѣсть прежде старшаго брата, въ этой-же странѣ аристократъ играетъ въ карты съ своимъ слугою, повидимому безъ всяаго униженія своего достоинства; но фактъ на лицо. Впрочемъ, я полагаю, что обычай всѣхъ вообще странъ могутъ привести въ замѣшательство иностранца.

Гостепріимство молодой староста понималъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Послѣ чаю и пирожковъ появилось значительное количество прелестной баранины, которую мы приняли за обѣдъ, но которая была, какъ оказалось впослѣдствіи, только закускою, предназначеннай приготовить гостей къ цѣлой массѣ варенаго мяса, поданнаго на столъ нѣсколько позже. Я обратилъ особенное вниманіе на этотъ обычай подавать передъ обѣдомъ закуску, потому что такой же обычай существовалъ нѣкогда и въ Англіи, гдѣ закуска подавалась гостямъ за часъ или за два до обѣда, для возбужденія аппетита.

Отличаясь нѣкоторыми особенностями, пища путешественника хотя и имѣетъ довольно важное значеніе для него самого, тѣмъ не менѣе не представляетъ ни малѣйшаго интереса для читателя и нѣкоторыя описанія путешествій въ Альпахъ заслуживаютъ упрека за излишнюю умилительность, съ которой ихъ авторы сообщаютъ о томъ, какъ они ёли по три раза въ день, какъ будто этотъ фактъ представлялъ что нибудь необыкновенное. Но какъ даже самый краткій очеркъ народа, населяющаго съверо-западный Кавказъ, былъ-

бы не полонъ безъ описанія его способа стряпни, то я и считаю себя въ правѣ воспользоваться случаемъ, чтобы поговорить о способѣ приготовленія кушаній на Кавказѣ; къ счастью, описание это потребуетъ немного времени и мѣста.

Во всей странѣ большіе, круглые, плоскіе хлѣбы пекутся изъ ячменной или пшеничной муки, повидимому не очищенный отъ мякины. Хлѣбы эти и пирожки хотя и темнаго цвѣта, однако вовсе не похожи на альпійскій черный хлѣбъ; въ большинствѣ случаевъ они очень вкусны, но, къ сожалѣнію, страшно неудобоваримы, такъ какъ они рѣдко пропекаются насквозь и въ срединѣ почти всегда остается слой сыраго тѣста. Но, путешествуя по дикой мѣстности, нельзя и ожидать, чтобы все вполнѣ удовлетворяло потребностямъ человѣка, и если хлѣбъ вкусенъ, то едва-ли можно разсчитывать на то, что онъ и удобоваримъ. Поэтому, конечно лучше, если человѣкъ будетъ употреблять его только тогда, когда онъ действительно голоденъ, да и то въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Здѣсь существуетъ еще и другой сортъ хлѣба, приготовляемаго изъ лучшей просѣянной муки, хорошо выпеченный и не оставляющій желать ничего лучшаго, но по причинѣ дороговизны его приготовленія подобный хлѣбъ пѣчется рѣдко и предлагается путешественникамъ въ знакъ особенной почести. Переходя къ другому роду пищи, я долженъ сказать, что баранина—это единственное мясо, на которое можетъ разсчитывать путешественникъ лѣтомъ. Встрѣчая огромныя стада, меня конечно поражалъ подобный фактъ, и я спросилъ одного изъ старшинъ Урусбіевой, отчего народъ постоянно бѣтъ овецъ и никогда не бѣтъ быковъ, на что онъ мнѣ далъ самый простой отвѣтъ, который не трудно было угадать при небольшомъ запасѣ сообразительности. Онъ сказалъ: «Если бы человѣкъ убилъ быка лѣтомъ, то значительная часть его мяса испортилась бы прежде, чѣмъ онъ съ своей семьею успѣли-бы сѣсть его, чего однако не можетъ случиться съ бараномъ, такъ какъ послѣдній гораздо меныше. Зимою мясо быка можно сохранять болѣе продолжительное время,—вотъ почему мы пѣдимъ лѣтомъ баранину, а зимою говядину». Отвѣтъ указывалъ на крайне простую и латріархальную жизнь кавказцевъ. Здѣсь каждое семейство кормится своими собственными стадами; по-

этому повидимому никому не приходитъ на мысль, что, убивая быка, можно болѣе или менѣе значительную его часть продатьсосѣду.

Баранина здѣсь очень хороша. Овцы по величинѣ превосходятъ валлійскихъ овецъ, хотя и уступаютъ обыкновенной англійской породѣ. Шкуры ихъ отличаются короткой кудрявой шерстью, чаще черной или сѣрою; въ Англіи шкурки эти извѣстны подъ названіемъ дешеваго астраханскаго барашка. У кавказцевъ не принято развѣшивать мяса; убивъ барана, они сдираютъ съ него шкуру, замѣчательно быстро разрѣзаютъ его на части и тотчасъ-же варятъ. Существуетъ преданіе, что мясо, употребляемое въ пищу еще не застывшимъ, гораздо нѣжнѣе, чѣмъ вполнѣ подтверждено и нашъ личный опытъ, такъ какъ баранина, приготовленная такимъ образомъ, никогда не была жестка. Что касается способа приготовленія мяса, то туземцы почти всегда варятъ его. Въ Урусбіевой была опытная стряпуха (должно быть княгиня), которая умѣла дѣлать даже пироги и паштеты (*rissoles*), но за этимъ исключеніемъ, во всѣхъ деревняхъ, квака представляла единственный способъ приготовленія мяса. Изъ воды, въ которой варились мясо, туземы дѣлаютъ отличный супъ; для вкуса они прибавляютъ въ него особаго рода крѣпкій лукъ.

Желая оказать намъ особенную почесть, они жарили мясо. Во время путешествія, когда невозможно было захватить съ собою котелка, они искусно поджаривали мясо надъ костромъ; въ деревняхъ же, предоставленные сами себѣ, они только варили мясо, за исключениемъ стряпухи въ деревнѣ Урусбіевой, какъ я уже сказалъ выше.

Мясо, полуబѣлый хлѣбъ и особый родъ сыра составляютъ главную основу пищи кавказцевъ, больше всего они потребляютъ мяса, и, по всей вѣroятности, вслѣдствіе этого преобладанія мясной пищи, почти всѣ кавказцы отличаются тонкимъ и стройнымъ станомъ, на которомъ таѣжъ красиво сидитъ туземная одежда. Сначала меня поразило почти полное отсутствіе на Кавказѣ жирныхъ людей; но когда я ознакомился съ образомъ кавказской жизни, удивленіе мое исчезло. Въ деревняхъ, кромѣ уже указанного, можно было найти куръ и яица, которыхъ конечно также употреблялись туземцами. Картофель мы видѣли въ небольшомъ количествѣ только около Урусбіевой. О сладкой пищѣ или лакомствахъ они повидимому вовсе не

имѣютъ понятія. Болѣе богатые изъ нихъ пьютъ чай съ сахаромъ, который считается особенной роскошью.

Алкоголь не употребляется здѣсь ни въ какомъ видѣ. Въ Урусбіевой, правда, былъ какой-то напитокъ, называемый пивомъ, но этотъ страшно кислый дебоктъ, вкусомъ не имѣющій ничего общаго съ пивомъ, по моему мнѣнію, вовсе не содержитъ въ себѣ алкоголя. Въ Учъ-Куланѣ староста также угостилъ насъ въ знакъ особой почести пивомъ, которое было значительно лучше и можетъ быть содержало въ себѣ самый ничтожный процентъ алкоголя; но за этими двумя исключеніями намъ нигдѣ на сѣверѣ Кавказа не приходилось болѣе встрѣчать хотя въ слабой степени алкогольического напитка, и я полагаю, что жители большей части кавказскихъ деревень настолько незнакомы со вкусомъ спиртуозныхъ напитковъ, насколько англичане употребляютъ ихъ въ излишествѣ. Въ этомъ отношеніи кавказцы слѣдуютъ наставленіямъ своего пророка, потому-ли что запрещенное недоступно, или же изъ чисто религіознаго чувства—этого мы никакъ не могли узнать. Повсемѣстнымъ питьемъ въ сѣверныхъ долинахъ служитъ простокваша, смѣшанная съ водою. Свѣжее молоко рѣдко употребляется туземцами. Чтобы молоко створожилось, они кладутъ въ него ранетъ (rennet), и затѣмъ, когда оно скиснетъ, они прибавляютъ воды, размѣшивая эту смѣесь, пока она не сдѣлается совсѣмъ жидкую. Получаемое такимъ образомъ питье сохраняется, подобно вину, въ бурдюкахъ и употребляется кавказцами во время єды. Вначалѣ, питье это кажется отвратительнымъ, но затѣмъ оно постепенно начинаетъ нравиться, и всѣ мы конечно кончили тѣмъ, что стали нахдить прелестнымъ напиткомъ, отъ которого прежде насъ чуть не тошило. Я не знаю напитка, который лучше бы утолялъ страшную жажду, послѣ продолжительной прогулки въ жаркій день. Напитокъ этотъ, по нашему общему убѣждѣнію, очень полезенъ, потому что онъ значительно удобоваримѣе прѣснаго молока; а такъ какъ приготовить его очень легко, то я бысовѣтывалъ употреблять его въ жаркую погоду людямъ, которые убѣдились въ томъ, что употребленіе напитковъ, не содержащихъ алкоголя, гораздо полезнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется болѣе или менѣе продолжительное поддержаніе физическихъ силъ.

Приготовленіе особаго сыра, представляющаго по составу нечто

среднее между желтымъ и сливочнымъ масломъ, сильно распространено на Кавказѣ. Сыръ этотъ почти безвкусенъ и долженъ употребляться иностранцамъ съ крайнею осторожностью, такъ какъ съ не-привычки онъ можетъ оказать дурное дѣйствіе. Наѣвшись этого сыру съ нижней недопеченою частью полубѣлого хлѣба, путешественникъ легко можетъ захворать; если же этого не случится, то онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что пищевареніе его настолько хорошо, что весьма немногое можетъ повредить ему.

Итакъ мы видимъ, что сахаръ и алкоголь, предметы первой необходимости у цивилизованного человѣка, вовсе не входятъ въ составъ пищи кавказцевъ, которые повидимому отлично обходятся безъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, народъ этотъ замѣчательно красивъ, отличается хорошимъ здоровьемъ; и хотя страшно лѣнивъ, но, при некоторомъ усилии надъ собою, способенъ на большой и продолжительный трудъ. Къ этому я долженъ прибавить, что кавказцы єдятъ весьма умѣренно (ничто ихъ таѣ не удивляло какъ нашъ аппетитъ),—и что хотя они и отличаются отъ дикихъ народовъ, но они сохранили способность этихъ послѣднихъ совершать большие переходы безъ пищи. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи намъ пришлось наблюдать подъ конецъ нашего путешествія.

Такимъ образомъ, путешественникъ какъ видно чувствуетъ себя хорошо въ кавказской деревнѣ. Полубѣлый хлѣбъ, отличная баранина, иногда куры и яйца, а также чай съ пирожками—представляютъ настолько хорошую пищу, насколько только можно желать и на которую едвали путешественникъ имѣеть право разсчитывать въ средѣ первобытныхъ народовъ. Значительное затрудненіе однако является въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется запасъ провизіи на два или на три дня, для путешествія въ горахъ или въ какой мѣстности, где нѣть деревень. Вслѣдствіе ротозѣйства и безопасности ту-земцевъ, очень трудно заставить ихъ приготовить необходимый запасъ пищи, въ особенности же напечь достаточное количество хлѣба. Наѣщаются всего, а ко времени, когда по условію все должно быть уже готово, появляется только четверть или треть необходимаго количества. Посредствомъ убѣжденія и угрозы удается наконецъ получить требуемое, но это тѣмъ не менѣе очень непріятно и утомительно.

На следующее утро солнце во всемъ блескѣ свѣтило надъ Урусбіевой; до полудня намъ удалось подняться на пригорокъ, возвышающійся за деревнею, откуда видна была долина Адуль-Су, лежащая къ юго-востоку отъ Урусбіевой. По западную сторону этой долины поднимаются двѣ отвесныя сиѣжныя вершины, а у верховья ея находится высокій скалистый кряжъ, подобный большинству кавказскихъ кряжей. Нѣсколько выше деревни Урусбіевой, къ сѣверу или, точнѣе, къ сѣверо-западу отъ долины Баксана, соединяются двѣ небольшія долины, изъ которыхъ одна ведетъ къ глетчеру, находящемуся у подошвы горы Тау-Сультра, тогда какъ другая составляетъ узкую оконечность долины Квирика, по которой намъ пришлось проходить вночьдствіи на пути къ деревнѣ Учъ-Кулаву. Такимъ образомъ деревня Урусбіева расположена какъ разъ вблизи того мѣста, где двѣ значительныя долины соединяются съ долиною Баксана. Изъ нихъ долина Квирика своимъ однообразiemъ наводитъ скучу и уныніе на путешественника; долина-же Адуль-Су замѣчательно красива; въ послѣдней между прочимъ сохранился еще большой лѣсъ, который однакожъ поселяне безжалостно вырубаютъ. Гдѣ находился лѣсъ князя Измаила и былъ-ли онъ дѣйствительно конфискованъ, или-же въ немъ только была ограничена вырубка деревь,—мы такъ и не могли узнать; вѣрно однакоже то, что самъ князь и два его брата находились въ отсутствіи изъ деревни Урусбіевой по какому-то важному дѣлу, касающемуся ихъ собственности. Одного изъ братьевъ намъ удалось увидѣть, подъ конецъ нашего пребыванія въ деревнѣ; Измашъ-же не возвращался, вслѣдствіе чего мы лишились возможности познакомиться съ самымъ знаменитымъ человѣкомъ Урусбіевой, который оказалъ такой радушный пріемъ Фрешфильду съ товарищами въ 1868 году. Староста, встрѣтившій насъ, былъ родственникомъ Измаила, но принадлежалъ къ менѣе знатному роду.

Какъ я уже сказалъ, намъ не удалось выяснить себѣ вопроса, возникшаго между русскими властями и князьями Урусбіевой, хотя мы и знали, что вопросъ этотъ имѣлъ важное значеніе. Не зная совершенно въ чёмъ дѣло, съ моей стороны конечно было бы большой дерзостью обвинять русскихъ въ несправедливости; но, принимая въ разсчетъ гостепріимство Измаила и его братьевъ по отношенію къ

англійскимъ путешественникамъ въ 1868 году, и много наслышавшись о нихъ въ ихъ собственной деревнѣ, я считаю себя въправѣ выразить надежду, что строгія мѣры не могли быть приняты относительно такихъ любезныхъ, щедрыхъ и всѣми уважаемыхъ людей, какъ князья деревни Урусбіевой.

Въ деревнѣ однако находился и представитель главнаго рода — прелестный юноша пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, — старшій сынъ и наследникъ Измаила. Пріятно и любопытно было видѣть, какъ ясно этотъ мальчикъ сознавалъ, что, во время отсутствія отца, на немъ лежала обязанность оказывать возможное вниманіе иностранцамъ, которые, будь самъ Измаилъ дома, по всей вѣроятности, были бы его гостями. «Сударь», сказалъ онъ однажды Муру, когда послѣдній заговорилъ о путешествіи позъ Урусбіево въ Учъ-Куланъ, «если-бы мой отецъ былъ здѣсь, то онъ не только-бы счелъ за честь принять васъ въ своеи домѣ, но и проводилъ бы васъ до Учъ-Кулана». Можетъ быть онъ и преувеличивалъ любезность своего отца, такъ какъ самый внимательный и гостепріимный хозяинъ сдавали пошелъ-бы провожать своихъ гостей на разстояніе трехдневнаго путешествія, но тѣмъ не менѣе слова его были совершенно искренни, если и не были лишены юношеской восторженности. Мальчикъ этотъ воспитывался въ русской школѣ, вслѣдствіе чего весьма естественно старался подражать одеждѣ и обычаямъ побѣдителей, хотя въ немъ и сохранились нѣкоторыя лучшія черты національнаго характера, и такимъ образомъ онъ былъ очаровательнымъ представителемъ Урусбіевой, самымъ образованнымъ и привѣтливымъ позъ жителей съверо-западнаго Кавказа.

Послѣ того какъ намъ удалось подняться на упомянутый пригорокъ и спуститься съ него, мы посвятили остальную часть дня на отдохновеніе, которое особенно пріятно въ солнечный день, наступившій послѣ спльныхъ продолжительныхъ дождей.

Деревня Урусбіева, лежащая въ разстояніѣ двухдневнаго шуты отъ Пятигорска, извѣстна своимъ водамп, по временамъ посѣщается русскими; но жители этой деревни въ отношеніи любопытства никакъ не уступаютъ жителямъ болѣе уединенныхъ долинъ. Наше лѣпивое настроеніе следовательно было имъ по душѣ, такъ какъ оно дало имъ возможность дѣлать надъ пами продолжи-

тельныя наблюденія. Слѣдующій случай весьма характеристиченъ въ этомъ отношеніи. Во всѣхъ кавказскихъ деревняхъ имѣюгъ понятіе о письмѣ, въ Урусбіевой-же нѣкоторые даже умѣли писать хорошо и скоро. Около полудня деревенскій староста принялъся писать письмо въ занимаемомъ нами помѣщеніи, а я присѣлъ на скамеечку около дома, съ цѣлью набросать нѣкоторыя впечатленія въ моей записной книжкѣ. Меня тотчасъ-же окружили поселяне; даже и тѣ, которые слѣдили за Гарднеромъ и Угеромъ, услышавъ о томъ, что происходитъ въ домѣ, вышли посмотретьъ, причемъ они выказали любопытство вполнѣ достойное жителей Патагоніи. Однѣ изъ нихъ, подъ предлогомъ переворачивать листы, усѣлся рядомъ со мною и помѣстилъ свою голову между мною и книжкою, двое склонились надъ моя плечомъ, остальные-же такъ плотно столпились около меня, что я, наконецъ, долженъ былъ бросить занятіе и уйти, послѣ чего они еще бесѣдовали около часа. Положимъ, что карандашъ могъ показаться имъ новостью, но тѣмъ не менѣе развѣ не странно, что они слѣдили съ такимъ мелочнымъ любопытствомъ за моими записываніями, тогда какъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня ихъ собственный деревенскій староста писалъ письма.

Съ холма на который мы поднимались, мы видѣли къ сѣверу пикъ съ вершиной которого должна была открываться значительная часть главной Кавказской цѣпи и Эльборусъ. На слѣдующій день мы рѣшили подняться на этотъ пикъ, нимало не сомнѣваясь въ возможности добраться до него, безъ посторонней помощи; но, староста, узнавъ о нашемъ намѣреніи, съ обычной, даже надоѣдливой любезностью настаивалъ на томъ, чтобы мы взяли съ собою охотника Сотаева Axia, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Этотъ замѣчательный охотникъ деревни Урусбіевой, по всей вѣроятности, болѣе всѣхъ другихъ успѣлъ ознакомиться съ окружающими долинами и горами. Относительно того, что находится за сѣнью горной линіею, свѣдѣнія его весьма ничтожны, что свойственно всѣмъ, вообще кавказцамъ, такъ какъ они рѣдко переступаютъ сѣнную линію, исключая тѣхъ случаевъ, когда имъ приходится переходить по проходамъ.

По причинѣ весьма рѣдкой охоты, дичь на Кавказѣ далеко не

такъ запугана, какъ въ Швейцарії, а потому для преслѣдованія ея вовсе не нужно особенно удаляться или взбираться слишкомъ высоко. Чтобы быть здѣсь хорошимъ охотникомъ, требуется, — конечно кромѣ умѣнья держать прямо ружье, что необходимо для каждого охотника, — болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о нижнихъ склонахъ горъ, способность къ быстрымъ переходамъ въ горахъ и почти ястребиный глазъ. Axia обладаетъ этими качествами въ высшей степени. Я уже говорилъ, что онъ отлично зналъ мѣстность. Скоро намъ пришлось узнать и его способность къ быстрымъ переходамъ, въ чемъ Фрешфильдъ убѣдился еще въ 1868 году. Худощавый, крѣпкій и сильный, онъ повидимому совершенно свободно поднимался по склонамъ горъ, тогда какъ въ дѣйствительности путь его былъ настолько труденъ, что обыкновенный человѣкъ едвали въ состояніи былъ-бы слѣдоватъ за нимъ; онъ-же, въ случаѣ нужды, не убравляя шага, могъ совершать довольно большой переходъ. Зрѣніе его было поразительно: онъ могъ отличать козу между скалами одного съ нею цѣнта на такомъ разстояніи, что когда онъ самъ достигъ того мѣста, гдѣ находилась коза, то некоторые изъ насъ не въ состояніи были видѣть его, несмотря на его темную одежду; такимъ образомъ онъ видѣлъ насъ на Эльборусѣ съ разстояніемъ, которое я считалъ положительно недоступнымъ для невооруженного глаза. Онъ пріобрѣлъ понятное отвращеніе къ снѣгу послѣ восхожденія съ Фрешфильдомъ и его товарищами на восточные пики Эльборуса въ 1868 году, такъ какъ, не имѣя очковъ, ему послѣ этого путешествія не мало пришлось страдать глазами.

Къ поднятію на высокія горы онъ, повидимому, не былъ способенъ; но какъ охотникъ, онъ не имѣлъ себѣ соперника въ этой мѣстности, и тѣмъ, кто отправляется въ Урусліеву исключительно для охоты, непремѣнно слѣдовало-бы приглашать его съ собою. Я не скажу, чтобы его можно было считать хорошимъ сотоварщицемъ, такъ какъ онъ, подобно старшинамъ, требуетъ слишкомъ большаго вниманія къ себѣ со стороны путешественниковъ, съ тою впрочемъ громадною разницей, что онъ кромѣ того получаетъ плату, которой не полагается старшинамъ.

Этотъ знаменитый охотникъ, привѣтствовавшій Мура какъ своего старого друга, долженъ былъ сдѣлаться нашимъ проводникомъ

къ вершинѣ Тау-Сультра, для восхожденія на которую мы встали въ пятницу, 24 юля, около двухъ часовъ пополunoчи; нѣсколько позже трехъ часовъ, мы уже отправились въ путь, но Axia еще не появлялся; пройдя деревню, погруженную въ мертвый сонъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ вѣчно бодрствующихъ собакъ, мы подошли къ склонамъ, возвышающимся къ западу отъ деревни и вскорѣ очутились въ наиболѣе западной пзъ двухъ долинъ, соединяющихся выше Урусбіевой. Стѣдя путемъ, пролегавшемъ по сосновому лѣсу, на разсвѣтѣ дня на насъ напалъ припадокъ лѣни, не представляющей ничего необыкновенного для человѣка, который долженъ путешествовать въ то время, когда онъ привыкъ спать. Такимъ образомъ мы шли въ состояніи полного сонного равнодушия, которое могло бы конечно испортить весь этотъ день, подобно тому какъ небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ въ началѣ жизни человѣка можетъ повредить всей его карьерѣ; но, къ счастью, обстоятельства измѣнились къ лучшему. На склонахъ, ниже насъ, мы вдругъ увидели фигуру, въ которой мы узнали нашего охотника. Такъ какъ для путешесвенниковъ, прѣхавшихъ изъ Англіи съ пѣлью подняться на Эльборусъ, было-бы вовсе непріятно, если-бы какой нибудь кавказецъ засталъ ихъ шатающимися въ теченіи многихъ часовъ по легкѣ доступнымъ долинамъ, то мы овладѣли собою и стали подниматься въ гору, что однако же не помѣщало Axia догнать насъ послѣ незначительныхъ повидимому усилий. Онъ дѣйствительно обладалъ твердою положительною походкою, какою рѣдко отличаются даже лѣпшие горцы.

Выйдя изъ сосноваго лѣса, мы пересѣкли высокій пригорокъ и остановились ненадолго, чтобы побесѣдовать съ нѣсколькими пастухами, веселыми и любезными людьми, какими были вообще все жители Урусбіевой. За пастбищами слѣдовало дикое пространство, покрытое камнями, по которому мы прошли къ верховью долины, къ отвесной горѣ, поросшей травою и также усыпанной этими отвратительными каменьями. Поднявшись на нее, мы приблизились къ прелестному, покрытому льдомъ озеру, занимавшему небольшую ровную поверхность между горѣ на значительной высотѣ, откуда нѣсколько западнѣе мы увидѣли пикъ Тау-Сультра. Путь къ вершинѣ не представлялъ особыхъ затрудненій. Нужно было подняться на глет-

черъ, начинающійся отъ озера, пройти по его довольно отлогимъ покатостямъ къ основанию болѣе отвѣснаго склона, за которымъ уже слѣдовалъ самый верхній склонъ горы. Затѣмъ, поднявшись по легкому лестунной снѣжной покатости или пробираясь по склонамъ, можно было достигнуть и самой вершинѣ. И таѣ, мы вступили на глетчеръ, простиившись на время съ Axia, который, видя, что описавъ нѣкоторый кругъ, онъ можетъ избѣжать отвратительного снѣга, не согласился идти съ нами. Раздѣлившись такимъ образомъ съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться на вершинѣ горы, мы направились по склонамъ, поднялись на упомянутыя скалы и съ небольшими затрудненіями достигли самой высшей точки снѣжного кряжа, составляющаго вершину горы Тау-Сультра. Теперь намъ оставалось только насладиться видомъ, который могъ служить достойнымъ вознагражденіемъ и за болѣе трудное путешествіе. Съ одной стороны возвышался восточный пикъ Эльборуса, значительная часть котораго была отлично видна отсюда. Пикъ этотъ казался весьма страннымъ: не представляя ничего особенно красиваго или величественнаго, онъ въ тоже время не могъ называться некрасивымъ и отличался своеобразностью.

При видѣ этого пика, Гардинеръ невольно восхищнулся, что онъ похожъ на вершину, изображаемую на японскихъ чайныхъ ящикиахъ, съ которою онъ дѣйствительно имѣлъ замѣчательное сходство; и не въ состояніи дать болѣе вѣрнаго описанія этого пика, чѣмъ посредствомъ сравненія, сдѣланнаго г. Гардинеромъ. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что японское изображеніе представляетъ волканъ, и что пикъ, который мы рассматривали, также волканъ, хотя и не дѣйствующій въ настоящее время.

Съ другой стороны видѣ былъ самый очаровательный: предъ нами открылся во всемъ своемъ блескѣ главный кряжъ Кавказскихъ горъ, и мы могли любоваться снѣжными вершинами, которыхъ, намъ казалось, по своей красотѣ и величию не могли имѣть себѣ ничего равнаго. Особенно отсюда бросались въ глаза ихъ замѣчательная крутизна и обрывистость; пики кавказскихъ горъ, по моему мнѣнію, относятся къ Альпамъ такъ же, какъ готическая архитектура четырнадцатаго столѣтія относится къ архитектурѣ норманской. Даже самая отвѣсная гора Альпійской цѣпи, та, которая повидимому совер-

шенно своеобразна и, по своей формѣ, отличается отъ всей цѣпи, откуда бы на нее ни взглянули, уступаетъ величественному пику Учъ-Ба, или такъ называемому Дождливому пику, двуглавому Кавказскому Маттергорну.

Съ горою Учъ-Ба соединенъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ разсказовъ, которые обыкновенно выдумываются жителями наиболѣе дѣбихъ мѣстностей относительно путешественниковъ и которымъ иногда вѣрятъ даже люди, могущіе повидимому знать ихъ дѣйствительное значеніе. Во время нашего путешествія по сѣверному Кавказу, капитанъ Тельферъ, офицеръ англійскаго флота, котораго мы встрѣтили на палубѣ черноморскаго парохода, а затѣмъ въ Кутансѣ, находился въ Сванетіи. Любясь горою Учъ-Ба съ южной стороны, онъ случайно разговорился о ней съ однимъ изъ занимавшихъ въ то время военный постъ русскимъ офицеромъ, который сообщилъ ему, что шесть лѣтъ тому назадъ три англійскихъ путешественника, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сванетовъ, пыгались взобраться на одинъ изъ пикивъ этой горы. Потерпѣвъ вполнѣшую неудачу, они заплатили по десяти рублей каждому изъ сопровождавшихъ ихъ туземцевъ, поручивъ имъ говорить, что имъ удалось подняться на желаемую вершину. Эта глупая выдумка сванетовъ касалась Фрешфильда и его товарищей, которые конечно никогда не пытались подняться на вершину Учъ-Ба даже и не помышляли обѣ этомъ.

Каждый, имѣющій малѣйшее понятіе о путешествіяхъ по горамъ, при одномъ взглядѣ на Дождливый пикъ, уже долженъ былъ убѣдиться, что тремъ путешественникамъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное время, притомъ съ однимъ проводникомъ, положительно невозможно было взобраться на эту гору. Если когда либо кому нибудь и удастся подняться на вершину Учъ-Ба, то конечно только такому путешественнику, который занасется двумя или тремя первоклассными швейцарскими проводниками, посвятивъ при этомъ не менѣе одного или двухъ временій года на тщательное изслѣдованіе этой горы.

Кавказцы, по всей вѣроятности, не знаютъ какъ употребить свое время, если они готовы выслушивать и повторять подобную идіотическую болтовню, вполнѣ сознавая, что сванеты почти неспособны говорить правду. Какое мнѣніе могли-бы мы составить обѣ англі-

чаннѣй, который повѣрилъ-бы сплетнѣй жителей отдаленнѣйшей ча-
сти Индіи, сплетнѣй, касающейся русскихъ путешественниковъ?

Спускаться съ горы Тау-Сультра было еще легче, чѣмъ подни-
маться на нее. Axia, встрѣтившій насъ на вершинѣ, рѣшился спу-
скаться вмѣстѣ съ нами, хотя снѣгъ сплошь смущалъ его. Если ему
придется когда нибудь вторично взбираться на этотъ пикъ, то по
всей вѣроятности при болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ,
такъ какъ я полагаю, что въ хорошее лѣто на склонѣ, ведущемъ къ
вершинѣ, или вовсе неѣтъ снѣгу, или же онъ находится только въ
самомъ незначительномъ количествѣ. Болѣе или менѣе глубокий
снѣгъ, встрѣченный нами во время этого путешествія, былъ слѣд-
ствіемъ постоянно господствовавшей въ послѣднее время бурной
погоды.

Мы остановились ненадолго, чтобы полюбоваться замершимъ
озеромъ, и затѣмъ, пройдя по каменистой полосѣ, прелестнымъ па-
стбищемъ и миновавъ лѣсъ, мы подошли къ деревнѣ Урусбіевої. Во
время нашего отсутствія Павелъ поссорился со старостою, который
вслѣдствіе этого не хотѣлъ оказывать намъ никакихъ дальнѣйшихъ
услугъ; это было тѣмъ прискорбнѣе, что мы не видѣли возможности
препринять путешествіе къ Эльборусу безъ его содѣйствія; но
затрудненіе, грозившее повидимому быть довольно значительнымъ,
скоро разрѣшилось, такъ какъ старій братъ старости, узнавъ,
что мы оставлены безъ всякаго вниманія, заявилъ, что, желая сохра-
нить честь своего семейства, опъ самъ памѣренъ быть нашимъ хо-
зяиномъ; но тутъ возникло новое странное затрудненіе уже въ хо-
зяйственному отношенію, на которое я укажу впослѣдствіи. Въ этотъ
день въ деревнѣ была свадьба, которая, по мѣстнымъ обычаямъ долж-
на была сопровождаться различными увеселеніями. Увеселенія эти,
заключавшіяся преимущественно въ сборищѣ людей на крыніѣ дома
съ цѣлью поболтать, продолжались далеко за полночь, такъ что нѣ-
которые изъ насъ просыпались отъ ужаснаго шума прпровавшихъ;
по временамъ также стрѣляли изъ ружей. Въ этомъ отношеніи, то
есть въ способѣ веселиться, кавказцы имѣютъ много общаго съ не-
аполитанцами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Восхождение на Эльборусъ.

Долина Адуль-Су. — Axia и молодой Измайлъ. — Необходимость предпринять путешествие къ Эльборусу ранѣе, чѣмъ мы предполагали. — Время потребное на это предпріятіе. — Минги-Тау—настоящее имя горы. — Рѣшимость старосты отправиться съ нами.—Затрудненія при заготовлениі запаса провизіи.—Неудобства относительно прислуги на Кавказѣ. — Прогулка по долинѣ. — Напрасная тревога. — Остановкѣ въ лѣсу. — Видъ обопѣхъ пиковъ Эльборуса изъ боковой долины.—Проходъ въ Карабайскую страну.—Дикая коза, выслѣженная Axiemъ.—Восхождение на нагорную равнину на склонахъ Эльборуса.—Прибытие охотника съ письмомъ отъ русскихъ офицеровъ.—Разрѣщенное затрудненіе.—Гора Тенгкорунъ.—Закатъ солнца съ мѣста нашей остановки.—Путешествие къ вершинѣ.—Относительное положеніе обоихъ пиковъ горы.—Обширные снѣжные склоны. — Восхитительный восходъ солнца.—Холмъ, возвышающейся между обоми пиками.—Послѣдній склонъ западной вершины. — Пикъ, на который Фремифильду удалось подняться въ 1838 году, оказывается восточнымъ пикомъ.—Потухшій вулканъ.—Сомнѣніе относительно дѣйствія разрѣженного воздуха.—Вершина и видъ оттуда.

Слѣдующій день (25 іюля) былъ посвященъ прогулкѣ по прелестной долинѣ Адуль - Су, въ сопровожденіи Axia и нашего хорошаго пріятеля, юнаго Измайлова. Въ этой долинѣ сохранилось еще значительное количество лѣса, хотя вырубка его и здѣсь производится съ удивительною быстротою, вслѣдствіе чего, конечно, въ весьма непродолжительномъ времени и эти склоны будутъ на столько же голы, какъ и многие другіе склоны горъ этой страны. Стѣны домовъ въ Урусліевой строятся не изъ камня, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго Кавказа, но изъ крупнаго строеваго лѣса, спроектированный на который великий, вслѣдствіе чего ближайшій лѣсъ долины Адуль-Су уничтожается безжалостно. На одномъ значительномъ склонѣ за послѣднее время были срублены всѣ деревья. Долина эта очаровательна и, по словамъ Axia, не смотря на близость деревни, она изобилуетъ дичью, слѣды которой онъ усердно наблюдалъ; мы же съ своей стороны мало заботились о слѣдахъ дикихъ козъ, оставленныхъ за два или за три часа, такъ какъ были вполнѣ увѣрены, что,

находясь даже въ болѣе близкомъ разстояніи отъ живетнаго, намъ не удастся овладѣть имъ, а потому мы обратили все свое вниманіе на изслѣдованіе долины Адуль-Су, которая намъ показалась наиболѣе изъ долинъ съвернаго Кавказа послѣ долины верхняго Терека. Громадные отвѣсныя пики возвышаются по западную ея сторону; основаніе и склоны покрыты богатымъ лѣсомъ, а у верховья находятся высокій крутой, покрытый снѣгомъ кряжъ. Отъ этой долины черезъ главную цѣпь горъ пролегаетъ проходъ въ Сванетію.

Послѣ непродолжительной и легкой прогулки, мы рано вернулись въ деревню, оставивъ Ахію и молодаго Измайлова сзади насъ, чтобы доставить имъ удовольствіе отыскать слѣды козъ и поохотиться за любимою ими дичью.

Во время ихъ напрасныхъ поисковъ, мы спокойно посовѣтывались между собою относительно нашего дальнѣйшаго путешествія и рѣшили отправиться къ Эльборусу на слѣдующій же день, въ пятницу, 26 іюля, не смотря на первоначальное наше намѣреніе оставить деревню Уруслбеву только 28 числа. Большихъ затрудненій стоило бы намъ добраться до Сухумъ-Кале къ 8 августа, ко времени отплытія парохода, если бы мы дѣйствительно отложили наше путешествіе къ горѣ до 28 іюля. По нашему расчету, на эту экспедицію требовалось четыре дня: одинъ день на путешествіе отъ Уруслбевой до хижинъ у верховья долины; второй — чтобы пройти отъ этой хижинъ до скалъ на склонахъ Эльборуса; третій — чтобы подняться на вершину горы (на что мы надѣялись) и затѣмъ спуститься къ упомянутой хижинѣ, и наконецъ четвертый день — на обратное путешествіе къ Уруслбевой. Поручикъ Берновъ обѣщался прибыть въ Уруслбеву 26 числа. Въ случаѣ, если бы онъ запоздалъ и пріѣхалъ послѣ нашего отиравленія, то онъ легко могъ бы догнать насъ верхомъ и лошади, такъ какъ на подобное путешествіе потребовалось бы немного времени; наше же странствованіе въ сопровожденіи толпы беззаберныхъ туземцевъ, по необходимости, должно было совершаться медленно. Со швейцарскими проводниками предположенная экспедиція потребовала бы не болѣе трехъ или даже двухъ съ половиною дней, такъ какъ въ теченіи одного дня весьма возможно было пройти разстояніе отъ деревни Уруслбевой до упомянутыхъ скалъ на склонахъ горы, къ чему однакоже нельзѧ было принудить нашихъ кавказскихъ

спутниковъ; поэтому мы неизрѣнно должны были посвятить четыре дня на путешествіе къ вершинѣ Эльборуса и обратно въ деревню.

Дѣломъ Павла было — нанять необходимое число проводниковъ. тогда какъ на обязанности старшаго брата старосты лежало заготовленіе достаточнаго количества хлѣбовъ. Онъ обѣщался приготовить двадцать хлѣбовъ; кромѣ того, онъ заявилъ, что онъ самъ и одинъ изъ его братьевъ намѣрены отиравитися вмѣстѣ съ нами, такъ какъ имъ хотѣлось бы подняться на Минги-Тау. — Кстати я долженъ замѣтить, что Минги-Тау — это правильное название горы; подъ этимъ именемъ она известна по всему сѣверо-западному Кавказу. — Эльборусъ — это иностранное название, которое, какъ кажется, на персидскомъ языке означаетъ просто снѣжную вершину. — Какъ ни странно, что самая высокая гора въ Европѣ носить не свое правильное название, тѣмъ не менѣе и я, въ свою очередь, буду называть ее Эльборусомъ, такъ какъ подъ этимъ именемъ она повсюду известна.

Мы были въ восторгѣ, что староста намѣревался отправиться съ нами, какъ потому, что онъ намъ нравился, такъ и потому, что, отправляясь съ нами, мы полагали, онъ позаботится, чтобы провизія была готова во-время. Успокоившись такимъ образомъ на этотъ счетъ, мы провели вечеръ въ отличномъ настроеніи и принимали посѣтителей до поздней ночи, будучи хорошо расположеннымъ къ жителямъ Урусбіевой и думая, что все дѣлается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Но надежды человѣка не всегда сбываются; когда мы встали на слѣдующее утро, погода была прелестная, и проводники, нанятые Павломъ, явились на полтора часа позже назначенаго времени. Но провизіи для путешествія совсѣмъ не было. Самый ярый горецъ не можетъ въ теченіи четырехъ дней довольствоваться однимъ горнымъ воздухомъ, какъ бы велико ни было количество содержащагося въ немъ озона, и мы усердно стали требовать хлѣба, безъ которого немыслимо было путешествіе къ Эльборусу. По временамъ насъ успокаивали тѣмъ, что хлѣбъ готовъ и мы получимъ его чрезъ нѣсколько минутъ; но проходили цѣлые часы и не появлялось ничего, кромѣ четырехъ небольшихъ, наполовину недопеченныхъ хлѣбовъ. Потерявъ наконецъ всякое терпѣніе, Муръ напустился на старшаго брата

старосты, который обещался намъ заготовить все необходимое, но получилъ отъ него слѣдующій достойный вниманія отвѣтъ: «Хотѣть правда, не готовъ, что меня очень огорчаетъ; но я тутъ не причемъ; вину всему безпечность моихъ слугъ. Прежде, когда у насъ были рабы, мы могли заставить ихъ работать; теперь же у насъ свободные слуги, которые могутъ и не работать, если не пожелаютъ. Вчера вечеромъ и сегодня утромъ слуги мои были въ лѣнивомъ настроении и не хотѣли ничего дѣлать». Муръ, пораженный этимъ отвѣтомъ, принужденъ былъ замолчать, сознавая, что и въ его родной странѣ могутъ случаться подобныя же вещи. Для людей, которымъ приходится бороться съ разными хозяйственными дрязгами, можетъ служить до нѣкоторой степени утѣшениемъ то, что даже въ такой первобытной странѣ, какъ Кавказъ, приходится иметь тѣ же непріятности съ прислугою, которая мы обыкновенно склонны приписывать развращающему дѣйствію цивилизаціи. Я привелъ этотъ случай для того, чтобы указать на нечто важное, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно важное неудобство, сопряженное съ путешествіемъ въ кавказскихъ горахъ. Для такой богатой деревни, какъ Урусліева, гдѣ съѣстные припасы находились въ изобилії, двадцать хлѣбовъ было вовсе небольшимъ требованіемъ, но заготовленіе большаго количества провизіи, чѣмъ непосредственно требовалось, было противъ обыкновенія туземцевъ, вотъ почему весьма неизвѣятнымъ казалось намъ получить желаемое. Наконецъ было решено, что Уокеръ, Гардинеръ и я отправимся въ путь, чтобы показать туземцамъ, что мы действительно намѣрены оставить деревню въ этотъ день, тогда какъ Муръ и Павелъ должны были остаться на время, чтобы запастись во что бы то ни стало провизіею и вечеромъ уже послѣдовать за нами. И такъ, мы отправились въ сопровожденіи Ахіа. Старшины, намѣревавшіеся вмѣстѣ съ нами подняться на Мангі Тау, остались въ ожиданії Мура; третій же братъ—прекрасный наездникъ и добродушный деревенскій староста, а также юный Измайлъ отправились вмѣстѣ съ нами.

Сначала мы шли по ровнымъ лужайкамъ подошвы долины, пока накопепъ, черезъ полтора часа послѣ отправленія изъ Урусліевой мы не приблизились къ обширной моревѣ, служившей нѣкогда оконечностью громаднаго глетчера. Переходя ее и продолжая нашъ путь

далѣе, мы подошли къ большому хутору, гдѣ Axia намѣревался переночевать, судя по дѣлаемымъ знакамъ. Это можетъ служить отличнымъ примѣромъ только что указанной лѣни и видимой неспособности думать о чёмъ нибудь, вромѣ удобства настоящаго дня, такъ часто проявляющихся въ кавказцахъ. Axia отлично зналъ, что мы находились въ трехчасовомъ разстояніи отъ настоящаго мѣста остановки. Хотя путь, сокращенный такимъ образомъ для одного дня, несомнѣнно долженъ быть быть на столько же увеличенъ на слѣдующій день, тѣмъ не менѣе Axia, который въ другое время могъ безъ устали сколько угодно бродить по самымъ обрывистымъ склонамъ, въ настоящее время не могъ устоять противъ искушенія отдохнуть послѣ легкой двухчасовой прогулки, такъ какъ былъ въ лѣнивомъ настроеніи, а подъ рукою находилось удобное мѣсто для остановки; вслѣдствіе этого, конечно, онъ былъ крайне огорченъ, когда мы приводили его продолжать путь. Далѣе, на нѣкоторое разстояніе путь нашъ пролегалъ по обработаннымъ лугамъ, и намъ пришлось пройти мимо другаго большаго хутора. По мѣрѣ нашего путешествія, долина становилась все уже и поразительнѣе: по сторонамъ мѣстами встрѣчались ущелья и снежные вершины на столько высокія, что оставалось только удивляться, какимъ образомъ ихъ основанія могли помѣститься въ такихъ, повидимому, узкихъ долинахъ, надъ которыми они возвышались; затѣмъ мы подошли къ мѣсту, гдѣ весь лѣсь былъ истребленъ частью порубкою, частью огнемъ, который уничтожилъ также и стоявшую здѣсь хижину. Нѣсколько выше на склонѣ, были очевидны доказательства безжалостной вырубки деревьевъ. Продолжая нашъ путь, мы очутились въ очаровательномъ лѣсу и, идя нѣкоторое время по берегу шумящаго Баксана, мы подошли къ опустошенному хутору, съ запущеннымъ, наводящимъ уныніе садомъ, въ которомъ юный Измайлъ вытащилъ какое-то растеніе, по виду похожее не то на рѣбу, не то на редисъ, и чрезвычайно ёдкое на вкусъ. Пройдя лѣсомъ еще три четверти часа, мы наконецъ приблизились къ мѣсту, гдѣ предполагали переночевать. Это небольшое открытое пространство въ лѣсу, поросшее густою травою, или, какъ называютъ французы, лужайка (*pelouse*), представляла чудесный уголокъ для взора путешественника и очень удобное мѣсто для остановки, такъ какъ поверхность ея была совершенно ровна.

а по близости находилось множество сухихъ сучьевъ и ручейковъ; развалины хижины могли служить до нѣкоторой степени убѣжищемъ; но хотя это жилье давно уже было оставлено людьми, тѣмъ не менѣе обитатели иного рода находились здѣсь въ такомъ количествѣ, что мы рѣшили спать на открытомъ воздухѣ. Съ нами былъ Axia, нѣсколько проводниковъ, молодой Измаилъ и деревенскій староста. Бесѣдовать съ ними мы не могли за отсутствиѳ многозычнаго Иавла, оставшагося съ Муромъ. Усѣвшись вокругъ костра, разведенаго нашими людьми, мы пытались объясняться знаками, но по обыкновенію не понимали одинъ другаго и, во избѣженіе всякихъ затрудненій, мы по временамъ пожимали другъ другу руку, какъ бы въ доказательство взаимной дружбы и доброго расположения. Такимъ образомъ время прошло довольно пріятно. Ночь уже давно наступила и нѣкоторыми изъ насъ уже одолѣвалъ сонъ, когда Axia, растянувшись во весь свой ростъ на травѣ, вдругъ вскочилъ быстро, но безъ шума, подобно борзой собакѣ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повидимому вглядывался въ темноту. Я прислушивался, но не слышалъ ровно ничего, тогда какъ его удивительное ухо уловило звукъ отдаленныхъ голосовъ; товарищи его моментально соскочили съ своихъ мѣстъ, недоумѣвая, чьи голоса могъ слышать Axia. Это могли быть или наши товарищи, идущіе по долинѣ, или же сванеты, пересѣкающіе проходъ Накра, чтобы пробраться въ Урусліеву. Сванеты — это дѣти природы, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это слово Милль, и, слѣдовательно, въ этой отдаленной долинѣ они могли обратить на насъ особенное вниманіе, къ которому и нужно было приготовиться. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что въ долинѣ Баксана часто случались бы непріятельскія нападенія, и что сванеты непремѣнно захотѣли бы убить насъ; но, съ другой стороны, такое хорошее убѣжище, какимъ пользовались мы въ данную минуту и притомъ вблизи ихъ страны, конечно могло послужить соблазномъ, противъ которого трудно было устоять съ какой человѣческой натурѣ, а потому какъ нравственный долгъ, такъ и инстинктъ побуждали насъ разсчитывать на худшее и на всякий случай приготовиться.

Я понялъ въ чёмъ дѣло, услышавъ туземное название свапетовъ, произнесенное нашими путеводителями.

Возможность близкой смертельной борьбы производитъ странное

ощущеніе. Я полагаю, что тѣ, которымъ приходилось испытывать это чувство, сознаются, если только они будутъ искренни, что оно далеко не пріятно. Еще давно одинъ англійскій мореплаватель по своему объяснялъ мнѣ ощущеніе, испытываемое многими вовсе не-трудолюбивыми людьми во время приготовленія къ борьбѣ. Во время Крымской войны, я былъ мичманомъ на фрегатѣ, крейсировавшемъ около острова Сахалина, въ Охотскомъ морѣ. Мы отправились на поискъ военного англійского судна «Encounter», находившагося въ водахъ этого моря, причемъ мы могли конечно встрѣтить и русскій фрегатъ. Однажды утромъ, около пяти часовъ, при густомъ туманѣ, мы разглядѣли вдалѣ большое судно. Судовъ въ то время въ этихъ моряхъ было очень мало, такъ что это должно быть было или «Encounter», или русскій фрегатъ. Не зная навѣрное,—идемъ ли мы на встрѣчу своему судну или же непріятельскому фрегату, съ которымъ намъ предстоитъ борьба, офицеръ, управлявшій однимъ изъ орудій, сказалъ мнѣ: «Я не знаю, что вы чувствуете, мистеръ Грове, но я страшно боюсь (I feel a blasted funk), несмотря на это, однако я думаю, что буду въ состояніи отлично управлять моимъ орудіемъ». Судно оказалось «Encounter», такъ что офицеръ былъ избавленъ отъ необходимости дѣйствовать орудіемъ; но я полагаю, что въ случаѣ нужды слова его оправдались бы. Я надѣюсь, что и мы достойно выдержали бы борьбу съ свинетами, но убѣдиться въ томъ намъ не пришлось, такъ какъ вскорѣ уже Axia могъ различить голоса своихъ соотечественниковъ, и черезъ пѣкоторое время къ намъ дѣйствительно подошелъ Муръ съ нѣсколькими кавказцами, изъ которыхъ многие были столь ожидаемые хлѣбы. Съ Муромъ были старшій братъ деревенского старосты, два другихъ его брата и нѣсколько проводниковъ, такъ что настѣль составилось большое общество.

Кавказцы думали переночевать въ кипящей наскакомыми хижинѣ, но, узнавъ о нашемъ намѣреніи спать на травѣ, они также послѣдовали нашему примѣру и, расположившись около громаднаго костра съ особеною граціею, которой не подозрѣвали сами, они на пѣкоторое время предались своей обычной неумолкаемой болтовнѣ. Этотъ почной бивакъ представлялъ странную и вмѣстѣ съ тѣмъ прелестную картину. Крошечная лужайка посреди темнаго лѣса; красивые кавказцы, окруживши костеръ въ разлпчныхъ положеніяхъ:—все это

вмѣстѣ представляло такую живописную и очаровательную картины, что трудно было поверить, чтобы это была не бывающая на эффеќтѣ, простая, случайная ночевка ликихъ охотниковъ и путешественниковъ, которые меньше всего заботились о томъ, какими они кажутся со стороны. Невольно казалось, что сцена эта была дѣломъ какого нибудь знаменитаго художника.

Къ вечеру склоны горъ покрылись густымъ туманомъ, который однако ночью совершенно прочистился и восходъ солнца былъ какъ нельзя болѣе ясенъ. Мы поднялись съ разсвѣтомъ и отправились въ дальнѣйшій путь, пролегавшій мѣстами по лѣсу, мѣстами по открытыму пространству, къ верховью долины. Недалеко отъ мѣста нашей ночевки, мы пересѣкли тропинку, ведущую къ проходу Накра, который служитъ главнымъ средствомъ сообщенія между верхнею долиною Баксана и Сванетію. Путь этотъ пролегаетъ черезъ сѣжную вершину, но по видимому не представляетъ большихъ затрудненій. Въ 1868 году Фреш菲尔дъ съ товарищами слѣдовалъ этимъ же путемъ, и мы въ свою очередь также намѣревались пройти этимъ проходомъ въ долину Баксана, если бы погода позволила намъ пр obrаться въ Сванетію изъ долины Безинги. Проходъ Накра часто иссѣщается сванетами. Часть съ четвертью ходьбы отъ мѣста нашей остановки привелъ насъ ко входу въ боковую долину, откуда мы увидали оба пика Эльборуса; они, казалось, находились отъ насъ въ двухчасовомъ разстояніи, что часто бываетъ, съ горами, открывающимися съ долины. Восточный пикъ, ближайшій къ намъ, имѣлъ видъ большой горы, какъ и слѣдовало ожидать отъ вулкана; дальнѣйшій же пикъ, видимый сравнительно меньше, казался плосковершиннымъ. Слѣдя по этой долинѣ, въ которую спускается юго-восточный глетчеръ Эльборуса, Фреш菲尔дъ съ товарищами въ 1868 достигли скалъ, гдѣ и провелъ ночь до восхожденія на гору. Axia однако утверждалъ теперь, что къ тому же мѣсту удобнѣе пройти по слѣдующей долинѣ, которая пролегала по другую сторону кряжа, образующаго правый склонъ первой долины. Такимъ образомъ мы продолжали нашъ путь по долинѣ въ теченіи двадцати минутъ или около этого, пока не подошли къ небольшой простой хижинѣ, находящейся на открытомъ мѣстѣ у подошвы глетчера, наполняющаго верховье долины Баксана. Мы преднамѣренно прошли нѣсколько

далѣе входа въ долину, по которой намъ предстояло подняться, таѣ какъ здѣсь удобнѣе было оставить лошадей, взятыхъ кавказцами. Черезъ глетчеръ пролегаетъ проходъ въ Карабайскую страну, которую мы предполагали посѣтить послѣ Эльборуса; но узнавъ, что тамъ очень трудно достать проводниковъ, за недостаткомъ времени, мы должны были отказаться отъ такого рискованного путешествія, вслѣдствіе чего мы рѣшили пройти къ сѣверу отъ Эльборуса по луговымъ пространствамъ. Проходъ казался легко доступнымъ для человѣка; что же касается лошадей, то Axio сказалъ намъ, что ихъ можно было бы провести, если холодный вѣтеръ укрепилъ снѣгъ; если же снѣгъ рыхлый, то лошади, по всей вѣроятности, не вынесутъ подобнаго перехода.—Насколько намъ удалось видѣть, проходъ этотъ не отличался красотою. Пока мы любовались глетчеромъ и высматривали наиболѣе удобный проходъ черезъ него, между кавказцами, занятymi до сихъ поръ разрѣзаніемъ баранпны для приготовленія изъ нея пищи, произошло нѣкоторое смятеніе: всѣ они пристально смотрѣли на противоположный склонъ, покрытый травою и однообразными скалами, по сѣверную сторону долины. Ихъ волновало ожиданіе предстоящей охоты. Вскорѣ послѣ того, какъ мы подошли къ хижинѣ, зоркій глазъ Axia замѣтилъ вдали на склонѣ два темныхъ пятна, невидимыхъ остальнымъ. Онъ тотчасъ же рѣшилъ, что это должна быть дикая коза, и, убѣдившись посредствомъ стекла, которое онъ носилъ на себѣ, въ справедливости своего предположенія, онъ отправился съ цѣлью убить животное. Миновавъ лужайку и подойдя къ подошвѣ склона, онъ поднялся на него съ замѣчательною быстротою и въ то же время съ удивительною ловкостью, таѣ какъ ему часто приходилось дѣлать разлічные изгибы и повороты для того, чтобы постоянно находиться отъ козы подъ прикрытиемъ скаль или большихъ выдающихся камней. Подобная задача была бы не особенно легка даже и тогда, когда можно было располагать значительнымъ временемъ, въ данномъ же случаѣ ловкости Axia могъ позавидовать любой изъ жителей Великобританіи: Поднявшись по склону приблизительно на высоту, на которой находилась коза, но будучи еще далеко отъ нея, онъ повернулся и сталъ осторожно подкрадываться къ ничего не подозрѣвающему животному. Видѣть охотника въ это время было очень трудно, таѣ

какъ онъ находился отъ насъ въ такомъ разстояніи, что казался небольшимъ темнымъ пятномъ на склонѣ горы; кроме того, онъ постоянно скрывался, пользуясь каждымъ малѣйшимъ прикрытиемъ. Наконецъ онъ скрылся на нѣсколько минутъ за изгибомъ склона горы, затѣмъ послышался выстрѣль, охотникъ показался на одно мгновеніе и опять скрылся уже на довольно продолжительное время. Мнѣнія раздѣлились относительно того, удалось ли ему убить козу или нѣтъ. Кавказцы принялись снова за приготовленіе пищи, а мы, лежа на травѣ и любуясь безоблачнымъ небомъ, серьезно разсчитывали, что наше поднятіе на Минги-Тау будетъ сопровождаться такою же благопріятною погодою.

Только что успѣли они положить заднюю часть баранины въ вертель (done to a turn), какъ показался Axia въ значительномъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ, держа на плечахъ убитую козу. Хотя ему удалось убить только козленка, но тѣмъ не менѣе охота была замѣчательно ловкая и вполнѣ заслуживала aplodisментовъ, которыми встрѣтили его товарищи, когда онъ присоединился къ нимъ. Затѣмъ, позакусивъ бараниною и кипящимъ масломъ, всѣ они отдались освѣжающему сну. Разбудивъ ихъ черезъ нѣкоторое время, мы насили уговорили ихъ продолжать путь, причемъ нахмутившееся лицо Мура снова просвѣтѣло. Подобно всѣмъ горцамъ, онъ не терпѣлъ медлительности, а въ данномъ случаѣ остановка, вызванная исключительно желаніемъ пойти, была явнымъ протестомъ противъ его взглядовъ на діету, которой слѣдуетъ держаться въ горахъ.

Пройдя небольшое разстояніе, мы подошли ко входу въ долину, основаніе которой вначалѣ было очень круто. Послѣ довольно труднаго путешествія по обрывистымъ травянистымъ склонамъ подъ лучами палящаго солнца въ теченіи трехъ четвертей часа, мы къ нашему удовольствію убѣдились, что верхняя часть долины гораздо доступнѣе. Она представляла открытое пустынное пространство «долину скаль», въ которой только и попадались камни и обломки. Съ вершины лѣваго ея склона, однако, прекрасно видѣнъ былъ Эльборусъ; отсюда Уокеръ и снялъ фотографію. Ближайшій изъ двухъ пиковъ—восточный пикъ Эльборуса; нѣсколько лѣвѣе и дальше возвышается западная

его вершина, которая своей высотою, повидимому, превосходитъ восточную. На этомъ же склонѣ долины, у самаго верховья, находились груды камней; миновавъ ихъ и пройдя по небольшой полосѣ снѣга, мы очутились на скалистой равнинѣ, гдѣ намъ предстояло переночевать. Лучшаго мѣста для бивака въ горахъ трудно было и желать. Поверхность была почти ровная съ небольшими углубленіями тамъ и сямъ, представлявшими хорошее убѣжище отъ вѣтра. Равнина орошалась потокомъ и камни мѣстами были покрыты слоемъ земли, такъ что поверхность оказалась достаточно мягкой и удобною, чтобы расположиться на ней спать. Видъ отсюда былъ великолѣпенъ, такъ какъ мы находились на высотѣ 11,300 футовъ, и ничто не мѣшало намъ любоваться главною цѣпью горъ. Равнина эта находилась на правой сторонѣ юго-восточнаго глетчера Эльборуса, почти на одной высотѣ съ его водоемомъ (the brow of icefall). Мѣстность, гдѣ Фрешфильдъ съ товарищами останавливались въ 1868 году, лежала нѣсколько выше, но теперь она была покрыта снѣгомъ.

Мы подошли къ мѣсту нашей ночевки еще довольно рано и, полюбовавшись очаровательнымъ видомъ, принялись за обѣдъ. Во время обѣда, состоявшаго въ данное время изъ единственнаго блюда—чернаго хлѣба, на вершинѣ ближайшей изъ каменистыхъ горъ появился охотникъ, который съ быстротою и ловкостью Axia спустился внизъ и пересѣкъ снѣжную полосу. Въ чемъ могъ нуждаться этотъ человѣкъ—мы недоумѣвали, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ нашей партии, а кавказцы вообще рѣдко прогуливаются по склонамъ горъ послѣ полудня. Охотникъ направился прямо къ старшему брату старости и, послѣ оживленнаго разговора, безъ котораго ни что не дѣлается на Кавказѣ, вручилъ ему письмо. Письмо это, тотчасъ же переданное Муру, было отъ поручика Бернова, прибывшаго съ поручикомъ Квиткою въ Урусбіеву въ 10 часовъ утра 27 іюля; онъ писалъ Муру, что, послѣ непродолжительнаго отдыха, онъ съ товарищемъ намѣренъ оставить Урусбіеву и убѣдительно просилъ насъ не начинать до ихъ прибытія восхожденія на гору.

Такимъ образомъ мы были поставлены въ странное положеніе. Сначала мы рѣшили покинуть мѣсто нашей остановки въ часъ ночи 28 іюля, потому что если бы мы не пустились въ путь до восхода

солнца, то едвали бы успѣли пройти обширные глетчеры Эльборуса. Съ другой стороны русскіе офицеры ѿхали цѣлую ночь, чтобы добраться до Урусліевої. На путешествіе отъ Урусліева до мѣста нашей остановки имъ потребовалось бы болѣе пяти часовъ Ѷзы по главной долинѣ и около четырехъ часовъ ходьбы по боковой долинѣ. Они могли бы догнать насъ въ эту ночь, но въ такомъ случаѣ очевидно они не были бы въ состояніи начать восхожденіе на гору въ часъ ночи. Дозволить людямъ, только что совершившимъ восемнадцати или девятнадцати-часовое путешествіе верхомъ на лошадяхъ, вслѣдъ затѣмъ прогулку по долинѣ, мѣстами очень крутой, подниматься на гору, высотою 18526 футовъ,—значило бы обречь ихъ на вѣрную неудачу; съ нашей стороны было бы конечно крайне несправедливо, почти безчестно допустить ихъ начать восхожденіе на гору, когда мы были увѣрены, что при этихъ условіяхъ успѣхъ для нихъ положительно невозможенъ. Но если бы мы пожертвовали однимъ днемъ ради русскихъ офицеровъ и не начали бы восхожденія на Эльборусъ до 29 числа, то мы сами рисковали бы не достигнуть своей цѣли, то есть должны были бы совсѣмъ отказаться отъ восхожденія на эту гору. Вечеръ былъ прелестенъ и, какъ казалось, предвѣщалъ хорошую погоду и на слѣдующій день. Даже и барометръ, указавъ высоту, на которую намъ удалось подняться, остановился.

Едва ли какое нибудь повѣрье вкоренилось глубже въ сердцахъ горныхъ путешественниковъ какъ то, что никогда не слѣдуетъ терять хорошихъ ясныхъ дней. Нерѣдко альпійскому путешественнику приходится впослѣдствіи сожалѣть о солнечномъ днѣ, который онъ пропустилъ, разсчитывая, что и слѣдующій день будетъ также ясенъ. Совершивъ уже такое длинное путешествіе и подойдя къ самому основанію громадной горы, странно было бы откладывать восхожденіе на нее, если погода благопріятствуетъ, такъ какъ сильный вѣтеръ или снѣжная буря могли бы совершенно преградить доступъ къ горѣ; къ тому же мы были увѣрены, что вершина Эльборуса положительно недоступна въ бурную погоду. Послѣдствія какъ нельзя болѣе оправдали наше желаніе воспользоваться яснымъ днемъ.

Съ другой стороны, намъ не хотѣлось также бросать русскихъ, совершившихъ также длинное путешествіе, съ цѣлью вступить въ

спѣшныя области Мивги - Тау, а потому, понятно, мы были очень огорчены и не знали что намъ дѣлать, пока затрудненіе это не разрѣшилось самопожертвованіемъ одного изъ нашей партіи. Муръ, какъ на основаніи того, что онъ сказалъ поручику Бернову, что мы пробудемъ въ Уруслевѣ до 28 числа, такъ и того, что онъ уже въ 1868 году подымался на эту вершину, рѣшился остаться позади въ ожиданіи русскихъ, чтобы вмѣстѣ съ ними начать восхожденіе 29 іюля, тогда какъ Уокеръ, Гардинеръ и я стали подыматься на гору на слѣдующее утро (28 числа). Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что подобное рѣшеніе лишило Мура возможности подняться на Эльборусъ. Приложенная къ альбому гравюра громадной горы Тенгсоруно, возвышающейся у верховья долины Боксана, была сдѣлана съ фотографії, снятой послѣ полудня недалеко отъ мѣста нашей остановки. Мы наблюдали эту гору съ различныхъ точекъ и намъ казалось, хотя мы далеко не были убѣждены въ этомъ, что вершина Тенгсоруна можетъ быть доступна.

Я бы желалъ дать читателю по возможности вѣрное и точное понятіе о прелестяхъ солнечнаго заката, наблюдаемаго съ мѣста нашей остановки, но, насколько мнѣ известно даже, авторы чисто описательного характера не въ состояніи бываютъ вполнѣ передать словами той картины, которую имъ приходилось видѣть съ высоты громадныхъ горъ во время солнечнаго заката. Да и кто въ самомъ дѣлѣ возьмется описать постоянно менѣяющееся въ цвѣтѣ лучезарное небо, величие громаднаго кряжа и очаровательную прелестъ его синевы съ отражающимися въ нихъ лучами заходящаго солнца?

Всякая подобная попытка будетъ ничто иное какъ сарит mortuum или скучная рапсодія, оставляющая впечатлѣніе длиннаго каталога пиковъ и кряжей, перемѣшаннаго съ описаніемъ солнечнаго спектра.

Возвращаюсь опять къ мѣstu нашей остановки. Какъ я уже говорилъ раньше, равнина эта была очень удобна для ночевокъ, такъ какъ составляющія ее скалы мѣстами были покрыты слоемъ земли, которая, не будучи въ состояніи удовлетворить норфолькскаго фермера, очищенная отъ камней, тѣмъ не менѣе была достаточно мягка, чтобы расположиться на ней для отдыха. Въ половинѣ первого мы встали, чтобы отправиться въ дальнѣйший путь къ Эльборусу и

были приятно удивлены темъ, что, несмотря на довольно сильный вѣтеръ, температура была не настолько низка, какъ мы могли ожидать. Извѣстно, что вѣ горахъ наиболѣе низкая температура замѣчается передъ самимъ разсвѣтомъ. Когда мы встали, никто изъ насъ не ощущалъ холода, отъ втораго однако Муру пришлось значительно пострадать черезъ два съ половиною часа позже, какъ разъ передъ восходомъ солнца.

Въ часъ пополуночи Уокеръ, Гардинеръ, Петръ Кнубель и я отправились въ путь. Прямой путь пролегалъ черезъ снѣжную полосу (*grat*), лежащую надъ равниною; гряда ведущая къ этой полосѣ, была очень крута и чтобы подняться на нее требовалось не мало времени, вслѣдствіе чего мы повернули вправо и направились по небольшимъ снѣжнымъ склонамъ, пересеченнымъ невысокими скалистыми грядами. Пройдя затѣмъ влѣво, мы очутились на обширномъ юго-восточномъ глетчерѣ Эльборуса, по которому намъ предстояло идти къ вершинѣ, положеніе которой я теперь попытаюсь опредѣлить. На русской карте оба пика Эльборуса назначены по направлѣнію отъ SOIS къ NWtN одинъ отъ другого. Но я почти убѣжденъ, что положенія эти не точны, и считаю весьма вѣроятнымъ, что при болѣе тщательномъ изслѣдованіи окажется, что пики эти находятся отъ востока къ западу одинъ отъ другаго. По многимъ причинамъ, на которыхъ я укажу впослѣдствіи, мы не были въ состояніи сдѣлать точныхъ наблюдений съ компасомъ, почему я и не могу съ уверенностью говорить объ относительномъ положеніи обоихъ пиковъ, но все мы пришли къ заключенію, что приблизительно правильное ихъ направление отъ востока къ западу, вслѣдствіе чего я и намѣренъ ихъ называть восточнымъ и западнымъ пиками. Восточный изъ этихъ пиковъ находился ближе къ мѣсту нашей остановки, западный возвышался за нимъ. Если смотрѣть на эти пики съ небольшаго разстоянія отъ упомянутой снѣжной полосы, то западный пикъ, какъ это видно и на гравюрѣ, вырѣзанной на деревѣ съ фотографического снимка Уокера, открывается лѣвѣ и частью прячется за восточный пикъ, окруженный обширнымъ глетчеромъ, склоны котораго имѣютъ различную покатость. Судя по тому, что мы могли видѣть, западный пикъ былъ довольно отвесенъ, хотя и не настолько, чтобы представлять серьезныя затрудненія. Вершина его казалась

плоской и обширной. Восточный пикъ, напротивъ, представлялъ отлогій конусъ.

Ради краткости я называю эти вершины пиками; въ дѣйствительности-же было-бы гораздо правильнѣе назвать: первую—плоско-вершинной горою, а вторую—обширнымъ пикомъ (*vast mound*). Цѣлью нашего путешествія была именно западная плоская вершина, какъ наиболѣе высокая изъ двухъ, хотя она и превышала восточную вершину только на девяносто пять футовъ. Ясно было, что для этого слѣдовало подняться на обширный глетчеръ, окружающій болѣе низкій пикъ, направляясь постоянно въѣво, такимъ образомъ, чтобы обогнуть этотъ пикъ на разстояніи 1500 футовъ ниже вершины. Отсюда легко было пробраться къ горѣ, находящейся между обопѣн пиками. Очевидно было, что эта промежуточная гора откроется намъ только тогда, когда мы подойдемъ къ ней на очень близкое разстояніе, вслѣдствіе чего мы рисковали подняться слишкомъ высоко, хотя мы и имѣли нѣкоторыя данныя предполагать, что гора эта высока. Спускаться-же опять внизъ потребовало-бы много лишняго времени.

Но такъ какъ при путешествіяхъ въ горахъ приходится часто рисковать, то мы и рѣшили направиться по обширному, покрытому снѣгомъ глетчуру, окружающему восточный пикъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мы поднимались на его обширные склоны, держась постоянно въѣво. Однако хотя мы и не встрѣчали никакихъ препятствій, тѣмъ не менѣе эта прогулка была очень утомительна и скучна. Въ разстояніи полутора часа отъ мѣста нашей остановки, намъ предстояло обойти трещину во льду, которая въ жаркое время могла быть опасною, теперь-же она была настолько узка, что мы миновали ее очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, весь путь отъ снѣжной полосы до основанія послѣдняго склона западнаго пика не представлялъ ни малѣйшихъ затрудненій: это просто было длинное утомительное путешествіе по обширному, довольно отлогому снѣжному полю.

Тѣ, кому приходилось путешествовать въ Альпахъ, знаютъ, что нѣть ничего утомительнѣе и скучнѣе продолжительного восхожденія по снѣжнымъ склонамъ. Трудъ этотъ утомляетъ, нисколько въ то же время не возбуждая человѣка. Это—одно физическое упражненіе, умъ-же остается въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, слѣдствіемъ че-

то является страшнейшая скука и отвращение ко всему миру вообще и въ частности къ собственному я—этой ничтожной его частички. Наконецъ завѣса, застилавшая разумъ человѣка и его уваженіе къ своей личности, приподнимается; онъ начинаетъ смотрѣть на себя глазами другихъ и удивляется только, что существуютъ люди, жаждущіе подобныхъ предпріятій. Всѣ ошибки совершенныя недавно возстаютъ передъ нимъ во всей своей ярости и главнымъ самымъ болѣшимъ промахомъ представляется ему восхожденіе на эту гору. Что побудило его на подобную глупость; какимъ образомъ онъ рѣшился совершить ее вторично и что могло въ данномъ случаѣ заставить его подниматься на этотъ отвратительный пикъ — вотъ вопросы, которые онъ постоянно задаетъ себѣ самъ. Изъ чувства самолюбія однако онъ рѣшается продолжать начатое восхожденіе, но ничто, онъ вѣняется, не соблазнитъ его въ другой разъ подниматься на эти утомительные склоны. Въ подобномъ настроеніи духа остается путешественникъ до тѣхъ поръ, пока болѣе возбуждающей трудъ не разсѣеть этихъ болѣзненныхъ мыслей или пока достижение вершины снова не возбудитъ въ немъ того естественного чувства гордости и тщеславія, безъ котораго трудно представить себѣ успѣхъ какъ въ горныхъ экспедиціяхъ, такъ и въ другихъ болѣе серьезныхъ вещахъ. Какъ-бы вознагражденіемъ за глупость вступленія въ снѣжную область, является восхищеніе той спокойной рѣшимостью, которая заставила преслѣдовать такъ долго такую трудную цѣль. Дурная рѣшенія исчезаютъ, самодовольство и веселость возвращаются и одинъ вопросъ только смущаетъ путешественника, когда ему удобнѣе начать восхожденіе на другой пикъ.

Слоны Эльборуса были именно такого скучнаго и утомительнаго характера. Замѣчательно покатые виначалѣ, они никогда не отличались крутизною, но вслѣдствіе ихъ громадной высоты и полнѣйшаго разнообразія, восхожденіе на нихъ было затруднително, тѣмъ болѣе что морозъ усиливався по мѣрѣ приближенія восхожденія солнца. Къ счастью, вѣтеръ утихъ; въ противномъ же случаѣ намъ грозила возможность замерзнуть. Послѣ четырехчасовой прогулки, поднявшись на высоту болѣе 4000 футовъ, мы остановились на нѣсколько минутъ на грядѣ скалъ, пересѣкающей огромную снѣжную пустыню на высотѣ, равной вершинѣ Монъ-Блана. Здѣсь мы были болѣе чѣмъ

вознаграждены за холодъ и трудъ, которые иногда считаются незбѣжными въ высокихъ мѣстахъ. Нашимъ глазамъ представился видъ почти неописываемой прелести. Начинался восходъ солнца и весь востокъ былъ объятъ пламенемъ. Полная луна не успѣла еще скрыться за горы въ минуту солнечнаго восхода, и небо на мгновеніе раздѣлилось между мертвенною красотой ночи и блескомъ и сіяніемъ наступающаго дня. Не смотря на восхитительную прелестъ этой картины, насть тѣмъ не менѣе сильно поражала громадная тѣнь Эль-боруса, бросаемая восходящимъ солнцемъ на большую высоту, но тѣнь эта вскорѣ наполнилась свѣтомъ, и наступилъ день, едва только блѣдный спутникъ успѣлъ скрыться, и такимъ образомъ кончился контрастъ, до сихъ поръ не наблюдавшій еще никѣмъ изъ настѣ. Вспомнивъ, что между нами и вершиною остается еще 3000 футовъ, мы снова пустились въ путь и продолжали восхожденіе по снѣжному полю, придерживаясь влѣво еще болѣе чѣмъ, прежде. Поднявшись на 1500 футовъ,透过 полтора часа послѣ того, какъ мы оставили скалы, мы увидѣли холмъ, возвышающійся между обѣими вершинами. Онъ былъ вблизи насть, насколько выше; пройдя немного по отлогому склону, отдѣляющему его отъ настѣ, мы остановились отдохнуть на разстояніи 200 футовъ ниже вершины холма.

И такъ, мы находились теперь у подошвы послѣдняго склона, ведущаго къ плоской вершинѣ западнаго пика. Склонъ этотъ, возвышающійся передъ нами, былъ отвесенъ, но повидимому не недоступенъ. Значительно лѣвѣе, то есть къ югу, находилось насколько пропастей, но впереди не представлялось никакихъ затрудненій, такъ что мы могли отдыхать совершенно спокойно.

Мѣстность нашей остановки была небольшая долина между двумя пиками, лежащая на высотѣ болѣе 17000 футовъ, но на сколько болѣе, мы не могли сказать. Уокеръ взялъ съ собою прекрасный анероидъ со шкалою для высоты 20,000 футовъ; приборъ этотъ съ замѣчательною точностью опредѣлялъ наше восхожденіе, пока мы не достигли высоты 17,000 футовъ и не подошли на довольно близкое разстояніе отъ мѣста остановки около холма. Здѣсь же стрѣлка вдругъ поднялась до самой высшей точки барометра, и никакія удары и сотрясенія не могли уже сдвинуть ее съ этихъ, очевидно, неправильныхъ показаній. Вслѣдствіе этого, конечно, мы могли только

угадывать высоты, превышающие 17,000 футовъ, пока мы не достигли вершины. Какъ я уже сказалъ, мы остановились въ разстояніи около 200 футовъ ниже вершины холма, причемъ мы едва ли поднялись болѣе чѣмъ на 150 футовъ со времени послѣдняго точного показанія барометра. Слѣдовательно, высота холма была приблизительно 17,350 футовъ надъ поверхностью моря. Наше мѣсто остановки легко можетъ быть узнано послѣдующимъ путешественникомъ, такъ какъ оно находится у подошвы гряды скаль, простирающейся на нѣкоторое разстояніе вдоль склона западнаго пика. У основанія этой гряды находится большой валунъ, на которомъ очень удобно грѣться на солнцѣ. Весьма возможно, что большая часть склона западнаго пика, которую мы нашли покрытою снѣгомъ, въ другое время представляетъ голыя скалы, такъ какъ во время нашего восхожденія на горѣ было необыкновенное количество снѣга.

Отдохнувъ съ полчаса, мы направились по этому послѣднему склону, представившему единственное затрудненіе, если только это можно назвать затрудненіемъ. Прежде всего мы взобрались на упомянутыя мною скалы, которыхъ оказались твердыми и легко доступными. Затѣмъ мы стали подниматься подовольно кругому снѣжному склону; вскорѣ мы подошли къ небольшой грядѣ скаль, перейдя которую мы снова вступили въ снѣжную область. Поднявшись затѣмъ на довольно отлогій склонъ, мы подошли къ концу его къ грядѣ скаль, которую пересѣкли безъ всякихъ затрудненій и такимъ образомъ очутились на окраинѣ громадной плоскости, образующей вершину потухшаго вулкана. Небольшой пикъ, розышающійся здѣсь къ сѣверо-востоку, представлялъ очевидно самую высокую точку горы.

За нѣсколько времени до того, что намъ удалось подойти въ окраинѣ кратера, я сообразилъ, что пикъ, на который мы поднимались теперь, вовсе не тотъ пикъ, вершины которого достигъ Фрешфильдъ съ товарищами; что они поднимались на восточный пикъ, который, по наблюденіямъ русскихъ, былъ нѣсколько ниже. Пикъ этотъ былъ несомнѣнно вулканическій, такъ какъ онъ оканчивался кратеромъ. Весьма возможно, что западный пикъ былъ также вулканическаго происхожденія, но было интересно проверить фактъ и, конечно, было бы приятѣ, если бы оказалось, что мы находимся на снѣгахъ, ни-

кѣмъ еще до сихъ поръ не посѣщенныхъ. Восторгъ при достижениіи еще никѣмъ не посѣщенной вершины можетъ многимъ показаться ребячествомъ, но не тому однако, кому лично приходилось испытывать это чувство.

Западный кратеръ величиною значительно превосходитъ кратеръ другой вершины и имѣетъ около $\frac{3}{4}$, мили въ діаметрѣ. Стѣна, окружающая кратеръ, пѣла на $\frac{2}{3}$ ея протяженія, но съ юго-западной стороны ея оторванъ большой кусокъ, на мѣстѣ котораго теперь находится обширный глетчеръ. Изверженіе вулкана, оторвавшее такую громадную часть окраины кратера, по всей вѣроятности, было очень сильно, но къ счастью въ то время тамъ не было еще людей, на которыхъ оно могло бы навести ужасъ. Съ незапамятныхъ временъ кратеръ бездѣйствуетъ; ледъ замѣнилъ лаву, а остатки шлака, наполняющіе кратеръ, природа покрыла толстою пеленою вѣчнаго снѣга.

Снѣжная плоскость, образовавшаяся на мѣстѣ кратера, подымается къ востоку почти до высоты окраины кратера, но за тѣмъ она быстро понижается къ юго-западному обвалу. Небольшой пикъ, образующій вершину горы, возвышается на сѣверо-восточной части окраины; пикъ этотъ мы отлично могли различить впослѣдствіи пѣдь деревни Учъ-Кулана, въ Карабайской странѣ. Прежде чѣмъ начать подыматься на самую высокую точку, мы рѣшились немного отдохнуть на снѣгу; эти нѣсколько минутъ отдыха проведены были мною въ размышленіи о вопросѣ относительно разрѣженности воздуха, который въ послѣднее время нашего восхожденія обратилъ на себя мое особенное вниманіе. Въ этомъ отношеніи было сдѣлано много ошибокъ, болѣе или менѣе известныхъ тѣмъ, кто хотя сколько нибудь знакомъ съ Альпами.

Прежде, когда путешествія въ горахъ были въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ теперь, разрѣженности воздуха обыкновенно приписывали утомленіе, происходящее вслѣдствіе недостаточной подготовки къ предстоящему дѣлу. Въ настояще-же время тѣ, кому приходилось подыматься на горы, отлично знаютъ, что при другихъ хорошихъ условіяхъ имъ не придется страдать отъ разрѣженности воздуха даже на самыхъ высокихъ альпійскихъ пикахъ; на жалобы подобного рода смотрять какъ на желаніе выставить фактъ своей неудачи въ болѣе благопріятномъ для себя свѣтѣ. Очевидно, однако,

что на горахъ, превосходящихъ своей высотою Альпы, должна быть граница, за которую разрѣженность воздуха начинаетъ оказывать свое вліяніе даже и на наиболѣе сильныхъ и подготовленныхъ людей.

Извѣстно напримѣръ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ подняться на вершину Эвереста. Злополучное путешествіе на воздушномъ шарѣ изъ Парижа доказало, что уже значительно ниже вершины упомянутой горы воздухъ слишкомъ рѣдокъ для поддержалія жизни.

На какой-же именно высотѣ находилась эта граница?—вотъ вопросъ, который занималъ меня въ то время. Особенная слабость, которую я ощущалъ, поднявшись на высоту 17000 футовъ, была-ли слѣдствіемъ усталости или-же ее слѣдовало приписать вліянію разрѣженности воздуха? Гардинеръ и Петръ Кнубель также значительно утомились при послѣдней части восхожденія; Уокеръ-же не ощущалъ ни малѣйшей слабости, хотя онъ и страдалъ кровоточеніемъ изъ носа. Въ данную минуту, судя по тому, что мнѣ приходилось испытывать, конечно невозможно было не объяснить нашихъ бѣдствій дѣйствіемъ разрѣженного воздуха; въ настоящее-же время я готовъ приписать наше изнеможеніе главнымъ образомъ недостаточной подготовкой къ такому трудному путешествію и только въ самой незначительной степени вліянію разрѣженного воздуха, если оно дѣйствительно существовало. Я полагаю, что на крѣпкаго человѣка съ здоровымъ и правильно дѣйствующимъ сердцемъ, привыкшаго притомъ къ путешествію по горамъ, разрѣженность воздуха не будетъ оказывать замѣтнаго вліянія до высоты 18500 футовъ, если ему впрочемъ придется идти по болѣе или менѣе отлогимъ склонамъ. Съ измѣненіемъ покатости склоновъ, то есть съ увеличеніемъ труда при путешествіи, измѣняется и степень этого вліянія. Основаніемъ подобнаго предположенія служитъ:—во первыхъ то, что мы замѣтили, какъ это часто случается въ Альпахъ, что слабость значительно уменьшалась [какъ только мы начинали спускаться. Во вторыхъ, одинъ изъ нашей партии вовсе не чувствовалъ утомленія. Въ третьихъ, когда Фреш菲尔дъ съ товарищами поднимался на восточный пикъ, имѣющій почти одинаковую высоту съ пикомъ, на склонѣ котораго находились мы, то никто изъ нихъ не ощущалъ особенной слабости. Немыслимо конечно допустить, что всѣ шесть человѣкъ,

составлявшіе партію Фрешфильда, а именно—три англичанина. одинъ проводникъ изъ Шамуни и два кавказца,—отличались особенно здоровымъ сердцемъ и легкими. И такъ я склоненъ думать, что сильное изненоженіе, ощущаемое тремя изъ нашей партіи, было слѣдствіемъ путешествія по снѣгу, которое не могло не показаться утомительнымъ для недостаточно подготовленныхъ путешественникъ (out of condition).

Достаточными причинами къ этому были: постоянное пребываніе въ мокротѣ, при усиленной воздержности отъ употребленія какого либо вина, и рѣзкая перемѣна діэты. Только крайне утомленный путешественникъ можетъ отказаться отъ попытки подняться на вершину горы, послѣ того какъ ему удалось уже достигнуть окраины кратера. Небольшой пикъ, какъ я уже упоминалъ, возвышается на сѣверо-восточной части этой окраины; мы подошли къ ней съ юго-востока, вслѣдствіе чего намъ пришлось пройти нѣкоторое разстояніе по внутреннюю сторону окраины; путь однако пролегалъ почти по ровной поверхности. И такъ, мы побѣдоносно направились по снѣгу, который, подобно савану, покрывалъ угасшій вулканъ, представляя въ одномъ мѣстѣ замѣчательно красивую картину, какой мнѣ еще никогда не приходилось наблюдать въ горахъ. Недалеко отъ окраины этой снѣжной полосы возвышалась небольшая вершина, которую вѣтеръ разукрасилъ снѣгомъ въ видѣ лентъ и гирляндъ, чрезвычайно красиво и густо обвивающихъ сверху до низу эту колонну, которую можно принять за жену Лота, допустивъ, что въ день своего несчастія она была въ такомъ праздничномъ нарядѣ. Полюбовавшись этимъ страннымъ видомъ, мы отправились далѣе и вскорѣ подошли къ подошвѣ небольшаго пика, высотою отъ 100 до 150 футовъ. Поднявшись по его отлогому склону, мы очутились на вершинѣ Эльборуса. День былъ замѣчательно ясенъ. На небѣ не виднѣлось ни одного облачка и горизонтъ былъ совершенно чистъ. Едва-ли человѣкъ можетъ желать или надѣяться увидѣть болѣе очаровательную картину, чѣмъ та, которая представилась нашему взору съ высоты этой громадной горы. Находясь на конечности отпрѣсковъ главной цѣпи Кавказскихъ горъ, Эльборусъ занимаетъ очень выгодное положеніе, такъ какъ съ его вершины открывается вся цѣнь Кавказскихъ горъ, подобно тому какъ видна линія баталіи съ флаг-

манского корабля, находящаго впереди. Всѣ высокіе пики предстали передъ нами во всемъ своемъ суровомъ величіи. Вблази возвышался двуглавый гигантъ Учъ-Ба; далѣе слѣдовала цѣпь безчисленныхъ горъ-титановъ; затѣмъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль виднѣлась могущественная вершина Коштанъ-Тау и менѣе высокія горы Дихъ-Тау и Тау-Тетнульдъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ пиковъ, за которыми возвышалась громадная вершина, принятая мною за Казбекъ. Наконецъ, въ весьма далекомъ разстояніи, по направлению къ Персіи, съ трудомъ можно было отличить снѣжный пикъ, по всей вѣроятности вершину Араката. Можетъ быть это было просто бѣлое облачко, хотя однако весьма возможно, что это была дѣйствительно гора Арагатъ, такъ какъ утверждаютъ, что Эльборустъ видѣнъ съ вершины этой горы въ ясную погоду. Къ югу открывались обширныя долины, пересѣкающія главную цѣпь горъ, а къ юго-западу отчетливо выдѣлялось Черное море. Къ сѣверу виднѣлись холмы, покрытые травою и возвышающіеся одинъ за другимъ, подобно морскимъ волнамъ; послѣдній изъ этихъ холмовъ, повидимому, служилъ границей обширныхъ равнинъ Россіи.—Вообще говоря, видъ съ вершины Эльборуса былъ гораздо величественнѣе и лучше, чѣмъ я ожидалъ, и значительно превосходилъ все, видѣнное мною въ теченіи многихъ лѣтъ путешествія по высокимъ Альпамъ. Впрочемъ, не только красота и разнообразіе вида производили на насъ въ данномъ случаѣ сильное впечатлѣніе. Находясь почти на границѣ между Европою и Азіею, невольно приходила въ голову мысль о сравненіи древнихъ, уже отжившихъ расъ съ могущественною, еще совершенно юной страною, громадная будущность которой только теперь начинаетъ признаваться людьми.—Затѣмъ какъ-бы насыщеною надъ ничтожествомъ всего человѣческаго являются здѣсь остатки уже давно потухшихъ вулкановъ, свидѣтельствующіе о тѣхъ громадныхъ циклахъ временъ, передъ которыми даже большие периоды возвышенія и паденія цѣлыхъ царствъ кажутся не болѣе какъ процессомъ пересыпаніемъ песка изъ одной половины песочныхъ часовъ въ другую.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возвращение въ Урусбіеву.—Характеристика кавказцевъ.

Спускъ съ Эльборуса.—Предположение Мура подняться на эту вершину на слѣдующий день съ русскими офицерами.—Спускъ въ долину.—Страсть кавказцевъ къ болтовиѣ.—Вечеръ послѣ восхожденія на гору.—Возвращеніе въ Урусбіеву.—Князь Магомедъ.—Характеристика кавказцевъ.—Сравненіе ихъ со, швейцарскими проводниками въ отношеніи силы и выносливости.—Кавказская одежда.—Возвращеніе русскихъ офицеровъ и Мура.—Ихъ путешествіе на Эльборусъ.—Разсказъ князя Магомеда о громадномъ лѣсѣ.—Его мѣстонахожденіе.—Щекотливый вопросъ между нами и нашими хозяевами.—Прощанье съ ними.

Изъ предъидущаго описанія видно, что восхожденіе на Эльборусъ если и утомительно, то все-же не представляетъ никакихъ затрудненій. Одинъ только склонъ, падающій отъ основанія ущелья до окраины кратера, требуетъ нѣкоторой осторожности со стороны путешественника, хотя мы и здѣсь не встрѣтили никакихъ особыхъ затрудненій. Не знаю какимъ-бы этотъ склонъ показался для человѣка, непривыкшаго путешествовать по снѣгу и льду, такъ какъ трудно судить о тѣхъ способахъ, къ которымъ люди неопытные прибывають для предупрежденія различныхъ препятствій. При нѣкоторой беспечности легко было скатиться съ этого склона, который однако-же въ другое время года и при другихъ обстоятельствахъ представлялъ-бы совершенно иная условія: онъ могъ быть покрытъ голымъ льдомъ или-же гряды скалъ до самой вершины могли быть совершенно обнажены отъ снѣга и льда. Лѣтомъ 1874 года на всѣхъ высокихъ кавказскихъ пикахъ было необыкновенно много снѣгу.

На вершинѣ Эльборуса мы могли пробыть только двадцать минутъ. Относительно ясности воздуха не оставалось ничего болѣе желатель; но вѣтеръ былъ довольно спѣшный, вслѣдствіе чего на вершинѣ высотою 18526 футовъ, по причинѣ страшнаго холода, невозможно было оставаться долго. Одинъ изъ насъ и то уже пострадалъ отъ мороза. Спустившись съ небольшаго пика и направляясь въ тому

мѣсту, откуда мы подошли къ окраинѣ кратера, мы миновали одинъ склонъ и остановились отдохнуть на прежнемъ мѣстѣ нашей остановки, которое, будучи защищено отъ вѣтра, представляло довольно теплое убѣжище. Было около полудня. Начавъ наше восхожденіе на вершину Эльборуса въ часть ночи, мы достигли самой высокой ея точки въ 10 часовъ 40 минутъ утра; слѣдовательно путешествіе это потребовало 9 часовъ 40 минутъ. По всей вѣроятности его можно было совершить и въ болѣе короткій промежутокъ времени, такъ какъ послѣдняя часть нашего восхожденія значительно замедлилась. Мы могли свободно располагать вѣкоторымъ количествомъ времени, а у меня кромѣ того были свои причины не торопиться. Я полагаю, что на восхожденіе вполнѣ достаточно отъ 8 до $8\frac{1}{2}$ часовъ. Спуститься-же съ горы можно очень скоро, какъ мы сейчасъ увидимъ, послѣ того какъ удастся миновать упомянутый склонъ, идущій отъ окраины кратера.

Я уже не сомнѣвался въ томъ, что пикъ, на который мы поднялись, былъ вовсе не тотъ пикъ, на который въ 1868 году подымался Фрешфильдъ съ товарищами. Уокеръ и Гардинеръ раздѣляли мое мнѣніе; сравнивъ наши путевые замѣтки со своими, Фрешфильдъ и Муръ также пришли къ убѣжденію, что вершина, на которой мы находились теперь, вовсе не та, которой имъ удалось достигнуть, и что можно признать за достовѣрный фактъ, что они подымались на восточный, а мы на западный пикъ Эльборуса. Во время путешествія Фрешфильда, западный пикъ былъ совершенно скрытъ за облаками. Судя по пяти-верстной карте, послѣдній изъ этихъ пиковъ превышаетъ первый на 95 футовъ. Я сомнѣваюсь впрочемъ, чтобы между пиками существовала даже и такая незначительная (для 18526 футовъ) разница, такъ какъ во время нашего пребыванія на западной вершинѣ—восточный пикъ казался намъ на одной съ нею высотѣ, и я полагаю, что при болѣе точномъ изслѣдованіи окажется, что оба пика почти совершенно равны. Въ настоящее-же время, за немѣніемъ болѣе точныхъ наблюденій, слѣдуетъ полагаться на пятиверстную карту, какъ на единственную существующую и считать западную вершину на 95 футовъ выше восточной. Отсюда наиболѣе высокая точка другой вершины направлялась на OtS; очевидно однако, что если вершина имѣетъ болѣе или менѣе значительное про-

таженіе, то одинъ румбъ слишкомъ недостаточенъ, чтобы даже приблизительно опредѣлить ея относительное положеніе.

Покинувъ мѣсто остановки у холма, мы легко и быстро спустились по обширнымъ склонамъ. На схожденіе съ горы отъ самой вершины потребовалось всего четыре часа; а такъ какъ свободного времени оставалось еще много, то мы и рѣшились спуститься въ долину.

Два русскихъ офицера прибыли утромъ, вскорѣ послѣ нашего отправленія. Утомленные долгимъ путешествіемъ, они конечно не могли тотчасъ-же снова пуститься въ путь съ надеждою на успѣхъ, или разсчитывать вообще взобраться на болѣе или менѣе значительную вершину, но повидимому судьба благопріятствовала имъ, и погода предвѣщала быть хорошей на слѣдующій день. Вся партія состояла изъ шести человѣкъ различныхъ національностей, а именно: изъ одного англичанина, двухъ русскихъ, двухъ кавказцевъ и одного швейцарца. Подобно намъ, они должны были отправиться въ путь въ часъ ночи, что, конечно, было удобно всѣмъ, кроме несчастнаго Петра Кнубеля, такъ какъ онъ страшно усталъ и не могъ быть увереннымъ, что ему удастся подняться на Эльборусъ. Однакоже онъ обѣщался употребить на это всѣ свои усиія и, по обычаю всѣхъ проводниковъ, улегся спать, хотя было еще очень рано; мы-же направились къ долинѣ, пожелавъ Муру и его товарищамъ хорошаго успѣха. Но, къ сожалѣнію, счастье, преслѣдовавшее насъ, измѣнило имъ. Необыкновенная ясность и прозрачность воздуха, дозволявшая видѣть предметы на большомъ разстояніи, были предвѣстниками скорой перемѣны. На слѣдующій день погода сдѣлалась пасмурною и на пикахъ Мянги-Тау поднялся сильный вѣтеръ. Мы бродили по долинѣ и, отставъ отъ моихъ товарищѣй, я присоединился къ нашимъ носильщикамъ, вмѣстѣ съ которыми мы замѣчательно единодушно выбирали самую отвратительную дорогу.—Пройдя часть долины, мы встрѣтили двухъ изъ нашихъ людей, посланныхъ за привизію на ихъ обратномъ пути къ мѣstu остановки. Разлученные въ теченіи шести или восьми часовъ со своими товарищами, они необходимо нуждались помынаться мыслями другъ съ другомъ, для чего и разсѣлись на траву; сначала нѣкоторое время всѣ говорили вмѣстѣ, не исключая и меня, такъ какъ я рѣшился прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ надеждѣ, что она подѣйствуетъ на болтуновъ, но оказалось,

что это было равносильно постыдиться заставить, по примеру Орфея, запеть деревья. Громкий разговор, по мнению кавказцевъ, привыкшихъ считать болтовню самой приятной вещью въ свѣтѣ, свидѣтельствуетъ только объ особенно хорошемъ расположениіи человѣка, который въ данномъ случаѣ уподобляется собакѣ, лающей отъ удовольствія, когда ее выпускаютъ погулять. Поэтому, каждый разъ какъ я повышалъ голосъ на носильщиковъ, они умолкали на минуту и обращались ко мнѣ съ самой милой и привлекательной улыбкою, какъ бы желая показать мнѣ, что они очень рады, что я также говорю, хотя и сожалѣютъ, что я не могу принять участія въ общей бесѣдѣ. Тогда я рѣшился отправиться одинъ. Сбившись съ прямаго пути, следовать которому было довольно трудно, мнѣ однако удалось найти другую дорогу и, побродивъ немного по опаснымъ склонамъ, а затѣмъ перейдя рѣку, я пришелъ на видъ небольшой хижинѣ, отъ которой подымался дымокъ. Войдя въ хижину, я засталъ тамъ Уокера и Гардинера только что прибывшими; очаровательный Лавель занимался уже стряпнею, а добрый деревенскій староста и молодой Измаиль следили за его работою. Откуда взялись эти послѣдніе — мы не знали, но замѣчательно, что всѣ члены этой семьи обладали способностью исчезать вдругъ и затѣмъ снова появляться, когда ихъ вовсе не ожидаешь.

Поднятіе на большую гору не имѣть особенно важнаго значенія и ни въ какомъ случаѣ не даетъ человѣку права считать себя лучше другихъ, подобно знанію греческаго языка или знатному происхожденію; тѣмъ не менѣе, вечеромъ, послѣ поднятія на высокую гору, испытываешь ощущеніе восторга, какъ будто удалось совершить какое нибудь великое дѣло. Является сознаніе того, что значительная часть труда выполнена и что отыхъ, слѣдующій обыкновенно за совершеніемъ какого либо важнаго дѣла, вполнѣ заслуженъ. По всей вѣроятности, одною изъ главныхъ причинъ привлекательности путешествій въ горахъ служитъ то, что они представляютъ собою въ миниатюрѣ картину громадныхъ человѣческихъ успѣй. Человѣкъ, поднимающійся на гору, долженъ сосредоточить всю свою энергию, чтобы достигнуть вершины, долженъ во чтобы то ни стало преслѣдовать свою цѣль до конца, до вполнѣшаго истощенія своихъ силъ; несмотря ни на какія неудобства, утомленіе п

даже страданія, онъ не долженъ и помышлять о томъ, чтобы вернуться назадъ, пока есть хотя малѣйшая возможность идти впередъ. Всякое, даже минутное колебаніе должно быть инстинктивно противно путешественнику, какъ по всей вѣроятности оно противно людямъ, дѣйствительно жаждущимъ успѣха въ какомъ нибудь важномъ предпріятіи. Такимъ образомъ и мы въ этотъ вечеръ ощущали въ миниатюрѣ ту радость, которая необходимо слѣдуетъ за каждымъ болѣе или менѣе значительнымъ успѣхомъ, хотя наше самодовольство и было нѣсколько возмущено однимъ обстоятельствомъ. Въ началѣ нашего путешествія, мы рѣшили, что каждый изъ насъ самъ на своихъ плечахъ долженъ нести свою постель; но это хорошее намѣреніе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ мы поручали ихъ проводникамъ или же навьючивали на лошадей. Въ этотъ вечеръ багажъ нашъ находился у болтуновъ, оставленныхъ мною на склонѣ горы, и мы не знали, когда они появятся и появятся ли еще въ эту ночь. Отдыхъ-же на холодномъ, да притомъ еще болотистомъ, грунтѣ гораздо пріятнѣе въ разсказѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Черезъ два часа послѣ моего прихода появились однако и носильщики, готовые, по крайней мѣрѣ на словахъ, продолжать путь.

На слѣдующій день мы встали на разсвѣтѣ и вскорѣ уже были на обратномъ пути къ Урусбіевой; здѣсь намъ пришлось проходить по прелестнымъ лѣсамъ, пересѣчь шумящій потокъ и снова любоваться изъ боковыхъ долинъ очертаніями повидимому недоступныхъ пиковъ. Мы остановились не надолго въ одномъ мѣстѣ, чтобы насладиться величественнымъ видомъ западной оконечности Тенгсоруна, имѣющаго для верхней долины Баксана такое-же значеніе, какое гора Брейтгорнъ имѣеть для долины St. Nicolas-Thal.—За лѣсомъ слѣдовали луговые пространства, миновавъ которыхъ мы подошли къ хутору, чтобы выпить кислого молока за здоровье любезнаго хозяина. Жена его прогуливалась взадъ и впередъ по крышѣ дома, разодѣтая въ желтую шелковую кофту; старшая-же дочь, прелестный ребенокъ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, вышла къ намъ вмѣсть съ хозяиномъ почти безъ всякой одежды. — Осушивъ чашу, мы распостились съ добродушнымъ отцомъ дѣвочки и продолжали нашъ путь по долинѣ, пересѣкли старую морену и въ часъ были уже въ

Урусбіевої. Утро было прекрасное,—прекрасное по крайней мѣрѣ въ долинѣ,—но ясности прошлого дня не было и слѣда. Кучевые облака, предвестники дурной погоды, носились по небу съ особенной быстротою, что свидѣтельствовало о сильномъ вѣтрѣ въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Не успѣли мы добраться до Урусбіевой, какъ начался небольшой дождь. День казался переходнымъ въ дурной погодѣ, но пока еще повидимому можно было подняться на гору, и мы надѣялись, что Муру и его спутникамъ удастся достигнуть вершины Эльборуса до наступленія дурной погоды. Вѣтеръ однако какъ будто усиливался, и мы побаивались, что имъ придется пострадать отъ него при схожденіи съ горы, такъ какъ сильный вѣтеръ на горѣ, подобной Эльборусу, производить страшный холодъ.

Любезный староста и молодой князь Измаилъ отправились впередъ, чѣмъ дали поселянамъ возможность достаточно приготовиться для своихъ усердныхъ наблюдений надъ иностранцами. Обычная толпа послѣдовала за нами въ домъ и смотрѣла на насъ съ такимъ напряженнымъ любопытствомъ, какъ будто мы сейчасъ въ первый разъ только появились въ деревнѣ. Подобнымъ образомъ намъ уже въ Бензинги пришлось убѣдиться, что вторичное появленіе послѣ нѣкотораго отсутствія еще болѣе возбуждаетъ, если это только возможно, вниманіе туземцевъ. Поселяне интересовались Эльборусомъ, такъ какъ разговоръ ихъ былъ особенно оживленъ, причемъ постоянно повторялось слово Минги-Тау. Къ намъ въ комнату вошелъ староста, котораго намъ не пришлось видѣть прежде. Это былъ Могаммедъ, младшій братъ старшаго Измаила, одинъ изъ трехъ урусліевскихъ князей; онъ возвратился во время нашего отсутствія. Подобно всѣмъ мѣстнымъ деревенскимъ аристократамъ,—это былъ человѣкъ очень пріятной наружности, котораго даже кавказцы считали красивымъ. Его очень занимало все, что касалось Эльборуса, о которомъ онъ, повидимому, зналъ болѣе, чѣмъ другіе жители Урусбіевої, хотя самъ никогда и не пытался подыматься на эту гору. Онъ оставался у насъ недолго, такъ какъ, обладая тактомъ, не всегда встрѣчающимся даже и у болѣе образованныхъ людей, онъ отлично видѣлъ, что мы были утомлены и нуждались въ отдыхѣ. Собираясь уйти, онъ граціозно поклонился намъ по восточному обычая и сказалъ: «Я очень сожалѣю, что меня не было здѣсь во время вашего

пребытія,— я-бы конечно попросилъ васъ окажать мнѣ честь войти въ мой домъ». Подобная рѣчъ по меньшей мѣрѣ была очень любезна, по всей вѣроятности она была и искренна, такъ какъ, подобно двумъ другимъ братьямъ, и этотъ староста казался очень милымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ.

Посѣщеніе этого благороднаго старосты навело меня на разсужденія о странномъ характерѣ расы, среди которой мы находились. Дѣйствительно, много интереснаго представляютъ эти жители сѣверо-западнаго Кавказа, ведущіе самую первобытную жизнь, хотя и далеко ушедшіе отъ варварства; это просто пастушеская раса, которой жители Запада кажутся тѣмъ же, чѣмъ намъ кажутся существа, населяющія другую планету. Краткій очеркъ всего, что поражаетъ путешественника и можетъ служить до нѣкоторой степени характеристикой народа, осужденнаго въ скромъ времени подпасть подъ вліяніе цивилизаціи, я полагаю, не будетъ излишнимъ. Народъ этотъ замѣчательенъ во многихъ отношеніяхъ; его добродушіе и хороший нравъ, вполнѣ отсутствіе въ немъ ненависти и подозрительности— должны быть вполнѣ оценены путешественникомъ, который если иногда и возмущается крайнимъ его любопытствомъ, то тѣмъ не менѣе долженъ считать себя вполнѣ счастливымъ, если кромѣ этого ему не на что больше жаловаться въ такой дикой странѣ, где путешественники встречаются рѣже, чѣмъ акулы въ Англійскомъ каналѣ. Гостепріимство и любезность старшинъ я уже пытался описывать раньше, и я надѣюсь, что хлопоты прелестной, невидимой княгини Безинги, въ отсутствіи ея мужа, отлично свидѣтельствуютъ о томъ, насколько строго соблюдаются на Кавказѣ принятые традиціи относительно гостепріимства, вліяніе которыхъ сказалось также и на стараніяхъ юнаго Измапла принять иностранцевъ по возможности лучше. Еще большаго восхищенія заслуживаетъ вполнѣ отсутствіе въ средѣ этого сѣвернаго народа воровства и разнаго рода насилий и жестокостей, въ особенности при сравненіи его съ племенами, живущими по южную сторону цѣпи Кавказскихъ горъ. Во все время нашего пребыванія въ долинахъ сѣверо-западнаго Кавказа, у насъ не было украдено ничего, хотя нѣкоторыя вещи нашего небольшаго багажа и должны были казаться весьма соблазнительными для туземцевъ. Опасаться здѣсь кабихъ набудь жестокостей

кажется не приходится. Правда, жители сохранили некоторые обычай прежнихъ воинственныхъ временъ, такъ напримѣръ они почти постоянно носятъ при себѣ большой кинжалъ, а иногда даже и пистолетъ; но мнѣ не удавалось слышать, чтобы кто нибудь изъ нихъ употребилъ свое оружіе для какой нибудь болѣе жестокой цѣли, какъ убіеніе козы; пистолетъ же, какъ намъ показалось, они носятъ только на показъ. Мнѣ случилось наблюдать нѣсколько горячихъ ссоръ, но никогда я не видаль, чтобы кто нибудь изъ противниковъ обнажилъ свое оружіе. Такимъ образомъ, изъ тѣхъ наблюдений, которыхъ я могъ сдѣлать надъ жителями сѣверо-западнаго Кавказа, я долженъ заключить, что это совершенно мирный народъ и замѣчательно честный, на сколько дѣло касается воровства.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что эта страна Аркадія, или что эти пастухи и охотники переживаютъ золотой векъ.—Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти-же самые кавказцы являются обманщиками и довѣрять имъ вполнѣ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ. Во-первыхъ, они страшно лѣнивы; сильные и здоровые по большей части, способные совершить трудную работу безъ малѣшаго утомленія, они являются несносными во время путешествія по причинѣ ихъ крайне частыхъ и продолжительныхъ остановокъ.—Ихъ медлительность и постоянныя отлагательства просто возмутительны. Вслѣдствіе этого очень трудно путешествовать съ кавказскими проводниками. Они постоянно находятъ различные поводы къ остановкамъ. Не все-ли равно отправиться черезъ часъ или теперь, въ полдень или утромъ, завтра или сегодня: такова ихъ логика при началѣ каждого путешествія.

Иногда они прибѣгаютъ къ самымъ ребяческимъ глупымъ уловкамъ и вранью, чтобы хоть ненадолго избавиться отъ труда; такъ напримѣръ, чтобы закончить дневное путешествіе еще въ разгарѣ дня, они увѣряютъ, что они достигли уже предполагаемаго мѣста ночевки. Они отлично знаютъ, что настоящее мѣсто остановки находится гораздо дальше и что такимъ образомъ упущенныя часы они должны будутъ вознаградить на слѣдующій день, но это ихъ нисколько не смущаетъ,—только бы въ настоящее время не работать. Затѣмъ, при подобныхъ столкновеніяхъ, какъ наемъ проводниковъ, лошадей, покупка провизіи, кавказцы всегда пытаются воспользово-

ваться незнаніемъ путешественника и взять съ него по возможности дороже. Интересно однако знать, существуетъ ли хотя одинъ народъ образованный, полуобразованный или дакій, о которымъ нельзя было бы сказать того-же. Въ этомъ отношеніи всѣ люди равны. Описанія различныхъ путешествій свидѣтельствуютъ о жадности варваровъ, тогда какъ газеты зачастую наполнены заявленіями о торговыхъ злоупотребленіяхъ. Несправедливо слѣдовательно нападать на бѣдныхъ кавказцевъ за желаніе получить возможно большую плату за свой трудъ и имущество, такъ какъ повсюду мы видимъ то же самое. Обманъ вирочемъ рѣдко доходитъ до слишкомъ большихъ размѣровъ; старости же никогда не прибѣгаютъ къ нему. Въ одномъ только мѣстечкѣ, а именно въ Учъ-Куланѣ, намъ пришлось значительно потерпѣть отъ подобныхъ злоупотребленій, но сдѣланный мною краткій очеркъ ни въ какомъ случаѣ не относится къ жителямъ этой деревни, представлявшимъ дѣйствительно шайку мошенниковъ. Изъ моего личнаго опыта и изъ всего, что мнѣ приходилось слышать объ обитателяхъ сѣверо-западнаго Кавказа, я убѣдился, что жители Учъ-Кулана составляютъ жалкое исключение изъ общаго мѣстнаго типа и что ихъ ни подъ какимъ предлогомъ нельзя принимать за образецъ.

Жители сѣвернаго Кавказа отличаются своимъ громаднымъ ростомъ, силою и граціозною, эластичною поступью, которая является слѣдствиемъ здороваго и хорошо развитаго организма. Они обыкновенно очень стройны; во все времена нашего пребыванія въ сѣверной части Кавказа, мнѣ пришлось встрѣтить только одного толстаго мужчину, но и тотъ былъ священникъ, и слѣдовательно принадлежалъ къ классу людей, который почти повсюду считается наиболѣе жирнымъ. Употребленію преимущественно мясной пищи кавказцы обязаны своей стройностью, придающей имъ особенную красоту. Судя по страшной лѣнотѣ кавказцевъ, очень трудно составить себѣ понятіе о ихъ силѣ и степени ихъ выносливости. Швейцарскій проводникъ, останавливающійся также часто во время путешествія, конечно, не могъ-бы считаться достойнымъ представителемъ своей расы, но относительно кавказцевъ всѣ мы были того мнѣнія, что подобная частыя остановки были слѣдствиемъ лѣноты, а не изнеможенія. Одинъ или два раза, когда они дѣйствительно были въ расположе-

нії сдѣлать большой переходъ, оставалось удивляться только ихъ неутомимости, такъ напримѣръ при переходѣ изъ Безинги они превзошли швейцарцевъ своею выносливостью. Тѣ, кому приходилось путешествовать въ Альпахъ, знаютъ, какое громадное количество пищи требуютъ швейцарскіе проводники и какъ они изнуряются въ случаѣ неправильного полученія ея. Кавказцы же, далеко опередившие дикихъ, сохранили однакоже свойственную этимъ послѣднимъ способность совершать большиіе переходы безъ пищи. При необходимости, они могутъ идти цѣлый день безъ крошки хлѣба, и послѣ подобной прогулки не будуть казаться изнуренными или даже слишкомъ голодными. Такъ, напримѣръ, два проводника лошадей, нанятые нами отъ Урусбіевой до Учъ-Кулана, отправились не позавтракавъ и въ теченіи двѣнадцати-часовой ходьбы не ёли ничего, кроме средней величины ломтика сыру. Добравшись до мѣста ночевки, они вовсе не обнаружили обжорливости и, приготовивъ намъ все, что было нужно, они поболтали еще, пока Пашель стряпалъ для насъ, затѣмъ уже они, нисколько не торопясь, стали приготавлять и себѣ пищу. Говоря о силѣ кавказцевъ, слѣдуетъ помнить, что они вовсе не привычны къ большимъ переходамъ. Почти всѣ они, за исключеніемъ самыхъ бѣдаыхъ, имѣютъ лошадей, и по всему Кавказу вообще принято путешествовать верхомъ. И таѣ, что касается навыка путешествовать пѣшкомъ, то въ этомъ отношеніи кавказцевъ нельзя сравнивать съ жителями гористыхъ странъ Западной Европы.

Вообще я пришелъ къ заключенію, что кавказцы хотя часто и кажутся слабыми, вслѣдствіе ихъ страшной лѣности, тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ люди дюжіе, едва-ли уступающіе въ силѣ жителямъ Шотландіи и Швейцаріи, и превосходящіе тѣхъ и другихъ своею способностью совершать большую трудную работу, не подкрепляя себя пищею. Этотъ фактъ заслуживаетъ еще большаго вниманія, если принять въ соображеніе, что кавказцы не употребляютъ никакихъ спиртуозныхъ напитковъ. Если только алкоголь дѣйствительно вреденъ, то въ этомъ отношеніи кавказцы освобождены отъ одного могущественнаго врага здоровья и продолжительности жизни человѣка. Ихъ діета, лишенная, какъ я уже сказалъ, алкоголя и саха-

ра, конечно, значительно разнится отъ того, что мы встречаемъ на Западѣ.

Съ вопросомъ о діэтѣ тѣсно связанъ вопросъ объ одѣждѣ, относительно которой кавказцы, повидимому съумѣли соединить изящество съ полезностью; національный костюмъ ихъ и красивъ, и удобенъ; различаясь по материалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, кавказскій костюмъ почти у всѣхъ одного покроя и состоитъ главнымъ образомъ изъ длиннаго кафтаны, спускающагося ниже колѣна, съ перевязью на груди для патронташа съ порохомъ и пулями. У богатыхъ эти патронташи дѣлаются изъ серебра. Подъ кафтанъ обыкновенно одѣвается короткая одѣжда или блузы, шаровары, на подобіе knicker-bockers, и штиблеты изъ тонкой кожи. Башмаки ихъ особеннаго фасона: они дѣлаются изъ тонкой кожи и зашнуровываются подъ ступнею, что кавказцы дѣлаютъ очень ловко, подкладывая внизъ сѣно или траву. Постоянное поправленіе этой неудобной обуви служитъ одной изъ причинъ частыхъ остановокъ и замедленій во время ходьбы. Шапка составляетъ папболѣ замѣчательную часть кавказскаго костюма. Чаще всего употребляется шапка, состоящая изъ широкой барашковой опушки и матерчатаго верха. Этотъ теплый и тяжелый головной уборъ почти никогда не снимается, даже при входѣ въ домъ. Одинъ или два раза, когда мы снимали шляпу, старости подражали намъ изъ желанія показаться не менѣе настъличными, но по той неловкости, съ какою они это дѣлали, было очевидно, что подобное выраженіе вѣжливости не было въ ихъ обычаяхъ. Кавказцы-магометане обыкновенно совершенно коротко обстригаютъ волоса или даже брѣютъ голову. Осталось описать одну выдающуюся часть кавказскаго костюма, а именно: бурку, защищающую отъ дождя и холода, и въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, не уступающую никакимъ подобнаго рода извѣліямъ Запада. Эта прелестная верхняя одѣжда имѣеть форму громадной мантіи и дѣлается изъ толстой грубой бараньей шкуры, босматой снаружи, гдѣ оставлена шерсть. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ дождь не въ состоянии промочить бурку насквозь, такъ какъ вода стекаетъ внизъ по верхней сторонѣ мѣха, а шкура такъ толста, что человѣкъ въ ней спокойно можетъ спать на землѣ безъ всяаго опасенія сырости, такъ вредно вліяющей ночью на здоровье охотниковъ и путеше-

ственниковъ. Я полагаю, что лучшимъ разрешениемъ вопроса относительно верхней одежды для солдатъ, которая-бы въ одно и то же время была тепла, непромокаема и удобна, было-бы введеніе въ рядахъ войскъ плащей, подобныхъ буркамъ, вместо плохо защищающихъ и крайне неудобныхъ макинтошей. Должно замѣтить однако, что бурка довольно тяжела.

Покончивъ съ одеждой, я долженъ сказать насколько словъ и объ оружіи. Кавказцы почти всегда вооружены. Еще вблизи Кутаиса многие туземцы не носятъ при себѣ кинжала, но по съверную сторону кряжа нигдѣ мы не встрѣчали человѣка безъ этого оружія. Обыкновенно кинжалъ спускается отъ самой средины талии, что очевидному должно быть очень неудобно, но «привычка вторая натура» и слѣдовательно то, что смущало-бы англичанина, никакъ не беспокоитъ кавказца. Туземцы очень любятъ красивые кинжалы, цѣнность которыхъ часто обозначаетъ у нихъ общественное положеніе людей. Такъ, богатый староста носитъ кинжалъ съ серебряными ножнами и рукояткою, украшенными чернью; кинжалы болѣе бѣдныхъ поселянъ не такъ роскошны, а кинжалы самыхъ бѣдныхъ людей и вовсе безъ украшеній. Перевязь, на которой висить кинжалъ, иногда тоже изъ серебра. Перевязи эти изготавливаются въ Тифлісѣ и, украшенные чернью, подобно ножнамъ и рукояткамъ, довольно изящны. Иногда, но не часто, жители съверныхъ долинъ носятъ пистолеты. Ружья здѣсь также въ большомъ употребленіи.

Теперь я намѣремъ вернуться къ моему разсказу, который я оставилъ на время, чтобы дать краткій очеркъ жителей съверного Кавказа. Около трехъ часовъ пополудни, когда по нашему расчету Муръ съ товарищами должны были спускаться съ послѣднихъ склоновъ Эльборуса на обратномъ пути съ вершины, Берновъ, сопровождаемый Квиткою, вѣхали въ деревню и сообщили намъ о постигшей ихъ непоправимой неудачѣ. Вотъ въ краткихъ словахъ то, что они и Муръ по своемъ прибытии, передали намъ. Два русскихъ офицера, Муръ, двое кавказскихъ старостъ, охотникъ Axia и Петръ Кнубель покинули мѣсто остановки въ часъ ночи, чтобы начать восхожденіе на Эльборусъ, несмотря на зловѣштій вѣтеръ; ночь однако была ясна. Достигнувъ окраины громаднаго снѣжнаго поля, они увидѣли, что оба пика горы были покрыты чѣмъ-то, что они сначала

приняли за облако. Разсчитывая, что оно разсвѣтится къ восходу солнца, они стали подниматься выше. Пройдя по глетчеру около двухъ часовъ, русскіе офицеры не въ состояніи были болѣе бороться съ постоянно успливающимъ изнеможенiemъ и должны были остановиться отдохнуть. Въ этомъ конечно нѣть ничего особеннаго, таکъ какъ путешествіе по снѣжнымъ склонамъ на значительной высотѣ крайне утомительно для людей непривычныхъ. Русскіе офицеры, эти отличные и храбрые наѣздники, могущіе пробыть на сѣдлѣ въ теченіи четырнадцати или пятнадцати часовъ, оказались неопытными въ путешествіяхъ по горамъ, и изнеможеніе сказалось на нихъ такъ сильно, что наконецъ они положительно не въ состояніи были идти далѣе и принуждены были вернуться назадъ, тогда какъ Муръ, кавказцы и Петръ Каубель продолжали восхожденіе. Но въ этотъ день вершина Минги-Тау оказалась одинаково недоступною для всѣхъ. Съ приближеніемъ разсвѣта, кажущееся облако распространялось все болѣе и болѣе по склону горы, и, при восходѣ солнца, Муръ увидѣлъ, что это было впчто иное какъ снѣжный вихрь и что на верхнихъ областяхъ Эльборуса господствуетъ страшная буря. Муръ и его спутники подошли къ самому вихрю, но такъ какъ пробраться черезъ него не было никакой возможности и въ случаѣ попытки зайти въ его предѣлы можно было рисковать совсѣмъ не вернуться обратно, то оставалось только разстаться съ мыслью о дальнѣйшемъ поднятіи и начать спускаться съ горы, что они и сдѣлали. Странно, что въ то время, когда на Эльборусѣ господствовала такая сильная буря, остальная часть цѣпи была ясна, и путешественники съ значительной высоты могли видѣть лежащія внизу долины, какъ будто дурная погода была только на одной этой вершинѣ. Можетъ быть, благодаря большой высотѣ и открытому положенію, Эльборусъ действительно болѣе другихъ пиковъ подверженъ вліянію бурь. Въ то время, когда Муръ и его спутники спустились въ долину, небо покрылось густыми облаками и попалъ сильный дождь, прежде чѣмъ они успѣли добраться до Уруслбіевой.. Муръ, пришедшій пѣшкомъ, явился вскорѣ послѣ Бернова и Квитки, и намъ оставалось только приготовиться къ отправленію на слѣдующій день рано утромъ, такъ какъ, за недостаткомъ времени, невозможно было сдѣлать вторичной попытки подняться на Минги-Тау. Одинъ изъ вожаковъ ло-

шадей, изъ Кунима, выразилъ желаніе сопровождать насъ до Учъ-Кулана, а другаго проводника съ лошадью мы наняли въ Уруслевої, и такимъ образомъ разсчитывали встать утромъ на разсвѣтъ, а пока съ терпѣніемъ выносили докучливые взоры толпы, собравшейся взглянуть на насъ въ послѣдній разъ.

Вечеромъ зашелъ къ намъ Магомедъ съ цѣлью поболтать на прощаніи и съ любезностью, свойственною его семье, серьезно просилъ насъ побывать въ Уруслевої. «Вблизи этой долины», говорилъ онъ, «есть чѣмъ полюбоваться; недалеко отсюда много дичи. Между Сванетію и Карабайской страною находится величественный лѣсъ, наиболѣе замѣчательный изъ всѣхъ когда либо видѣнныхъ мною лѣсовъ. Деревья въ немъ громадны, а цвѣты, образующіе мѣстами сплошные ковры, удивительно красивы. Кроме того, лѣсъ изобилуетъ дичью; тамъ въ большомъ количествѣ водятся олени, кабаны, дикия козы и серны*). Хорошій охотникъ можетъ легко настрѣлять много дичи. Въ теченіи лѣта отсюда постоянно отправляются въ этотъ лѣсъ двое или трое охотниковъ».

Я.—А есть тамъ строенія и жители?

Магомедъ.—Нѣтъ; это совершенно пустынная мѣстность. Отираясь туда, человѣкъ долженъ запастись всѣмъ, что ему нужно, за исключеніемъ дичи, которой онъ можетъ настрѣлять. Вы-бы пришли въ восторгъ отъ этого дѣйствительно очаровательнаго лѣса.

И въ самомъ дѣлѣ, что это была за прелестная картина! Громадный первобытный лѣсъ, очень красивый и изобилующій дичью; мѣсто, где можно вести самую идеальную пастушескую жизнь, странствуя изо дня въ день подъ безконечными сводами громадныхъ деревьевъ, не встрѣчая ни одного человѣка, за исключеніемъ нѣсколькихъ спутниковъ, и наслаждаясь чуднымъ уединеніемъ лѣса. Къ со-жалѣнію, изъ неясныхъ показаній Магомета мы не могли составить понятія относительно точнаго положенія этого лѣса. По его словамъ лѣсъ находился между Сванетію и Карабайской страною, но такъ какъ эти двѣ мѣстности отдѣляются главной цѣпью горъ, то я не могъ уяснить себѣ, — на южномъ или на сѣверномъ склонѣ горъ

*) Сами мы не видѣли сернъ на Кавказѣ, но по всей вѣроятности ихъ тамъ много.

находится этот лесъ. Чтобы попасть въ него, нужно было пройти съговой проходъ, который однако могъ пролегать, какъ черезъ отпрыски горъ, соединяющихъ Эльборусъ съ главной цѣпью, такъ и черезъ самую эту цѣпь. Ясно было одно, что пробраться въ этотъ лесъ изъ Урусбіевой стоило немногихъ трудовъ, а при тщательномъ изслѣдованіи карты, послѣ бесѣды съ Магомедомъ, я убѣдилъся, что онъ говорилъ о долинахъ, лежащихъ западнѣе рѣки верхняго Ингуря, мѣстности, повидимому незаселенной и покрытой величественнымъ лесомъ. Слѣдуетъ надѣяться, что вскорѣ путешествующіе по западному Кавказу попытаются проникнуть и въ эти прелестные уединенные леса, которые должны быть на столько-же заманчивыми для изслѣдователя, на сколько они полны обѣщаній для охотника.

Вниманіе наше въ это время было отвлечено отъ этой дивной, по словамъ Магомеда, страны вопросомъ гораздо болѣе щекотливымъ, чѣмъ опредѣленіе мѣстоположенія и границъ.—Въ качествѣ гостей сначала любезнаго деревенскаго старосты, а затѣмъ старшаго его брата, мы истребили у нихъ большое количество хлѣба и мяса и выпили много кувшиновъ кислаго молока (*bumpers*); одной благодарности за подобный приемъ намъ казалось слишкомъ мало; здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ нашего пребыванія, мы хотѣли вознаградить хозяевъ такъ, чтобы они не были въ убыткѣ; но старосты Урусбіевой считались людьми высокопоставленными—и вопросъ объ уплатѣ имъ сильно смущалъ насъ. Еслибы англичанинъ, остановившійся на время въ какомъ нибудь помѣстїи, счелъ-бы своимъ долгомъ отблагодарить хозяина, то онъ по всей вѣроятности очутился бы въ крайне неловкомъ положеніи и конечно пожалѣлъ-бы, что при немъ нѣтъ ящика съ виномъ или ружья, которое онъ могъ-бы предложить въ подарокъ вмѣсто объявленной денежной платы. Въ подобномъ-же положеніи находились и мы: опасаясь, что старшины не захотятъ брать денегъ, мы, въ сожалѣнію, ничего больше не могли предложить имъ, такъ какъ мы ограничили нашъ багажъ насколько было возможно, не подумавъ при этомъ, что необходимо захватить нѣсколько подарковъ. Наконецъ, кое какъ намъ удалось составить подарокъ. Муръ пожертвовалъ свой пистолетъ, въ которому мы присоединили два ножа о восьми клинкахъ и нѣсколько рублей, вполнѣ

разсчитывая, что первые два подарка сдѣлаютъ безобиднымъ и послѣдний. Но на дѣлѣ вышло иначе, какъ это видно изъ слѣдующаго разговора между старостами, пришедшими проститься, и нашимъ представителемъ Павломъ:

Павелъ. — Моя господа приказали мнѣ поблагодарить васъ за вашу любезность, за помѣщеніе и гостепріимство. Они очень обязаны вамъ и никогда не забудутъ вашей доброты. Въ знакъ благодарности они просятъ васъ принять эти вещи.

Староста.—Мы счастливы уже тѣмъ, что ваши господа побывали у насъ, и не требуемъ никакого вознагражденія за свои труды. У насъ нѣтъ обычая брать деньги съ нашихъ гостей. Все, предложенное нами предлагалось изъ расположенія, а не ради платы. Если ваши господа пожелають подарить намъ что нибудь на память о ихъ посѣщеніи, то мы готовы принять подобные подарки, такъ какъ мы уважаемъ вашихъ господъ, считаемъ ихъ своими друзьями, и съ удовольствиемъ будемъ хранить подарки, могущіе служить воспоминаніемъ о нихъ и о ихъ пребываніи съ нами. Денегъ-же мы не возьмемъ. Это не въ нашихъ обычаяхъ.

Павелъ.—Господа очень благодарны за вашу любезность, но они отлично знаютъ, что пребываніе ихъ здѣсь доставило вамъ много хлопотъ; что слуги ваши были въ это время заняты болѣе обыкновенного и вы должны были посыпать за провизіею. Всѣдѣствіе этого, они просятъ васъ вмѣстѣ съ подарками принять и эти деньги, не какъ плату, но для того только, чтобы не быть въ убыткѣ отъ ихъ посѣщенія.

Староста.—Мы не принимаемъ денегъ. У насъ нѣтъ обычая брать плату съ нашихъ друзей.

Очевидно, они считали предосудительнымъ принять деньги; но намъ однако удалось заставить ихъ взять предлагаемые нами рубли, такъ какъ наши подарки не въ состояніи были вознаградить ихъ за все, что они для насъ сдѣлали, а послѣ того, какъ мы опустошили ихъ кладовья, намъ было бы непріятно не отплатить имъ какъ слѣдовало. Когда наконецъ это щекотливое дѣло было уложено, старшій братъ на прощанье обратился къ Муру съ слѣдующей рѣчью:—«Если вы вздумаете побывать здѣсь еще, то помните, что въ вашемъ услугамъ мой домъ, которымъ вы можете располагать какъ своимъ:

что во мнѣ вы всегда встрѣтите друга, и я смотрю на васъ какъ на брата». Затѣмъ мы пожали руки любезнымъ и гостепріимнымъ старостамъ, которые такъ заботились о насъ во время нашего пребыванія въ Уруслбіевой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Зеленая страна къ сѣверу отъ Эльборуса.

Отправлениe изъ Уруслбіевой.—Безполезная лошадь.—Долина Квирика.—Дурная погода.—Странная долина.—Пастухи.—Кавказскія собаки.—Первобытная палатка.—Горкій хлѣбъ составляетъ роскошь.—Мѣсто почевки.—Путешествіе на слѣдующее утро.—Истоки Малки.—Орлы.—Вулканическія горы.—Громадный склонъ къ сѣверу отъ Эльборуса.—Солнечный источникъ.—Прощанье нашего спутника изъ Кунима.—Религіозное чувство жителя Уруслбіевой.—Вершина у конца склона.—Исчезновеніе тропинки.—Долина Худесь-Су.—Оставленныя хижини.

На слѣдующее утро (30 іюля) погода была прекрасная, хотя по небу и носились съ замѣчательной быстротою легкія облачка. Простившись съ русскими офицерами, остановившимися въ домѣ Магомеда и вставшими пораньше съ цѣллю проводить насъ, мы покинули деревню въ семь часовъ и направились къ долинѣ Квирика, лежащей въ небольшомъ разстояніи отъ Уруслбіевой, по направленію отъ NStW къ ТО. Съ нами было двѣ выючныхъ лошади; вожакомъ одной изъ нихъ былъ житель Кунима, пришедший оттуда съ нами вожакомъ, другой—дюжій житель Уруслбіевой, сопровождавшій насъ къ Эльборусу. На путешествіе до Учь-Кулана, куда мы направлялись теперь, требовалось, какъ намъ сказали, два дня верховой ѿзды и отъ двухъ до трехъ дней ходьбы.

Боковая долина, по которой мы должны были идти, чтобы подняться на Сультру, соединяется съ долиною Квирика въ небольшомъ разстояніи выше Уруслбіевой; за этимъ соединеніемъ нашъ путь про-

легалъ почти по ровной поверхности, такъ какъ повышеніе долины было едва замѣтно. Здѣсь, въ самомъ началѣ нашего путешествія, одно непріятное обстоятельство заставило насъ остановиться. Лошадь, принадлежавшая жителю Кунима, стала нѣкоторымъ образомъ злоупотреблять своимъ продолжительнымъ отдыхомъ въ Урусбіевѣ и, останавливаясь приблизительно послѣ каждыхъ двадцати шаговъ, ясно доказала, что она вовсе не желаетъ везти свой небольшой выюкъ до Учъ-Кулана. Такимъ образомъ мы должны были ждать пока житель Урусбіевой сходитъ обратно въ деревню за другою лошадью и вожакомъ, что ему впрочемъ удалось сдѣлать удивительно скоро. Новый нашъ спутникъ былъ высокій, чрезвычайно красивый старикъ; наружность его казалась еще поразительнѣе отъ громаднаго пистолета, величиною въ два фута, который былъ замѣчательно красивъ, хотя, какъ я впослѣдствіи убѣдился, весьма неудобенъ для употребленія; десять минутъ требовалось, чтобы только зарядить его; затѣмъ, чтобы онъ далъ выстрѣлъ, нужно было зажечь фитиль. Тѣмъ не менѣе пистолетъ этотъ былъ очень хороши въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Хотя мы и принуждены были замѣнить нашего кунимскаго товарища, послѣдній однако тоже отправился съ нами, заявивъ (какъ мнѣ показалось вполнѣ искренно), что мы ему понравились и онъ готовъ служить намъ насколько можетъ. «Кромѣ того», сказалъ онъ, «въ Карабайской странѣ у меня есть родственники, которыхъ мнѣ хотѣлось-бы повидать и которые, я полагаю, сдѣлаютъ кое-что для меня». Сохранивъ такимъ образомъ и этого прекраснаго спутника, мы отправились далѣе. Долина по мѣрѣ нашего восхожденія становилась все уже и на нѣкоторомъ разстояніи путь нашъ пролегалъ вдоль самаго берега потока. Пройдя мимо строющагося дома,—вида крайне рѣдкаго на Кавказѣ,—и далѣе затѣмъ нѣкоторое разстояніе по водѣ, мы снова вошли въ долину, которая здѣсь значительно расширилась. Эта некрасивая, громадная, скучная зеленая долина представляла безъ сомнѣнія одно изъ пастищъ Урусбіевой, такъ какъ мѣстами намъ попадался пасущійся скотъ, хотя здѣсь и не было никакихъ признаковъ жилья.

По всей вѣроятности, однако, веселые жители Урусбіевой стараются по возможности рѣже посѣщать это скучное уединенное мѣсто.

Мы шли по долинѣ до того мѣста, гдѣ она дѣлаетъ поворотъ къ западу; по сѣверную сторону поворота открывается другая большая долина, по которой и пролегалъ нашъ дальнѣйшій путь. Войдя въ пеe, мы направились къ ея верховью. Не смотря на свои громадные размѣры, долина эта не представляла ничего величественнаго: высокіе и отвѣсные ея склоны были покрыты въ нижней своей части травою, въ верхней—однообразными красными утесами.—Гора у верховья долины была очень высока; но, достигнувъ ея вершины послѣ утомительного путешествія, мы не могли видѣть ровно ничего, такъ какъ насъ окружалъ густой туманъ.—Мы не долго оставались на вершинѣ, тѣмъ болѣе что видъ не представлялъ ничего особеннаго, и стали спускаться, сначала по голымъ, каменистымъ склонамъ, а затѣмъ по склонамъ, покрытымъ травою, гдѣ намъ удалось освободиться отъ тумана, который замѣнился сильнымъ дождемъ.

Мы спустились въ обширную долину въ видѣ ущелья съ отвѣсными, зеленѣющими сторонами, которая если и не могла быть названа особенно красивой, то во всякомъ случаѣ была лучше только что оставленной нами долины. Внизу подъ нами основаніе ущелья казалось почти горизонтальнымъ и вдоль него извивался шумящій потокъ. По мѣрѣ нашего путешествія, долина становилась красивѣе и въ одномъ мѣстѣ открылся прелестный видъ на боковую долину, покрытую небольшимъ лѣсомъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ Кавказа, видъ напоминалъ собою шотландскіе виды, хотя и былъ гораздо величественнѣе послѣднихъ. Быстро пройдя по отвѣсной верхней части долины, мы направились по луговымъ пространствамъ ея подошвы вдоль потока, высматривая съ большимъ вниманіемъ мѣсто для ночевки. Хотя, по теоріи, путешественники должны совершенно равнодушно относиться къ тому, гдѣ-бы имъ ни пришлось переночевать во время дождя, но на практикѣ выходятъ иначе, и въ большинствѣ случаевъ они стараются найти себѣ по возможности скрытое убѣжище. Въ началѣ дня жители Урусбіевой говорили о пастухахъ, которые могли-бы помочь намъ въ этомъ отношеніи, теперь-же на всѣ наши разспросы о нихъ они указывали влѣво на узкое, отвѣсное ущелье, гдѣ, поднявшись на высоту двухъ или трехъ тысячъ футовъ, мы по всей вѣроятности нашли-бы ихъ; очевидно было, что они не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ дѣйствительно

могли находиться пастухи, и указывали на боковую долину только для того, чтобы напугать насъ далевимъ путемъ къ пастухамъ. Не обращая поэту никакого вниманія на ихъ совѣтъ, мы отправились далѣе; но проводникамъ надоѣло идти и, ни мало не заботясь о завтрашнемъ днѣ, они употребляли всѣ старанія, чтобы заставить насъ остановиться гораздо раньше, чѣмъ слѣдовало, въ какой-то пещерѣ по ихъ словамъ, представлявшей въ дѣйствительности же небольшое пространство подъ приврытіемъ выдающейся скалы, гдѣ можетъ быть одинъ человѣкъ могъ помѣститься удобно. Отвергнувъ ихъ предложеніе остановиться здѣсь, къ великой досадѣ вооруженнаго пистолетомъ проводника, произнесшаго по этому поводу длинную рѣчъ на своемъ языкѣ, на которую я въ свою очередь отвѣтилъ по англійски, мы отправились далѣе, совершенно примирившись съ мыслью о предстоящей туманной ночи, какъ вдругъ увидѣли небольшой шалашъ въ нѣкоторомъ разстояніи по другую сторону рѣки. Шалашъ принадлежалъ пастухамъ, увидѣть которыхъ мы уже перестали разсчитывать. Хотя для того, чтобы воспользоваться шалашомъ, и нужно было убѣдить его обитателей покинуть его и провести ночь на открытомъ воздухѣ подъ дождемъ, но въ данномъ случаѣ мы почти не сомнѣвались въ томъ, что деньги окажутъ свое вліяніе на эту пастушескую расу, тѣмъ болѣе что были увѣрены, что карачайскому пастуху вовсе не должно казаться ужаснымъ провести ночь на склонѣ горы въ сырую погоду. Такимъ образомъ, мы прямо направились къ палаткѣ, перейдя рѣку и съ трудомъ отбиваясь отъ нападенія ожесточенныхъ собакъ, которыхъ, не переставая, лаяли все время, пока мы уговаривали пастуха уступить намъ свое жилище. Къ моему удовольствію, одинъ изъ этихъ псовыхъ ночью изгрызъ старый выброшенный ремень (strap), вслѣдствіе чего на слѣдующее утро оказался больнымъ. Уступленный намъ шалашъ едвали могъ представлять особенно хорошее убѣжище, такъ какъ съ одной стороны онъ былъ совсѣмъ открытъ и напоминалъ собою одну изъ тѣхъ небольшихъ лавченокъ для продажи провизіи, которыхъ можно видѣть на ярмаркахъ и которыхъ до сихъ поръ еще попадаются въ нѣкоторыхъ частяхъ Лондона. Онъ былъ сдѣланъ изъ простыхъ деревянныхъ строилъ, покрытыхъ лохмотьями старой бурки. Впослѣдствіи мы убѣдились, что всѣ карачайскіе пастухи, ведущіе бродячую жизнь,

устраиваются себѣ подобная же палаты, такъ какъ въ лучшемъ, т. е. болѣе защищенномъ убѣжищѣ, они и не нуждаются. Обращенные открытою частью къ подвѣтреннй сторонѣ, шалаши эти еще кое-какъ удовлетворяютъ своему назначенію, пока не перемѣнится вѣтеръ; отъ дождя они также защищаютъ очень мало, такъ какъ онъ проходить насквозь на обитателей, чemu послѣдніе впрочемъ не придаютъ никакого значения. Въ этотъ вечеръ, несмотря на довольно сильный дождь, намъ не трудно было уговорить пастуха уступить свой шалашъ, обѣщавъ вознаградить его за это. Пастухъ и двое молодыхъ людей, по всей вѣроятности его сыновья, развели костеръ и, въ обществѣ съ нашими проводниками провели вечеръ, повидимому очень весело, чemu отчасти способствовалъ подарокъ, сдѣланный нами, который значительно украсилъ ихъ крайне первобытную жизнь. Нашъ подарокъ былъ отвѣтомъ на оказанную ими услугу. Обмѣнъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: проходя по берегу небольшой рѣки, мы думали о томъ, что въ Шотландіи въ подобныхъ рѣкахъ водятся форели, и не видѣли причинъ, почему-бы ихъ не могло быть и здѣсь, на Кавказѣ. Когда-же мы расположились въ шалашѣ и пастухи снабдили насъ значительнымъ количествомъ масла и сыра, мы поручили Павла спросить ихъ, не могутъ-ли они привезти къ этимъ вкуснымъ вещамъ еще какой нибудь рыбы; они дѣйствительно принесли четыре или пять прелестныхъ маленькихъ форелекъ. Потомъ Павелъ сообщилъ намъ, что пастухи отдали намъ лучшую рыбку и что они были-бы очень довольны, если-бы за это мы дали имъ хлѣба, такъ какъ, по словамъ Павла, они совсѣмъ не получаютъ хлѣба во все время своего пребыванія на горахъ. Мы отдали имъ имѣвшійся у насъ старый черствый горькій хлѣбъ, который однако привелъ ихъ въ восторгъ. Люди, считающіе большой роскошью даже дурной хлѣбъ, должны конечно вести самую простую первобытную жизнь. Рыба, предложенная намъ, достойна вниманія, такъ какъ это была единственная свѣжая рыба, видѣнная нами на сѣверѣ Кавказа. Хотя повидимому въ кавказскихъ рѣкахъ должно быть много рыбы, но жители почему-то не ловятъ ея.—Трудно представить себѣ болѣе типичную картину пастушеской жизни, чѣмъ та, которую намъ пришлось наблюдать въ этотъ вечеръ. Съ наступленiemъ ночи, около шалаша собралось громадное стадо бѣлыхъ и черныхъ овецъ. Нѣсколь-

ко далъе, по другую сторону рѣки, травянистые склоны также покрылись массою скота. Сторожевые собаки, собравъ и загнавъ отставшихъ отъ стада, расположились также около своихъ хозяевъ. наслаждавшихся горькимъ хлѣбомъ у горящаго костра. Всѧ остальная часть долины, кромѣ этого занятаго такимъ образомъ уголка, была совершенно пустынна; люди могли путешествовать цѣлыми днями въ этихъ горахъ, не наткнувшись на человѣческое жилище и даже не встрѣтивъ ни одного человѣка. На слѣдующее утро лагерь предполагалось разрушить. Пастухи со своими стадами и табунами должны были сдѣлать небольшой переходъ и затѣмъ снова расположиться лагеремъ, кочуя такимъ образомъ по холмамъ и долинамъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ.—Что можетъ быть проще и первобытнѣе подобной жизни? Многимъ-ли отличается она отъ временъ Митридата, когда римскія галеры плавали по Эвксинскому морю?

Слѣдующее утро было пасмурное, хотя дождь и прекратился ночью. Мы встали на разсвѣтѣ и простились съ милѣйшими пастухами, которыхъ мы повидимому удовлетворили настолько за угощеніе и за проведенную ими подъ открытымъ небомъ ночь, что, я думаю, они готовы были молиться, чтобы другие голодные путешественники поѣстили-бы ихъ въ дурную погоду.

Перейдя рѣку по мосту нѣсколько ниже мѣста нашей остановки, мы подошли къ лѣвой сторонѣ долины и, поднявшись на гору, спустились въ другую возвышенную долину съ отвесными сторонами, вдоль основанія которой устремлялся небольшой потокъ. Страннымъ кажется, что такая незначительная рѣченка составляетъ одинъ изъ истоковъ могущественной рѣки Малки; другимъ ея истокомъ служить та красивая рѣка, на берегу которой намъ пришлось провести прошедшую ночь. Спустившись къ самому основанію долины и перейдя потокъ, мы вошли въ другую, болѣе западную долину и направились по сѣверной ея сторонѣ. На этомъ пути мое вниманіе было возбуждено нѣсколькими орлами, парившими на значительной высотѣ. Въ теченіи цѣлыхъ часовъ они описывали въ воздухѣ тѣ однообразные, утомляющіе взоръ круги, которые теперь, какъ и въ ущельѣ Терека, вовсе не производили на наблюдателя того наслажденія своей громадной силою полета, какое поэтически приписываютъ имъ, если только подобное выраженіе можетъ быть примѣнено къ птицамъ.

Въ это утро мы видѣли особенно много большихъ орловъ. Далѣе нашъ путь пролегалъ по неровной, покрытой травою поверхности, составлявшей начало обширной покатости, переходъ черезъ которую занялъ большую часть дня. Эта горная степь представляла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наиболѣе странную изъ всѣхъ мѣстностей, встрѣченныхъ нами во время путешествія въ кавказскихъ горахъ. Прежде чѣмъ приняться за описание ея, я долженъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ коническихъ горахъ, которая намъ попадались въ началѣ нашего путешествія по этой обширной покатости. Ихъ было нѣсколько; всѣ онѣ имѣли значительную высоту и отличались замѣчательно правильной конической формою. Одна изъ нихъ, казалась настолько симетричною, что трудно было представить себѣ, чтобы она не была произведениемъ рукъ человѣческихъ, и наши проводники ни зачто не хотѣли вѣрить, что гора эта не искусственная, и только послѣ того, какъ мы подошли къ ней совершенно близко и указали имъ на громадную ея величину, превосходящую въ четыре раза величину наибольшей египетской пирамиды (Great Pyramid), они увидѣли, что нужно было употребить слишкомъ много труда, чтобы устроить подобную гору, и рѣшились допустить, что надѣю дѣйствительно работала сама природа. Удивленіе ихъ было велико, да и на самомъ дѣлѣ горы эти представляли любопытное зрѣлище. Очевидно, они были вулканическаго происхожденія, чѣмъ только и можно было объяснить ихъ особенную, крайне правильную форму; при этомъ слѣдуетъ помнить, что въ данное время мы находились вблизи когда-то дѣйствовавшаго вулкана Эльборуса. Можно было бы принять эти горы за могильные курганы отжившей расы; но подобное предположеніе было-бы слишкомъ большой вольностію со стороны путешественника.

Громадная покатость, на которую намъ теперь предстояло вступить, представляла совершенно свободную мѣстность, неимѣющую въ Альпахъ ничего себѣ подобнаго. Это обширная, нагорная равнина, лежащая у подошвы ихъ, возвышающаяся у самого Эльборуса; она состоитъ изъ громадныхъ пастбищъ, пересѣкаемыхъ мѣстами небольшими оврагами, которые едва ли можно называть долинами, хотя вдоль ихъ основанія и протекаютъ небольшія рѣки. Видъ этой мѣстности, если и не можетъ быть названъ очаровательнымъ въ настоя-

щемъ значеніи этого слова, тѣмъ не менѣе поражаетъ своимъ величіемъ и своеобразностью; мѣстами онъ даже очень красивъ, такъ какъ съ одной стороны открываются горы, возвышающаяся къ сѣверу, а съ другой стороны въ хорошую погоду долженъ быть видѣнъ и Эльборусъ, лежащий къ югу; намъ однако, по причинѣ сильнаго тумана, не удалось видѣть его. Насъ поразило нѣкоторое сходство этой нагорной равнины съ южными склонами Кавказскихъ горъ, въ ихъ первобытномъ состояніи, т. е. пока онъ еще не были испорчены рукою человѣка и имѣли свой отличительный характеръ; конечно, я не говорю о громадной разницѣ въ величинѣ. На прелестныхъ пастбищахъ этой громадной нагорной равнины въ лѣтніе мѣсяцы пасутся большія стада быковъ и цѣлые табуны лошадей.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы очутились на упомянутой нагорной равнинѣ, мы подошли къ наступшему шалашу, весьма похожему на тотъ, въ которомъ мы провели послѣднюю ночь. Вблизи шалаша стояла телѣга, принятая нами за признакъ цивилизациіи, не смотря на крайне грубую и простую работу; но вслѣдствія оказалось, что мы слишкомъ поторопились сдѣлать выводъ. Пастухъ принялъ насъ чрезвычайно любезно, и мы купили у него для сопровождающихъ насъ кавказцевъ сырь, составлявшаго единственную ихъ пищу въ теченіи дня. Продолжая путь далѣе, послѣ небольшой остановки, намъ пришлось идти по травянистымъ пространствамъ, пока мы не добрались до небольшаго оврага, пересѣкающаго покатость, гдѣ нашимъ глазамъ представилось крайне интересное зрелище. По оврагу протекалъ значительный соляной источникъ, къ которому периодически собирался пасущійся въ окрестностяхъ скотъ для утоленія жажды, и какъ разъ во время нашего прохожденія около источника столпилось громадное стадо, причемъ животныя, въ противоположность людямъ, выказывали большое удовольствіе при принятіи этого лекарства. Источникъ былъ превращенъ пастухами въ небольшое озерко; чтобы добраться до него, животныя толкались и дрались, и тѣ, которымъ удалось опередить другихъ, набрасывались на излюбленную влагу съ такою жадностью, какъ будто онѣ хотѣли осушить весь источникъ. Повинувъ маленькую долину, мы поднялись по отлогому склону, прошли мимо скелета лошади и, спустя нѣсколько дрѣменія, пошли къ другому отлогому склону, гдѣ намъ снова при-

шлось выдержать борьбу съ злыми кавказскими собаками. Одной изъ нихъ почти удалось укусить отставшаго отъ нашей партии. Отразивъ ихъ нападеніе, мы поднялись по склону, въ концѣ котораго, къ великому нашему огорченію, намъ пришлось разстаться съ нашимъ кунинскимъ проводникомъ. Проходя мимо пастушескаго лагеря, онъ встрѣтилъ двухъ своихъ братьевъ, которые обѣщались дать ему занятіе; онъ рѣшилъ такимъ образомъ остаться съ ними, таѣ какъ ему не было никакой цѣли сопровождать насъ до Учъ-Кулана. Нанятый сначала только до Уруслбіевой, онъ оставался съ нами до сихъ поръ, конечно, отчасти ради материальной выгода, но съ другой стороны—потому, что онъ полюбилъ насъ. Я боюсь, что читатель съ недовѣремъ отнесется къ тому, что между жителями сѣвернаго Кавказа можно встрѣтить безразсчетное расположеніе, принимаемое большинствомъ за миражъ юности. Въ началѣ нашего путешествія, я самъ только удивлялся хитрости и лукавству человѣка, который, пробывъ съ нами нѣкоторое время, утверждалъ, что любить насъ какъ своихъ братьевъ;—но впослѣдствіи я убѣдился, что если это выраженіе отчасти и справедливо, то тѣмъ не менѣе его нельзя называть вполнѣ искреннимъ; что старшины оказывали намъ гостепріимство не только по долгу вѣжливости и изъ самолюбія, но что и чувство расположенія безъ всякаго расчета могло быть свойственно этимъ людямъ. Въ данномъ случаѣ, мы повѣрили, что нашъ кунинский другъ былъ дѣйствительно огорченъ необходимостью проститься съ нами, такъ какъ онъ пожалъ печально намъ руки, сказавъ, что онъ очень доволенъ нашимъ обращеніемъ съ нимъ и что весьма неохотно разстается съ нами. Въ послѣдній разъ мы видѣли его сидящимъ неподвижно на своей лошади и пристально и долго всматривающимся въ путешественниковъ, бокорымъ онъ служилъ.

Вскорѣ мы были отвлечены отъ выраженія нашихъ чувствъ споромъ между нашими проводниками, котоный, не имѣя самъ по себѣ особенного значенія, былъ замѣчателенъ тѣмъ, что при этомъ въ первый разъ во все время нашего путешествія намъ пришлось столкнуться съ магометанской нетерпимостью къ иновѣрію. Павель сказалъ младшему изъ нашихъ проводниковъ, что слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ тяжести одной изъ лошадей, на что старший возразилъ, что никакихъ измѣненій не нужно. Павель отвѣчалъ

на это, хотя и справедливъмъ, но довольно колкимъ указаниемъ на его обязанности, чѣмъ только раздражилъ религіозную гордость и ложное самолюбіе сына Урусбіевой, который, обратясь къ Павлу, воскликнулъ всиыльчиво: «Кто ты такой, что можешь говорить мнѣ такимъ образомъ? Никто иной какъ жалкій христіанинъ. Я правовѣрный и сынъ истинно вѣрующаго, а ты невѣрный и сынъ....»; но при этихъ словахъ Павелъ подступилъ къ говорившему съ угрожающимъ жестомъ, чѣмъ и прекратилъ препирательство относительно роднп (*la recherche sur la parente*); споръ обѣщалъ окончиться очень интересно, если бы не вмѣшался младшій проводникъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, намъ удалось съ небольшимъ трудомъ пріимпритъ противниковъ, послѣ чего мы продолжали свой путь безъ дальнѣйшихъ затрудненій па счетъ религіозныхъ препむществъ. Небольшой спускъ и затѣмъ подъемъ привели насъ къ обширному пространству, покрытому травою, наибольшему изъ подобныхъ луговыхъ пространствъ громадной покатости. Мы уже прошли три небольшія долины или оврага, между которыми поверхность то повышалась, то понижалась, образуя рядъ невысокихъ горъ. Впереди также замѣтно было нѣкоторое повышеніе, такъ что намъ предстояло подняться еще на нѣсколько подобныхъ горъ, находящихся впрочемъ довольно далеко отъ пасъ.—Мы подвигались весьма медленно, часто останавливаясь полюбоваться на эту странную гористую мѣстность, столь непохожую на что либо видѣнное нами прежде. Къ югу виднѣлись ряды зеленыхъ холмовъ, а вдали возвышался длинный, неправильный скалистый кряжъ, находящійся по сѣверную сторону одной большой долины или цѣлаго ряда долинъ, барьеръ, который я видѣлъ съ вершины Эльборуса, но не былъ въ состояніи опредѣлить его положенія по картѣ. Къ югу поднимались горы, вершины которыхъ скрывались за облаками. По склонамъ этихъ горъ, также какъ и по обширному ровному пространству (*streppe*) паслись стада и табуны. Нѣсколько выше на склонахъ можно было видѣть пастушескій лагерь, окруженній множествомъ овецъ и быковъ. Здѣсь, какъ и на мѣстѣ послѣдней нашей почевки, все свидѣтельствовало о самой простой пастушеской жизни. Я вполнѣ убѣжденъ, что если бы можно было сбросить цѣлое тысячелѣтіе, то мы бы увидѣли кочующихъ пастуховъ почти такими же, какими они представились намъ теперь.

на склонѣ горы. Можетъ быть мы не увидѣли бы тогда единствен-наго признака миновавшаго тысячелѣтія, а именно—гранитнаго стол-ба, высотою около 8 или 9 футовъ, находящагося въ послѣдней ча-сти лугового пространства. На немъ не было никакой надписи, и одинъ изъ яшихъ проводниковъ утверждалъ, что этотъ странный памятникъ воздвигнутъ съ тою цѣлью, чтобы скотъ могъ чесаться (тереться) обѣ него. Можетъ быть это и дѣйствительно такъ, но не думаю, чтобы кавказскіе пастухи настолько заботились о своемъ скотѣ. Поднявшись на вершину небольшой горы, мы увидѣли, что далѣе возвышается другая, болѣе высокая гора, и что промежуточ-ное пространство болѣе извилисто, чѣмъ то, по которому намъ при-ходилось идти раньше. Путь къ этой вершинѣ былъ однако довольно легокъ, и когда намъ удалось подняться на нее, то съ обѣихъ сто-ронъ нашимъ глазамъ представился величественный видъ. Весьма возможно, что эта гора служитъ водоемомъ между Чернымъ и Кас-пийскимъ морями.

Быстро спустившись съ горы, мы подошли къ хижинѣ—первому строенію, попавшемуся на нашемъ пути послѣ полуоконченной хи-жины въ долинѣ выше Урусбіевой. На встрѣчу къ намъ вышло двое мужчинъ, три женщины и соотвѣтствующее число дѣтей; все они были очень грязны, но имѣли добродушный видъ. Люди эти смотрѣли на насъ съ довольною улыбкою и такъ какъ мы сомнѣвались отно-сительно пути, то они указали намъ дорогу, правда совершенно не-вѣрную, но, тѣмъ не менѣе, я полагаю, что ими руководили самыя лучшія намѣренія.

Оставивъ хижину, мы вскорѣ подошли къ небольшому лѣсу, гдѣ и потеряли дорогу. Намъ долго пришлось блуждать, пока наконецъ Муръ, съ свойственною горцамъ чуткостью, снова не напалъ на вѣр-ный путь, отъ которого наши, уже вполнѣ отчаявшіеся, урусбійскіе проводники, все болѣе и болѣе удалялись.

Горные путешествія имѣютъ ту особенность, что когда потеряешь дорогу, то приходится довольно долго отыскивать ее снова, пока счастіе не натолкнетъ васъ на потерянный путь.

Нашъ дневной путь однако приближался къ концу, такъ какъ непродолжительная прогулка привела насъ къ склонамъ сѣверной стороны долины верхняго теченія рѣки Худесь-Су. Спустившись по

этому склону, мы всборъ поднялись въ нѣсколькимъ покинутымъ хижинамъ, гдѣ мы рѣшили переночевать. Конечно пріятно было найти убѣжище на ночь, такъ какъ погода грозила неремѣниться въ худшему и было довольно холодно; но хижины эти почему-то наводили на насъ тоску. Очевидно, что недавно еще они были заняты людьми. При всемъ нашемъ стараніи узнать, куда могли скрыться жители,—навсегда ли они покинули эти хижины, или же они удалились со своими стадами только на лѣто на болѣе возвышенныя пастбища,—наши уруслійскіе проводники не могли сказать намъ ничего опредѣленнаго.

На Кавказѣ вообще замѣчается эмиграція, а потому мы сильно склонны были думать, что и жители этихъ хижинъ навсегда покинули свою долину; но гдѣ бы ни находились эти бѣдные скитальцы, мы отнеслись къ ихъ жилищамъ съ полнымъуваженіемъ, какъ будто они завтра же должны были вернуться сюда, къ неудовольствію нашихъ проводниковъ, смотрѣвшихъ на внутреннюю, деревянную часть этихъ строеній, какъ на материалъ, которымъ отлично можно было воспользоваться для топлива.

ГЛАВА ОДИННАДЦАЯ.

Прелестная ровная возвышенность.—Жадные пастухи.—Долина Кубани.—Деревня Эль-тюбе.—Положеніе Учъ-Кулана.—Холодный пріемъ старосты.—Русский писарь.—Перемѣна, въ отношеніяхъ старости.—Мѣстное пиво.—Попытка достать проводниковъ къ Накгарскому перевалу.—Неудачное предложеніе.—Непомѣрные запросы.—Трудное положеніе.—Прибытие русского полковника.—Свадебное ширшество въ Учъ-Куланѣ.—Проводники найденные для насъ старостой.—Отвѣтственность старости передъ окрестными поселеніями въ денежномъ отношеніи.—Отправлениe изъ Учъ-Кулана.—Точность въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ.—Слишкомъ ранняя остановка.—Споръ изъ за козы.—Гнѣвъ проводниковъ изъ Учъ-Кулана.

Разсвѣть слѣдующаго дня, т. е. 1-го августа, предвѣщалъ хорошую погоду. Довольные повидимому этимъ обстоятельствомъ, про-

водники наши мѣшкали менѣе обыкновенного, такъ что намъ уда-
лось отправиться въ дальнѣйшій путь вскорѣ послѣ разсвѣта.—Бы-
стро спустившись къ подошвѣ долины, мы направились вдоль бере-
га рѣки; путь нашъ пролегалъ по прелестному лѣсу, пока мы не до-
стигли мѣста, гдѣ долина эта переходить въ другую, перпендикуляр-
ную къ первой, долину, пройдя которую мы стали подыматься по
склону, покрытому тѣнистымъ сосновымъ лѣсомъ, и вскорѣ очути-
лись на небольшой, чрезвычайно красивой, ровной возвышенности,
какой я не припомню изъ многихъ моихъ горныхъ путешествий. Это
была небольшая, замѣчательно ровная лужайка, ярко изумрудно зе-
ленаго цвѣта, окруженнага частью величественнымъ лѣсомъ, частью
отвесными высокими горами. Съ одной стороны къ ней прилегало
мрачное болото, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ группы хижинъ
подымался дымъ, свидѣтельствующій о жизни, безъ которой даже
самый очаровательный видъ кажется какимъ-то безцвѣтнымъ.

Блестящій и красивый оттѣнокъ травы, смѣнившей обычный дернъ.
имѣлъ для пасъ значеніе источника въ пустынѣ, и происходилъ по
всей вѣроятности оттого, что на мѣстѣ яркозелѣнаго ковра, покры-
вавшаго этотъ небольшой оазисъ въ горахъ, еще не въ очень отда-
лѣнныя времена было озеро.

Нравы людей этой прелестной мѣстности конечно не были святы
и представляли собою образецъ непріятнаго характера народа, къ
которому мы теперь приближались. Получивъ хорошую плату за
молоко и творогъ, добытые отъ нихъ нашими проводниками, люди
эти тѣмъ не менѣе были недовольны и ворчали. Хотя на подобное
обстоятельство и не слѣдовало-бы обращать вниманія при путеше-
ствіи, но однако насъ оно не могло не поразить, такъ какъ намъ по-
стоянно удавалось доставать эти припасы отъ пастуховъ и обита-
телей уединенныхъ хижинъ, которыхъ наша плата всегда вполнѣ
удовлетворяла, иногда она даже какъ будто удивляла ихъ, потому
что у нихъ принято угождать путешественниковъ даромъ своимъ ки-
слымъ питьемъ. Теперь-же мы находились среди жаднаго и безче-
стнаго племени.

Пройдя еще нѣкоторое время лѣсомъ и затѣмъ выйдя изъ него,
мы обогнули обширную возвышенность и вошли въ долину рѣки Куб-
бани съ восточной стороны. Здѣсь путь нашъ пролегалъ по доволь-

но ровной местности, на значительной высотѣ отъ основанія этой величественной долины, которая была отлично видна съ тропинки. Съ одной стороны бокъ долины пересѣкался большими грядами горъ и боковыми долинами, съ другой-же стороны обширные склоны, хотя и не отличались разнообразiemъ, тѣмъ не менѣе были величественны и поражали своей обрывистостью и громадными размѣрами. По широкимъ луговымъ пространствамъ основанія долины устремлялась рѣка Кубань, могущественная даже здѣсь, въ самомъ началѣ своего длиннаго теченія. Обогнувъ на значительной высотѣ выдающуюся часть берега, мы спустились по уступамъ южной, покрытой лѣсомъ, стороны въ красивую боковую долину, непродолжительная прогулка по которой привела насъ къ большой деревнѣ; мы вошли въ нее пѣсколько выше деревни Эль-тюбе, наиболѣшей изъ всѣхъ деревень сѣвернаго Кавказа, посѣщенныхыхъ нами до сихъ поръ. Наряду съ туземными хижинами, въ этой деревнѣ находился домъ, построенный по западнымъ образцамъ, который, несмотря на свою простоту, казался здѣсь настоящимъ дворцомъ. Посреди деревни возвышалось большое зданіе съ красной крышею, принятое нами за мечеть, на томъ основаніи главнымъ образомъ, что должна-же быть мечеть гдѣ нибудь въ магометанской странѣ, а до сихъ поръ намъ еще вигдѣ не приходилось видѣть ея. Не желая входить въ какія либо торговыя сношепія съ жителями Эль-тюбе, такъ какъ цѣлью нашего путешествія была деревня Учъ-Куланъ, мы направились къ югу, по большой дорогѣ, идущей вдоль долины Кубани. Самая долина, поразившая насъ сверху, не представляла однако ничего особеннаго, когда намъ удалось увидать ее снизу; а вблизи Учъ-Кулана она была положительно скучна, такъ какъ голые склоны ея отличались однообразiemъ въ цветѣ и въ формѣ. Широкое основаніе долины было хорошо обработано и засѣяно преимущественно овсомъ, предпочитаемымъ здѣсь повидимому передъ всѣми другими злаками.

Пройдя около часу по большой дорогѣ, мы пришли въ деревню Учъ-Куланъ, разбросанную на большомъ пространствѣ между долинами Курсука и Кубани. Деревня эта находится какъ разъ при слияніи рѣкъ Курсука и Кубані, занимая правый берегъ первой и лѣвый послѣдней.—Жилища здѣсь ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ кавказскихъ хижинъ, исключая одного зданія, построенаго

повидимому по русскому образцу. Домъ этотъ, какъ мы впослѣдствіи узнали, принадлежалъ несчастному писарю, служившему письмоводителемъ и переводчикомъ у деревенского старосты. Мы постучались въ дверь писаря; но его не было дома, или, что гораздо вѣроятнѣе, онъ принялъ насъ за мошенниковъ и не хотѣлъ открыть двери. Это случилось за нѣсколько времени до того, что намъ удалось найти старосту, домъ которого помѣщался въ самой грязной части этой грязной деревни. Староста показался намъ чрезвычайно грубымъ человѣкомъ, который, какъ и всѣ подобные люди, слишкомъ много думалъ о себѣ. Мы помнится, что я составилъ себѣ дурное мнѣніе о немъ по одному особенно рѣзкому его выраженію. Впослѣдствіи оказалось, что я сильно ошибался, какъ обыкновенно ошибаются люди, судящіе по внешности.

Староста принялъ насъ крайне сухо и отнесся недовѣрчиво каго-къ намъ лично, такъ и къ письму русскихъ властей, представленному Павломъ. Я полагаю, что онъ не въ состояніи былъ допустить, чтобы кто либо, кроме мошенниковъ, могъ путешествовать пѣшкомъ; какъ-бы ни было, во этотъ могущественный человѣкъ повидимому мало былъ расположенъ заботиться о насъ, и въ отвѣтъ Павлу онъ совершенно холодно заявилъ, что онъ долженъ подождать русского писаря, который могъ-бы объяснить ему письмо; но если путешественникамъ нужна комната, то они могутъ получить ее, добавилъ онъ, указывая на нѣчто среднее между подваломъ для сбереженія угля и свинymъ хлѣвомъ. Отъ подобнаго помѣщенія мы презрительно отказались, чѣмъ, повидимому, внушили старостѣ большее уваженіе къ себѣ. Простые бродяги, обыкновенно путешествующіе по Кавказу пѣшкомъ, остались бы довольны всяkimъ убѣжищемъ, а потому нашъ отказъ отъ предложенного мрачного подвала навелъ старосту на мысль, что мы въ дѣйствительности лучше, чѣмъ кажется. Послѣ этого онъ провелъ насъ въ большую, съ выложенными досками половьми, комнату—его собственную, какъ мы узнали впослѣдствіи,—гдѣ, среди незрѣйной толпы, устремившей на насъ свои взоры, мы должны были ожидать прибытия русского писаря. Чтобы выяснить обязанности этого лица, я долженъ сказать, что староста, Токмаевъ Акбайевъ, съ которымъ мы теперь имѣли дѣло, былъ человѣкъ значительный; онъ считался старшиной не только деревни Учъ-Кулана,

по и всѣхъ другихъ ближайшихъ окрестностей и, слѣдовательно, имѣлъ весьма отвѣтственныя передъ правительствомъ занятія.—Несмотря на это, онъ вовсе не зналъ русскаго языка, и обязанностью письмоводителя было писать и переводить для него официальный письма. Такъ и теперь староста желалъ, чтобы нашъ тифлисскій документъ былъ объясненъ ему своимъ человѣкомъ, потому что Павлу онъ не довѣрялъ.—Письмоводитель, это несчастное блѣдно-желтое созданіе, увидѣвъ насть, довольно долго не могъ придти въ себя отъ ужаса. «Дѣло старосты принимать васть, а не мое, не мое», твердилъ онъ, объятый страхомъ быть введеннымъ въ издержки; когда-же наконецъ намъ удалось убѣдить его, что въ денежнѣмъ отношеніи ему не предстоитъ отъ насть никакой опасности, то онъ нѣсколько успокоился и, при помощи деревенскаго лекаря, проворнаго молодаго человѣка, повидимому туземца, перевель письмо Токмаку Акбайеву.

Я описалъ все это съ цѣлью показать какъ мало слѣдуетъ огорчаться на Кавказѣ холоднымъ пріемомъ. Болѣе любезнаго и гостепріимнаго хозяина, какимъ впослѣдствіи оказался этотъ староста, нельзя было и желать. Этотъ важный мусульманинъ не выразилъ ни малѣйшаго удивленія, когда ему было прочитано письмо, достовѣрность котораго такимъ образомъ была вполнѣ доказана; по вскорѣ послѣ этого мы замѣтили, что отношенія его къ намъ измѣнились. Такъ называемый «почетный чай» полился рѣкою. Откормленная коза была убита; лучшимъ-же угощеніемъ было обѣщаніе старосты постараться найти намъ проводниковъ для перехода на южную сторону Кавказской цѣли, и дѣйствительно онъ вскорѣ отправилъ гонца по деревнѣ, поручивъ ему найти восемь человѣкъ, способныхъ на подобную работу. Не удовольствуясь еще этими добрыми дѣлами, гостепріимный хозяинъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы обставить намъ комнату по возможности удобно и, становясь все любезнѣе и любезнѣе, онъ наконецъ принесъ намъ вружику пива, считающуюся самымъ лучшимъ и рѣдкимъ угощеніемъ на Кавказѣ. Хотя дареному коню, какъ говорится, въ зубы и не смотрять, но я не могу удержаться, чтобы не сообщить моего мнѣнія относительно этого пива, какъ единственнаго алкогольскаго напитка, встрѣченного нами по сѣверную сторону кряжа. Онъ содержалъ едва ли болѣе одного процента алкоголя, и можно было смѣло выпить шесть стакановъ этой жид-

кости безъ всякаго опасенія быть пьянымъ. Никто однако не въ состояніи былъ выпить его въ такомъ большомъ количествѣ, если бы даже и можно было достать его (что также было немыслимо), такъ какъ вкусомъ оно походило на самое скверное французское пиво, продержанное откупореннымъ въ теченіи двухъ дней; я думаю, что каждому туземцу, пьющему его въ первый разъ, оно казалось тѣмъ же, чѣмъ шампанское или бѣлый трюфели кажутся большинству англичанъ, т. е. рѣдкой и дорогой гадостью.

И въ самомъ дѣлѣ, оно было рѣдко и дорого; если же оно при этомъ не было вкусно, то несомнѣнно однако было любезностью Тобимака Аббайева, продолжившаго его.

Крайне рѣзкая перемѣна къ намъ въ отношеніяхъ старости, послѣ его холоднаго и недовѣрчиваго приема, произошла, конечно, отчасти изъ уваженія къ письму русскихъ властей, а еще больше, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе дѣйствительной любезности и великодушія. Сначала, принявъ насъ за мошенниковъ, онъ конечно не считалъ нужнымъ быть любезнымъ съ нами; но затѣмъ, убѣдившись, что мы люди вполнѣ достойные, онъ сталъ строго слѣдоватъ всѣмъ правиламъ магометанскаго гостепріимства. Онъ сдѣлалъ для насъ все, что только отъ него зависѣло. Народъ-же, управляемый имъ, вовсе не походилъ на него, какъ мы увидали, когда намъ пришлось опредѣлять плату нашимъ будущимъ проводникамъ. Это обстоятельство достойно вниманія, такъ какъ оно показываетъ, насколько неосторожно со стороны путешествующаго по дикой мѣстности подавать поводъ думать, что онъ стѣсненъ временемъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ имѣеть никакорое основаніе довѣрять окружающимъ его.

Какъ говорилось уже въ первой главѣ этой книги, нашъ путь изъ Учъ-Кулана пролегалъ черезъ главную цѣпь Кавказскихъ горъ по Накгарскому проходу, затѣмъ по Клухорской и Кадарской долинамъ до русскаго поста, находящагося въ разстояніи двухдневной ходьбы отъ Сухума-Кале и моря. Въ Учъ-Куланѣ намъ требовалось найти проводниковъ для перехода по Накгарскому перевалу и для дальнѣйшаго путешествія до Латы. Что перевалъ не представлялъ особыхъ затрудненій,—въ этомъ мы были почти увѣрены; но мы сомнѣвались относительно того, три или четыре дня потребуется на все путешествіе до Латы, и конечно желали совершиТЬ его въ воз-

могло короткое время, чтобы не опоздать на пароходъ. Староста сказалъ намъ, что трехъ дней совершенно достаточно, и мы, вполнѣ довольные этимъ сообщеніемъ, вышли, чтобы усповиться съ проводниками. Къ сожалѣнію, намъ пришлось убѣдиться, что намъ предстоитъ слишкомъ многое бѣждовать обѣ этомъ предметѣ, за отсутствиемъ честности и добросовѣстности въ жителяхъ.

Около дома собралась небольшая толпа, въ средѣ которой находились восемь человѣкъ, заявившихъ желаніе сопровождать насъ за хорошую плату. Павелъ предложилъ имъ по полутора рубля въ день на человѣка. Это была обычная наша плата, и туземцы всегда довольствовались ею, чѣмъ и неудивительно, такъ какъ она превышала въ три раза обычный средній ихъ дневной заработка. Теперь же мы очутились среди воровъ. Высокій, дюжій дѣтина, съ непріятнымъ выраженіемъ лица, выступилъ впередъ для переговоровъ и, освободивъ свою правую руку изъ подъ складокъ громадной бурки,—жесть, считающейся необходимымъ для оратора,—онъ сказалъ слѣдующее: «Мы дорожимся потому, что теперь время жатвы, и если мы упустимъ хорошую погоду и начнутся дожди, то намъ придется очень плохо». (При этомъ изъ толпы отдѣлился гавказецъ для возбужденія вниманія публики словами «слушайте, слушайте»). «Предстоящее путешествіе длинно, оно потребуетъ нашего продолжительного отсутствія, а хлѣбъ останется неубраннымъ. Кромѣ того, мы должны запастись провизіею, которая тоже будетъ стоить дорогого. И два-то рубля въ сутки съ трудомъ могутъ вознаградить пасъ. Мы охотнѣе не пошли бы совсѣмъ, но намъ не хочется отказаться въ услугѣ иностранцамъ». (Слушайте, слушайте.) Затѣмъ ораторъ сталъ распространяться, и послѣдняя часть его рѣчи, переданная намъ Павломъ въ сокращенномъ видѣ, была повтореніемъ прежняго съ различными добавленіями.

Относительно жатвы въ его словаѣ была доля правды, а потому мы поручили Павлу сказать, что мы готовы заплатить проводникамъ по два рубля въ сутки, если они обязуются дойти до Латы въ течениія трехъ дней; — слѣдовательно каждый изъ нихъ долженъ былъ получить за все путешествіе по шести рублей. Мы воображали, что предложеніе наше очень соблазнительно, въ дѣйствительности же оно оказалось крайне неудачнымъ. Я стоялъ около глазнаго мошен-

ника въ то время, когда Павель переводилъ ему наше предложеніе и отлично подмѣтилъ на его смугломъ лицѣ выраженіе мгновеннаго восторга, какое случается иногда наблюдать на лицѣ игрока въ висть, когда ему удастся выманить отъ своего противника желаемую карту. Вскорѣ началась другая длинная рѣчъ, основанная на томъ, что если человѣкъ съ пустыми руками и можетъ совершить это путешествіе въ три дня, то нельзя того-же требовать отъ человѣка, несущаго тяжесть; если бы даже это было возможно, то за шесть рублей на подобное путешествіе никто не согласится. Менѣе восьми рублей на человѣка ни одинъ проводникъ не подумаетъ оставить Учъ-Кулана. Мы должны были обѣщать имъ эту плату, послѣ чего они согласились идти съ нами. Полагая такимъ образомъ, что торгъ поконченъ, мы оставили толпу. Но, заявляя имъ свое желаніе добраться до Латы въ три дня, мы и не подумали о томъ, какое дѣйствіе произведутъ на нихъ эти слова. Съ ловкостью, достойною неаполитанца, главный мошенникъ подмѣтилъ, что число дней имѣеть въ данномъ случаѣ важное значеніе для настѣ и что намъ необходимо совершить путешествіе въ возможно короткій срокъ, чѣмъ онъ не замедлилъ воспользоваться какъ теперь, такъ и послѣ. Вскорѣ явились послы отъ проводниковъ, которые сообщили, что восьми рублей на человѣка недостаточно и что имъ слѣдуетъ получить по десяти. Павель, передавшій намъ это извѣстіе, прибавилъ, что, судя по тому, что ему пришлось слышать, онъ вполнѣ убѣженъ, что они не остановятся на этомъ, и если мы согласимся на десять рублей, они не стѣснятся спросить двѣнадцать и такъ далѣе, пока они не дойдутъ до абсурдной цифры. Мы положительно отказались обѣщать имъ требуемую плату, на что представитель заявилъ, что онъ ошибся, принявъ насъ за почтенныхъ и великодушныхъ людей, и что поэтому ни онъ, ни его товарищи не желаютъ имѣть съ нами никакого дѣла. Такимъ образомъ торгъ окончился. Добрый староста горячо вступилъ за насъ. Онъ обратился съ торжественною рѣчью къ жителямъ Учъ-Кулана и заявилъ, что поведеніе ихъ недостойно честныхъ людей и служить позоромъ для деревни; что они дурно обращаются съ иностранцами; затѣмъ онъ омылъ руки отъ всякаго дальнѣйшаго зла, не въ фигуральномъ смыслѣ этого выраженія, но дѣйствительно водою, поданной ему его прислужникомъ. Слова ста-

росты пропзвели на слушателей такое же дѣйствіе, какъ проповѣдь епископа, пытающагося убѣдить биржевика, на сколько безчестно обманывать своего сосѣда. Проводники съ удовольствіемъ готовы были нести нравственную тяжесть своей безсовѣстности, но не соглашались на материальную тяжесть. И такъ намъ ничего болѣе не оставалось. Чудный закатъ солнца нѣсколько отвлекъ наше вниманіе отъ всѣхъ этихъ непріятностей, хотя конечно онъ не могъ доставить желаемаго спокойствія людямъ, находящимся въ неизвѣстности относительно дальнѣйшаго путешесствія.

Ночью въ деревню прибылъ по служебнымъ дѣламъ русскій полковникъ, которому Муръ и староста сообщили о нашемъ затруднительномъ положеніи. Убѣдившись, что мы не мошенники, онъ обѣщалъ намъ свою помощь, хотя власть его повидимому была очень сомнительна. На слѣдующее утро погода была очень хорошая, и я употребилъ вѣкоторое время на прогулку по этой отвратительной и грязной деревнѣ. Дома жителей имѣли скучный, непривлекательный видъ, а дѣти, игравшия около нихъ, были, такъ сказать, испещрены грязью.

Въ день нашего прибытія въ деревню, здѣсь праздновалась свадьба, и шумное пиршество продолжалось или цѣлую ночь, или же снова началось рано утромъ на слѣдующій день, такъ какъ въ то время, когда я проходилъ мимо дома, гдѣ справлялась эта церемонія, изъ него показался скучный, сонный хоръ, назначеніе котораго однако заключалось въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе и веселье. Недалеко отсюда я встрѣтилъ Уокера, крайне смущеннаго. «Какъ это они справляютъ здѣсь свои празднества?» сказалъ онъ. Трудно допустить, чтобы человѣкъ могъ удовольствоваться однимъ кислымъ молокомъ. Можетъ быть туземцы дѣйствительно настолько нетребовательны и цѣлую ночь могутъ просидѣть за этимъ напиткомъ; но въ такомъ случаѣ измѣряется-ли у нихъ товарищество и дружба количествомъ выпитаго кислаго молока, какъ въ былые дни у насъ количествомъ выпитаго вина? Есть-ли у нихъ свои соведерники, подобно нашимъ собутыльникамъ; и желчность, происходящая отъ слишкомъ большого употребленія этого прокислаго питья, пользуется-ли такой симпатіею, какою пользовались красные носы у нашихъ праотцевъ? Это до сихъ поръ остается тайной.

Хижины, служившія мѣстомъ этихъ пиршествъ, были сняты Уокеромъ въ то время, когда, по кавказскому обычаю, жители находились на крышахъ домовъ для выраженія своей радости.

Долина, изъ верхней части которой видна вершина Эльборуса, и есть долина Курсука, а возвышенности, представляющія повидимому два пика этой горы, на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ утесы, находящіеся по обѣ стороны большаго провала въ юго-западной части потухшаго кратера, о которомъ уже было говорено. Изъ Учъ-Кулана видѣнъ только западный пикъ Эльборуса, восточный же пикъ совершенно скрытъ.

Нашъ прекрасный другъ, Токмакъ Акбайевъ, усердно хлопоталъ за насъ въ этотъ день. Онъ говорилъ, что можетъ заставить людей идти съ нами; но я сильно сомнѣвался, чтобы власть старости кавказской деревни простиралась такъ далеко. Во всякомъ случаѣ, онъ не воспользовался ею, а послалъ въ ближайшія деревни искать проводниковъ; ему удалось собрать восемь человѣкъ, готовыхъ нести наши вещи до Латы. Послѣ полудня онъ привелъ къ намъ этихъ повидимому крѣпкихъ и здоровыхъ молодцовъ; одного изъ нихъ, наиболѣе спильного, онъ представилъ намъ какъ главного проводника. Это былъ, какъ намъ сообщили, мѣстный судья, и его высокая обязанность, не помышлявшая ему однако согласиться нести наши вещи, давала ему некоторый авторитетъ надъ другими; онъ обѣщался Токмаку Акбайеву не злоупотреблять относительно насъ, держа въ повиновеніи младшихъ проводниковъ и побуждая ихъ работать добросовѣстно. При болѣе близкомъ знакомствѣ, судья оказался также плутомъ, отличавшимся отъ его товарищѣ только наружностью, т. е. честнымъ выражениемъ лица и открытою манерою говорить, глядя прямо въ лицо, чего обыкновенно не дѣлаютъ явные плуты. Сначала мы дѣйствительно думали, что предстоитъ счастливый путь. Когда все было готово и проводники уже отправились, Токмакъ Акбайевъ задержалъ насъ своей болтовнею, которой онъ, подобно другимъ старостамъ, очень любилъ предаваться во время отдыха. Мы узнали, что онъ былъ не только мѣстнымъ старостою, но также исправлялъ должность банкира ближайшихъ окрестностей; онъ сообщилъ намъ, что въ настоящее время въ его рукахъ находится 50,000 рублей, принадлежащихъ поселенамъ Учъ-Кулана и другихъ деревень, и

съ нѣкоторою гордостью показалъ намъ свою большую отчетную книгу, въ которую онъ вносилъ систематично все, причемъ онъ съ удовольствиемъ говорилъ, что онъ помнитъ напузу почти всю эту отчетность. Онъ также показалъ намъ свои часы, большую рѣдкость на Кавказѣ, цѣнныя имъ еще больше потому, что они были подарены великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, переночевавшимъ у него въ домѣ во время его путешествія по этой мѣстности. Онъ самъ подарилъ Муру великодушный, рѣзной работы посохъ, съ длинной стальной оконечностью, который можно удобно употреблять какъ палку при путешествіяхъ по высокимъ горамъ Альпійскаго или Кавказскаго кряжа.

Изъ Учъ-Кулана видъ Эльборуса, представленный на фотографіи Уокера, чрезвычайно красивъ, и въ тотъ вечеръ закатъ солнца былъ особенно величественъ. За розовыми тѣнами съ замѣчательной яркостью появился тотъ странный отблескъ, при которомъ горы кажутся совершенно бѣлыми и ясно выдѣляются на темномъ фонѣ неба. Этотъ отблескъ въ свою очередь поблѣдѣлъ съ удивительною быстротою, какъ будто то, что за минуту пользовалось жизнью, вдругъ лишилось ея. На слѣдующее утро мы отправились въ путь довольно поздно, такъ какъ проводники наши долго не появлялись. Сначала пришли нѣкоторые изъ нихъ и сообщили, что остальные присоединятся къ намъ на пути. Токманъ Акбайевъ, въ знакъ особенного вниманія, проводилъ насъ немнogo, и я думаю, что въ данномъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ сожалѣніе было вполнѣ искренно, когда настало время проститься съ этимъ любезнымъ хозяиномъ. Миѣ никогда не приходилось видѣть большей заботливости относительно иностранцевъ, какую выказалъ этотъ честный и гостепріимный магометанинъ.

Характеръ большой долины на нѣкоторое разстояніе отъ Учъ-Кулана оставался одинъ и тотъ же. Основаніе долины было широко, ровно и хорошо обработано; травянистые склоны ея высоки, но однообразны по цвету и формѣ. Тамъ и сямъ были разбросаны хижинки, изъ которыхъ, по мѣрѣ нашего приближенія, показывались недостающіе проводники, не особенно впрочемъ торопившіеся присоединиться къ намъ. Долѣе другихъ заставилъ насъ прождать судьи. Не желая пройти ни одной лишней мили, большая часть проводни-

ковъ захватили съ собою лошадей, чтобы верхомъ добраться до по-
дошвы прохода. Вначалѣ они показались намъ довольно любезными,
такъ какъ такое путешествіе на лошадяхъ давало имъ полную воз-
можность предаваться болтовнѣ, — этому любимому имъ занятію.
Пробывъ съ ними короткое время, мы подмѣтили въ нихъ одну ха-
рактеристическую черту, которой намъ до сихъ поръ еще не приходилось наблюдать на другихъ кавказцахъ, а именно—презвычайную
точность въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Въ каждой взъ по-
священныхъ пами деревень былъ священнослужитель, и каждый ве-
черъ съ возвышенія, нарочно для того устроеннаго, раздавался тор-
жественный призывъ къ молитвѣ. Никто однако не отговаривался на
него и не молился, даже не прекращалъ ни на минуту своей бол-
товни. Ни разу памъ не удавалось видѣть ни одной религіозной це-
ремоніи. Священнослужитель обыкновенно казался намъ самымъ лѣ-
нивымъ человѣкомъ въ лѣпивой деревнѣ. Теперь-же мы находились
среди людей, строго придерживавшихся вѣшней обрядности. Когда
мы въ полдень остановились отдохнуть подъ благодатною тѣнью
сосноваго лѣса, то передъ ѿдою наши проводники пропизнесли длин-
ную молитву съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Впереди нахо-
дился самъ судья, за нимъ трое стояли на колѣняхъ, а остальные
четыре помѣщались позади всѣхъ. По временамъ они кланялись до
земли. Во все время своего пребыванія съ нами они молились такимъ
образомъ три раза въ день. Въ сущности-же, мы находились среди
кавказскихъ фарисеевъ. Впослѣдствіи мы увидѣли, что это были на-
стоящіе мошенники; настолько удивляло только какимъ образомъ безчест-
ный человѣкъ можетъ ощущать удовольствіе въ произношеніи мо-
литвъ.

Долина иѣсколько съузилась еще ранѣе, чѣмъ мы достигли лѣса
и, по мѣрѣ нашего восхожденія, она все продолжала съуживаться. Мы
подошли къ мѣсту, гдѣ путь къ Наегарскому проходу сворачиваетъ
въ боковую долину,—по крайней мѣрѣ намъ показалось, что мы поки-
нули главную долину, которая, пролегая на иѣкоторое разстояніе ни-
же этого пункта по направленію отъ сѣвера къ югу, поворачиваетъ
отсюда къ юго-востоку. Отъ верховьевъ долины, которую мы остав-
или, на русской картѣ назначенъ проходъ черезъ главную цѣнь; но
кромѣ того, что этотъ путь дѣйствительно существуетъ, намъ ничего

не удалось узнать отъ туземцевъ. Боковая долина, въ которую мы вышли, въ нижней своей части была чрезвычайно красива. Путь нашъ пролегалъ по цѣлому лѣсу высокихъ деревьевъ, а внизу устремлялся могучій потокъ, по всей вѣроятности первый изъ притоковъ Кубани. Выше долина расширялась и, пройдя по нагорнымъ луговымъ пространствамъ, мы подошли къ пастушеской хижинѣ, гдѣ судя предложилъ намъ переночевать. Такъ какъ было еще довольно рано, тѣ мы положительно отказались отъ этой остановки; проводники наши неохотно послѣдовали за нами, крайне недовольные нашими заботами объ облегченіи труда на завтрашній день. Оставивъ хижину, мы скоро пришли на видъ прохода этой снѣжной вершины, очевидно невысокой и легко доступной, о которой Гардинеръ весьма справедливо сказалъ, что при необходимости ее можно перейти въ одинъ день отъ Учъ-Кулана. Конечно, подобный переходъ показался бы нѣсколько утомительнымъ, такъ какъ пришлось бы идти по мягкому снѣгу, потому что ранѣе полудня не удалось бы добраться до него.—Вскорѣ послѣ того, какъ мы впервые увидали вершину, мы подошли къ ровному пространству, покрытому травою, гдѣ проводники наши рѣшили непремѣнно остановиться. Мы находились въ небольшомъ разстояніи, въ двухчасовомъ, какъ оказалось впослѣдствіи, отъ начала снѣга и легко-бы могли еще продолжать нашъ путь. Большая часть проводниковъѣхала верхомъ, никто изъ нихъ не несъ никакой тяжести, а слѣдовательно и утомиться они не могли; но такъ какъ они рѣшили мѣшкать во что-бы то ни стало, то намъ ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ согласиться на ихъ желаніе и остановиться для ночевки. Вблизи верховьевъ долины въ это время расположилось нѣсколько пастуховъ со своими стадами, къ которымъ мы отправили двухъ изъ нашихъ проводниковъ, чтобы купить овцу. Мы прождали ихъ около двухъ часовъ, которые мы могли употребить, чтобы добраться до подошвы снѣжныхъ склоновъ. Насталъ наконецъ вечеръ и проводники снова принялись за свои молитвы еще съ большою энергией, чѣмъ какую выразили въ полдень. Вскорѣ вернулись и посланные, неся съ собою веселую, молодую черную овцу. Убивъ овцу, они содрали съ нея шкуру, а изъ мяса возникъ интересный споръ, о которомъ стоитъ упомянуть, такъ какъ онъ былъ необходимъ слѣдствиемъ нашей неосторожной рѣчи въ

Учъ-Куланъ, причинившей намъ вообще столько хлопотъ. Наши проводники узнали въ деревнѣ то, о чёмъ мы, къ сожалѣнію, проговорились, а именно, что мы были стѣснены временемъ и что намъ очень важно пройти проходъ по возможности скорѣе; такимъ образомъ они полагали, что мы находимся въ ихъ власти. Они ревностно молились, но вмѣстѣ съ тѣмъ на столько же помышляли и о земныхъ грѣхахъ, для обнаруженія которыхъ овца доставила хороший случай. Напимай ихъ, мы поставили условіемъ, какъ мы всегда дѣлали съ проводниками, чтобы они запаслись своею собственою провизіею, на что они вполнѣ согласились. Теперь же они требовали полъ овцы, за которую мы заплатили. Не будучи въ состояніи безъ ихъ помощи перейти на другую сторону горъ и боясь поэтому разсердить ихъ, мы послали имъ двѣ переднія четверти, которыхъ они возвратили обратно, съ презрѣніемъ бросивъ ихъ передъ нами. Удивленные, мы послали за судьею и спросили его, что это значитъ?

Судья—Мы очень недовольны и имѣемъ къ тому поводъ. Вы обходитесь съ нами слишкомъ скверно. Вы обѣщаешь кормить насъ и кормить хорошо во время путешествія (это была ложь), а теперь посыпаете намъ двѣ переднія четверти овцы.

Муръ.—Но при чёмъ же тутъ эти двѣ переднія части?

Судья. — А вотъ причемъ. Насколько известно, лучшими частями мяса считаются бедра и ссѣбъ (saddle), которые вы оставляете себѣ, а намъ даете то, что похуже. Всѣ проводники очень сердятся и совершенно справедливо. Знайте же, что мы пренебрегаемъ плохую пашею, которую вы предлагаете намъ, и не хотимъ болѣе имѣть съ вами никакого дѣла, а намѣрены возвратиться по домамъ. Переднія части овцы! — нашли чѣмъ угостить.

О, какъ повсюду однообразна человѣческая природа. Мы сдѣлали это длинное путешествіе, добрались до этой уединенной долины таинственного Кавказа для того, чтобы встрѣтить здѣсь полнѣйшее подражаніе бунта въ нашихъ переднихъ. Дворецкій и лакеи, напримѣръ не желаютъ бѣсть лопатки отъ баранины. Споръ принялъ весьма ожесточенный характеръ и нисколько не уступалъ возмущенію нашей прислуги. Проводники даже переступили границу претензій англійской прислуги. Такъ одинъ изъ нихъ заявилъ: «Вы подло поступаете съ нами и отказываетесь отъ своего слова. Вы обѣщали Токмаку Акбайеву обра-

щаться съ нами хорошо и купить не только одну, но двѣ, три и даже четыре овцы, если мы пожелаемъ, чтобы мы могли вполнѣ насытиться и повеселиться. Теперь же вы предлагаете намъ самую скверную часть одной овцы; кроме того, вы садитесь отдельно отъ насъ, какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ собаки. Сами-то вы кто, что поступаете такимъ образомъ? Мы считаемъ себя совершенно равноправными вамъ и разсчитывали, что вы будете относиться къ намъ какъ къ друзьямъ и товарищамъ, будете спѣть и быть вмѣстѣ съ нами. И такъ, мы не хотимъ вмѣстѣ съ вами никакого дѣла и возвращаемся обратно домой, потому что вы извѣсніе мошенники, которыхъ мы все презираемъ». За тѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ ругательствъ, одобряемый хоромъ остальныхъ а судья, посланный главнымъ образомъ для того, чтобы держать въ повиновеніи младшихъ, всѣми средствами поддерживалъ смуту. Вскорѣ онъ явился къ намъ съ требованіемъ, чтобы ему и другимъ теперь же были уплачены деньги за ихъ дневной трудъ, въ противномъ же случаѣ, сказаъ онъ, они отказываются отъ работы. Этимъ онъ хотѣлъ поставить себя въ такое положеніе, чтобы быть въ состояніи покинуть насъ во всякое время, когда имъ вздумается, безъ всяаго для нихъ ущерба. Дѣло повидимому приняло грозный оборотъ, такъ какъ проводники вошли въ азартъ и, при кавказской безпечности, дѣйствительно могли вернуться домой. Можетъ быть по нашему настоянію подобный поступокъ съ ихъ стороны не остался бы безнаказаннымъ, но въ такомъ случаѣ мы упустила бы пароходъ, а для двухъ изъ насъ это послѣднее обстоятельство было очень важно.

Муръ подсѣлъ къ судье, который усердно произносилъ разныи ругательства и заклинанія, и сказалъ ему, что онъ не получить платы до окончанія путешествія и что онъ обязанъ усмирить вознѣшее волненіе. «Помните», прибавилъ Муръ, «что Токмакъ Аѣбайевъ послалъ васъ за начальника партіи и что ваше имя записано у меня. Если проводники вернутся, мы будемъ жаловаться русскому правительству, сообщимъ ему ваше имя и, что бы ни было съ другими, вы однако не минуете наказанія. Судья оказался трусомъ; новость, что у насъ было записано его имя, которое мы имѣемъ возможность сообщить русскимъ властямъ, обдала его холодною водою. Одному небу конечно известно, какъ поступило бы русское правительство,

но судью искугала уже одна мысль, что за удовольствіе ругать путешественниковъ можно поплатиться, причемъ вся вина падаетъ на него одного. Чувство самосохраненія пропзвело въ немъ быструю перемѣну: онъ отказался отъ требованія платы и принялъ усмирять тѣхъ, кого онъ только что возбуждалъ къ бунту. Подобно многимъ великимъ агитаторамъ, ему пришлось убѣдиться, что утишить бурю не тоже, что возбудить ее, но наконецъ ему удалось водворить нѣчто въ родѣ мира, и проводники уже не тревожили нась болѣе въ эту ночь. Всѣ эти непрѣятности произошли изъ-за нѣсколькихъ неосторожныхъ словъ въ Учъ-Куланѣ, и намъ оставалось только утѣшиться слѣдующею моралью: путешествуя по дикой мѣстности никогда не слѣдуетъ торопиться; въ случаѣ же, если это неизбѣжно, то не должно давать туземцамъ ни малѣйшаго повода думать, что стѣсняешься временемъ. Нерѣдко приходится слышать о нерасположеніи магометанъ ѿсть за однимъ столомъ съ христіанами. Въ данномъ же случаѣ наши проводники на столько были далеки отъ подобного чувства, что даже сѣтовали въ своемъ спорѣ на наше нежеланіе ѿсть съ ними, чего, по ихъ мнѣнію, не могло быть при хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Накгарский проходъ, Клухорская и Кодорская долины.—Послѣдній переходъ.

Кавказская медлительность.—Накгарский проходъ.—Видъ съ вершины.—Южная сторона.—Большая перемѣна.—Клухорская долина.—Прелестные лѣса.—Спускъ долины.—Необыкновенно величественный видъ.—Водопадъ.—Минеральный источникъ.—Кодорская долина.—Джонъ Мондевиль и его разсказъ объ облакѣ, скрывающемъ Персидскаго императора и его свиту.—Уединенность Кодорской долины.—Замѣчательное плодородіе.—Могилы кубанскихъ воиновъ.—Рѣка Чхалта.—Безпечность нашихъ спутниковъ.—Лагерь инженеровъ.—Прощанье съ жителями Учъ-Кулана.—Ихъ равнодушіе къ продолжительному посту.—Очаровательный видъ долины.—Другой лагерь.—Лата.—Зараженный воздухъ.—Прогулка въ Цебельду.—Положеніе селенія.—Партія изслѣдователей.—Путь изъ Цебельды въ Сухумъ-Кале.—Греческое селеніе на берегу Келасуръ.—Неувѣренность въ пути.—Страшная жара.—Размышенія по поводу путешествія по Кавказу.—Долины восточной Абхазіи.—Заключеніе.

Въ началѣ ночи зловѣщее облако покрывало вершину Накгарского прохода, возбуждая во мнѣ некоторое время беспокойство, такъ какъ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что въ случаѣ малѣйшаго затрудненія жители Учъ-Кулана откажутся продолжать путь по снѣгу. Хотя для болѣе или менѣе рѣшительного путешественника Накгарский перевалъ доступенъ почти во всякую погоду, но мы знали, что наши проводниковъ не могли подѣйствовать ни подарки, ни угрозы, если предпріятіе казалось имъ хотя сколько нибудь рискованнымъ, и я былъ увѣренъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ въ нашемъ другъ-судѣ особенно сильно проявится сознаніе его обязанностей относительно женъ и семьи. Къ полночи однако всякий поводъ къ замедленіямъ исчезъ, такъ какъ туманъ разсѣялся, тучи, образовавшіяся при закатѣ солнца, разошлись и даже самый робкій и малодушный человѣкъ не могъ бы оправдывать себя бурею или туманомъ. Наши проводники еще до ссоры съ нами говорили, что путь по другую сторону прохода труденъ, благодаря отвратитель-

ной дорогѣ по Клухорской и Кодорской долинамъ, и выражали сильное сомнѣніе въ томъ, что мы успѣемъ добраться до Латы въ теченіи двухъ дней отъ мѣста нашей остановки. Для этого потребовалось бы совершить слишкомъ утомительное путешествіе, какого не въ состояніи сдѣлать человѣкъ, несущій тяжесть, говорили они, и никто изъ насъ, конечно, не думалъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ они сдѣлали больше чѣмъ говорили. Они утверждали, и повидимому спра-ведливо, что имъ самимъ пріятнѣе было бы совершить это путеше-ствіе по возможности быстрѣе, такъ какъ время жатвенное и имъ хотѣлось бы поскорѣй вернуться домой;—тѣмъ не менѣе можно было почти навѣрное сказать, что это заявленіе не имѣло никакого зна-ченія сравнительно съ національною любовью къ медлительности и что, благодаря своей безпечности, они безъ всякой совѣсти и стыда будутъ останавливаться повсюду, гдѣ только явится къ тому малѣй-шая возможность. Все однако обѣщало хорошую погоду—и это уже было для насъ важно. Предвѣстникъ разсвѣта, т. е. Павель,—поды-мавшійся обыкновенно за нѣсколько времени до восхода солнца, чтобы приготовить чай и привести въ порядокъ вещи для дальнѣйшаго путешесвія,—разбудилъ насъ какъ только первый слабый лучъ свѣта озарилъ восточный горизонтъ. Мы скоро были готовы къ отправле-нію, но намъ пришлось еще прождать довольно долго, пока кавказ-цы потягивались, бесѣдовали и ловили своихъ лошадей. Наконецъ, дождавшись ихъ, мы отправились по захирѣвшимъ пастбищамъ уз-кой подошвы долины. Въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста нашей ночевки мы увидали пастушескую хижину, полуразвалившуюся, но обитаемую; здѣсь наши страшно лѣнивые спутники захотѣли сдѣлать продолжительную остановку, которой мы однако положительно не дозволили имъ. Убѣдившись въ прошлую ночь, какъ мало дѣйствуютъ на нихъ уступки, мы приняли совершенно другой тонъ и коротко заявили имъ, что они обязаны исполнять наши приказанія безъ вся-кихъ разсужденій. Хотя подобный способъ обращенія ихъ не мало удивилъ, но по отношенію къ нимъ онъ повидимому былъ совершен-но правиленъ, такъ какъ послѣ заявленнаго ими протеста, если я только не ошибаюсь въ смыслѣ ихъ тихаго разговора, они были очень недовольны проказами, совершенными ими въ прошлую ночь и, подобно испуганнымъ школьнікамъ, упрекали за нихъ другъ друга.

Спусти два часа послѣ того, какъ мы оставили мѣсто нашей ночевки, мы подошли къ небольшой возвышенности (alp), находящейся у подножія глетчера, который намъ предстояло перейти. Здѣсь нужно было оставить лошадей; мы отлично могли бы дойти до этого мѣста еще прошлую почь, такъ какъ небольшая возвышенность, мѣстами довольно ровная и хорошо снабженная водою, представляла одинаково удобное убѣжище, какъ и мѣсто нашей послѣдней ночевки; но наши спутники были упорны въ своемъ рѣшеніи мѣшкать на сколько возможно. Вершину Накгарскаго перевала образуетъ каменистая гряда (grat), отъ которой подъ небольшимъ среднимъ угломъ спускается довольно отлогій глетчеръ. Глетчеръ этой частью раздѣляется посрединѣ грядою скалъ, и путешественникъ, пересѣкающій проходъ съ сѣверной стороны, долженъ пройти лѣвѣе этой гряды и направиться влѣво, т. е. къ востоку. Путь по сѣжнымъ склонамъ и террасамъ довольно легокъ и, при хорошихъ условіяхъ, требуется около полутора часа, чтобы пройти отъ небольшой упомянутой возвышенности (alp) до каменистой гряды (grat), которую слѣдуетъ перейти у восточной ея оконечности, подъ небольшимъ скалистымъ пикомъ. Проходить этотъ доступенъ даже быкамъ и неснажженнымъ лошадямъ. Наши проводники шли по глетчуру съ кавказскою медлительностью и навѣрное дѣлали бы множество остановокъ, несмотря на легкій путь, если бы мы только не понуждали ихъ. На ихъ часто повторяемыхъ заявленіяхъ, что они люди, а не животныя, а потому должны часто отдыхать, мы довольно нелогично отвѣчали имъ, что они обязаны исполнять наши приказанія безъ разсужденій, а такъ какъ подобный аргументъ какъ разъ соотвѣтствовалъ ихъ пониманію, то намъ и удалось во время добраться до вершины прохода. Здѣсь они долго отдыхали, а мы пока рассматривали видъ, который впрочемъ, здѣсь былъ очень печаленъ. Къ сѣверу было видно очень мало, къ югу почти ничего достойнаго вниманія, кромѣ просвѣта большой Кодорской долины. Какъ проходъ черезъ главную цѣпь Кавказскихъ горъ, Накгарскій перевалъ до сихъ поръ конечно казался намъ совсѣмъ замѣчательнымъ, но вскорѣ намъ пришлось натолкнуться на очаровательную мѣстность. По южную сторону цѣпи, въ томъ мѣстѣ, где ее пересекаетъ Накгарскій перевалъ, находится дикое круглое пространство (cirque), обаймленное небольшими ска-

листыми пирами, отъ которыхъ спускается нѣсколько отвѣсныхъ глетчеровъ. Наибольшій изъ нихъ, единственный, имѣющій болѣе или менѣе значительное протяженіе, находится въ сѣверо западной части этой мѣстности и спускается до поверхности около 7,500 футовъ. Самая вершина свободна отъ снѣга, хотя путь къ ней по сѣверную сторону и пролегаетъ по глетчеру; точно также не покрыты снѣгомъ и склоны, спускающіеся къ югу. По этимъ склонамъ, частью поросшимъ травою, частью усыпаннымъ скалами и камнями, пролегаетъ извилистый, но не дурной путь, ведущій къ верховью Клухорской долины. Мы отправились этимъ путемъ по отвѣсному склону, высотою 2,000 футъ, который привелъ насъ къ началу долины, покрытой прелестной южной растительностью. Дойдя до Клухорской долины, наши проводники остановились для бесѣды и молитвы, и такимъ образомъ дали намъ возможность осмотрѣться кругомъ и подмѣтить рѣзкій переходъ отъ Сѣвернаго Кавказа къ Южному. Казалось, что мы прошли очень большое пространство, тогда какъ въ дѣйствительности мы пересѣкли только узкій кряжъ горъ. Мы вдругъ очутились въ совершенно другомъ климатѣ, въ другой странѣ. Многимъ приходилось наблюдать удивительную разницу между обоними склонами громадной Альпійской цѣпи, между суровой и грозной красотою Швейцаріи и цвѣтистостью и яркостью Италии; но даже и эта разница не таکъ велика и поразителна, какъ разница между сѣверными и южными склонами Кавказской цѣпи. По сѣверную сторону кряжа мы оставили скучные травянистыя, однообразныя по цвѣту, пространства, рѣдкіе сосновые лѣса, голыя скалы, прохладный, пропитывающій воздухъ; здѣсь же мы встрѣтили почти тропическую растительность и жаркую, вполнѣ южную, атмосферу; множество цвѣтовъ и громадные высокіе лѣса покрывали южные склоны кряжа, изобилуя разнообразiemъ прелестныхъ красокъ. Долины Абхазіи своимъ богатствомъ превосходятъ Италію, тогда какъ долины, лежащія по сѣверную сторону Кавказскаго кряжа, суровѣе сѣверныхъ альпійскихъ долинъ. Трудно было поверить, чтобы требовалось только нѣсколько часовъ для перехода изъ одной области въ другую. Впослѣдствіи намъ пришлось убѣдиться, что и эта очаровательная страна не свободна отъ бѣдствій, свойственныхъ всѣмъ вообще странамъ, гдѣ налящее солнце свѣтитъ надъ роскошной растительностью. Вскорѣ и намъ су-

ждено было испытать на себѣ одно изъ наименьшихъ золъ жаркаго климата. Цѣлый стан комаровъ (mosquitoes) и оводовъ (horse flies), подымаясь съ густой зелени, атаковали всю нашу партію съ жадностью, которую можно было объяснить только продолжительнымъ постомъ. Почему насѣкомыя въ непосѣщаемыхъ мѣстностяхъ пытаются такую страсть къ человѣческой крови,—которая ни въ какомъ случаѣ не составляетъ части ихъ обычной пищи,—остается для меня тайною. Природа, вопреки всѣмъ ея законамъ, какъ будто внушила имъ инстинктивную потребность къ пицѣ, которою они могутъ пользоваться здѣсь очень рѣдко. Собака не нуждается въ персикахъ, какъ и лошадь въ баранинѣ;—комары же въ совершенно безлюдныхъ мѣстностяхъ набрасываются на путешественниковъ, какъ на свою естественную и обычную пищу. Подобную страсть объяснить также трудно, какъ и страсть кошки къ рыбѣ.

Насѣкомыя съ одинаковымъ ожесточенiemъ набрасывались на мусульманъ и христіанъ; по если кто пришелся имъ особенно по вкусу, такъ это былъ судья. Этотъ достойный человѣкъ съ обычнымъ усердиемъ произносилъ свои молитвы, а овода—безъ сомнѣнія съ цѣлью усилить значеніе этихъ молитвъ—окружали его со всѣхъ сторонъ и до того надобдали ему, что онъ принужденъ былъ останавливаться на время для выраженія имъ своихъ проклятій. Овода Клухорской долины были особенно ядовиты, такъ что слѣды отъ ихъ укушенія не исчезали довольно долго.

Мы остановились на опушкѣ величественного лѣса, покрывающаго всю долину, исключая небольшаго пространства, свободнаго отъ большихъ деревьевъ, но за то поросшаго густой растительностью, о которой я уже говорилъ.

По окончаніи молитвъ, значительно сокращенныхъ вслѣдствіе изобилия комаровъ и оводовъ, мы отправились далѣе и тотчасъ же очутпились подъ тѣнью лѣсовъ, чрезъ которые долженъ былъ пролегать весь остальной путь этого дня, спускаясь къ громадной Кодорской долинѣ.

Красота лѣса имѣетъ то преимущество передъ красотою горъ, что она ощущается всѣми людьми. Снѣжный видъ, возбуждая восхищеніе въ пѣвчихъ, не производить однако сильнаго впечатлѣнія на тѣхъ, кому приходится въ первый разъ видѣть снѣжные пики и глет-

черы. Для правильной оценки высоких горъ требуется мыслительная способность и наблюдательность, тогда какъ ни одинъ человѣкъ, какъ бы слабо ни было развито въ немъ чувство познанія, не можетъ пройти по величественному лѣсу, чтобы послѣдній не произвелъ на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Таинственность и величие большихъ лѣсовъ повидимому одинаково действуетъ какъ на грубаго, такъ и на образованнаго человѣка. Кавказцы, подобно другимъ первобытнымъ народамъ, не способные обыкновенно цѣнить красоты впада, и тѣ, въ лицѣ одного изъ нашихъ проводниковъ, съ видимымъ восхищеніемъ отзывались о лѣсахъ, лежащихъ близъ Ингур. Читавшіе путешествія Ливингстона, описанія Станлеемъ, вѣроятно помнятъ, съ какимъ восторгомъ этотъ великий путешественникъ говорилъ о зеленыхъ лѣсахъ, выражая при этомъ надежду, что его бренные останки будутъ современемъ покониться подъ тѣнью одного изъ тѣхъ громадныхъ африканскихъ лѣсовъ, по которымъ ему приходилось такъ часто бродить при жизни.

Нашъ путь пролегалъ по прелестному первобытному лѣсу, который не могъ не радовать глаза путешественника и не прельщать его своею тѣнью. Тотъ, кому приходилось видѣть хвойные лѣса Альповъ, конечно не можетъ составить себѣ понятія о разнообразномъ величиѣ лѣсовъ, покрывающихъ южные склоны Кавказскихъ горъ. Плодородная почва, въ соединеніи съ почти тропическимъ солнцемъ, производитъ деревья, которыхъ находятся въ такомъ же отношеніи къ деревямъ, составляющимъ альпійскіе лѣса, какъ соборъ къ церкви или линейный боевой корабль къ фрегату. Даже представление о богатыхъ альпійскихъ долинахъ Италіи блѣднѣетъ при сравненіи ихъ съ чудными, покрытыми лѣсомъ ущельемъ, по которому Клухорской потокъ устремляется къ Кадору.

Едва ли можно говорить, что по мѣрѣ нашего спуска размѣры деревьевъ становились все больше и больше. Прежде всего мы увидали березу, затѣмъ стали попадаться другія деревья, и вскорѣ намъ пришлось идти подъ тѣнью гигантскихъ сосенъ и величественныхъ дубовъ. Обѣ эти породы достигаютъ въ Клухорской долинѣ особенно громадныхъ размѣровъ и дубъ постепенно становится преобладающимъ. Густыя опушки лѣсовъ состоятъ изъ рододендроновъ, азалий, орѣшниковъ и лавровъ; послѣдніе произрастаютъ здѣсь въ

такомъ изобиліи, что иногда положительно затмняютъ путь. Въ числѣ большихъ деревьевъ, при дальнѣйшемъ спускѣ, сталъ показываться и букъ.

Отвѣсные склоны долины достигаютъ значительной высоты, но густые лѣса покрываютъ ихъ склоны, простираясь до самыхъ высокихъ кряжей, такъ что богатство красокъ соединяется здѣсь съ величиемъ и красотою гористыхъ формъ. Чтобы дать читателю возможность составить себѣ какое нибудь понятіе о прелестяхъ Клухорской долины, я попрошу его представить себѣ гряду Cliefden гораздо отвѣснѣе, чѣмъ она есть, и въ пятнадцать разъ выше. И въ такомъ случаѣ даже будетъ недоставать нѣкоторыхъ случайныхъ чертъ, свойственныхъ высокимъ инкамъ. Весьма возможно, что лучшую часть всей этой безподобной долины составляетъ та часть ея, которая расположена противъ безыменной боковой долины, открывающейся къ сѣверо-западу. Въ этомъ мѣстѣ находится замѣчательно крутой путь, который, возвышаясь почти отвѣсно надъ не-высокими склонами долины, имѣетъ, повидимому, невѣроятную высоту. У его основанія беретъ начало могущественный потокъ, соединяющійся съ бурнымъ Клухорскимъ потокомъ. Упомянутая боковая долина, неровная и обрывистая, по покрытая очаровательнымъ лѣсомъ, отличается тою дикостью и уединенностью, какая иногда свойственна мѣстностямъ, расположеннымъ внутри горныхъ кряжей, где невольно чувствуется, что человѣкъ бываетъ или очень рѣдко, или же его не бываетъ вовсе. Въ прежнія времена она безъ сомнѣнія послѣдалась абхазскими охотниками; теперь же, какъ и большая часть этой мѣстности, по своей уединенности, она уподобляется великой Сахарѣ.

Было немного позже десяти часовъ, когда мы достигли верховья долины; всю же остальную часть этого длиннаго лѣтняго дня мы шли по прогалинамъ (glades) большихъ деревьевъ, по крайне извилистой тропинкѣ. Судя, дѣйствовавшій въ качествѣ главнаго проводника, не смотря на свою безчестность, былъ человѣкомъ компетентнымъ и, подобно всѣмъ вообще жителямъ горныхъ странъ, иногда соперничающимъ даже съ красными индѣйцами, обладалъ замѣчательною памятью пути, которымъ ему приходилось слѣдоватъ когда либо прежде. Его нисколько не смущали ни густая растительность.

ни лѣса, ни великолѣпныхъ лавровыхъ рощи, ни кущи азалий и рододендроновъ, ни массы валежника: — ничто не останавливало его и ни разу онъ не уклонился отъ истиннаго пути.

За исключениемъ тѣни, жара была сильная,—и кавказцы, привыкшіе къ прохладному воздуху сѣверныхъ склоновъ, страдали отъ нея не менѣе настолько; къ тому же мы все однаково были обречены въ жертву жадной стан насыщенныхъ, окружавшихъ насъ въ теченіи цѣлаго дня, который долженъ запечатлѣться красными буквами въ ихъ памяти. Казалось, судья былъ ихъ особымъ фаворитомъ, такъ какъ, когда мы вышли изъ тѣни и насъ освѣтилъ лучъ свѣта, я увидѣлъ, что голова его наподобіе сіянія, была окаймлена громадной стаей комаровъ. Хотя наши проводники, по кавказскому обычью, и останавливались довольно часто, но они шли хорошо этимъ труднымъ путемъ по Клухорской долинѣ, спускающейся съ замѣчательною быстротою. Тропинка (дорогою ее нельзя было назвать) пролегала по крайне неудобной для ходьбы поверхности, но тѣмъ не менѣе мы подвигались довольно скоро и къ вечеру находились уже у оконечности долины, въ нижней части которой мы остановились на нѣкоторое время, чтобы полюбоваться прелестнымъ водопадомъ. Кругое русло Клухорского потока образуетъ на своемъ пути нѣсколько уступовъ, о которыхъ мы знали больше по слухамъ; теперь же нашимъ глазамъ во всемъ своемъ блескѣ представилась прелестная стремнина потока, и мы долго любовались этой величественною картиною, освѣщеною мягкимъ свѣтомъ чуднаго южнаго вечера. Странно сказать, что, несмотря на многочисленность и силу кавказскихъ потоковъ, намъ приходилось видѣть мало водопадовъ, да и попадавшіеся всѣ были незначительны; водопадъ же, которымъ мы любовались теперь, казался величественнымъ и прекраснымъ даже въ Клухорской долинѣ.

Вблизи находился минеральный источникъ, изъ котораго наши спутники, прослышиавъ отъ кого-то о цѣлебномъ свойствѣ минеральныхъ водъ, пили въ большомъ количествѣ. Будучи совершенно здоровыми и спѣльными, они вѣроятно стали бы въ тупикѣ передъ вопросомъ—какого хорошаго результата могли ожидать они отъ употребленія этой воды. Въ данномъ случаѣ ихъ можно уподобить многимъ посѣтителямъ западныхъ минеральныхъ водъ. Хотя они бол-

тали за питьемъ, подобно старымъ сплетницамъ, но это было весьма естественно, такъ какъ сыны Учъ-Кулана были очень рѣчисты и въ этомъ отношеніи соперничали съ нашими прежними друзьями — жителеми Геби. Въ теченіи цѣлаго дня они не прекращали бесѣды, начатой судьей, который говорилъ въ продолженіи всего пути отъ вершины Накгарского прохода до водопада и минерального источника. Этотъ хороший проводникъ отличался здоровою грудью и обладалъ громкимъ баритономъ, свойственнымъ въ большинствѣ случаевъ лишь очень крѣпкимъ и сильнымъ людямъ.

Тропинка, по которой мы шли весь этотъ день, пролегаетъ по лѣвому берегу Клухорского потока, и уже былъ вечеръ, когда мы подошли къ мосту, ведущему на правый берегъ потока, у самой оконечности долины. Перебравшись по мосту, мы остановились для ночевки на прелестной, ровной, покрытою травою мѣстности, вблизи воды. Судья усердно настаивалъ, чтобы мы остановились на подобной же лужайкѣ въ лѣсу, нѣсколько выше,увѣряя, что въ эту ночь мы не въ состояніи будемъ добраться до другаго, столь удобнаго для ночевки мѣста. Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ кавказцамъ можно довѣрять не болѣе, чѣмъ человѣку, говорящему о своихъ собственныхъ лошадяхъ, то мы положительно отказались отъ остановки. Мѣстность, избранная нами за мостомъ, была прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ. Судя по барометру, она находилась на высотѣ около 3500 ф. надъ поверхностью моря. Вершина Накгарского прохода возвышается на 9,500 ф. надъ поверхностью моря, следовательно мы спустились уже на 6000 ф. На русской картѣ на правомъ берегу потока, значительно выше мѣста нашей остановки, назначено нѣсколько хижинъ; намъ же не удалось видѣть и даже слѣдовъ ихъ. Клухорская долина показалась намъ совершенно пустынною. Въ одномъ только мѣстѣ, высоко на восточномъ берегу, спутники наши указали на развалины крѣпости, по ихъ словамъ, защищавшей когда-то проходъ; но крѣпость эта разрушена уже очень давно и въ настоящее время ни одно жилище не нарушаеть уединенности лѣса. Накгарскій проходъ до сихъ поръ посѣщается путешественниками, число которыхъ значительно уменьшилось за послѣдніе годы. Когда намъ потребовались проводники, то въ деревнѣ Учъ-Куланѣ не нашлось ни одного человѣка, уже побывавшаго въ

проходѣ въ этомъ году; а судья, нашъ главный проводникъ, сообщилъ намъ, что прежде ему разъ въ годъ непремѣнно приходилось пересѣбать Накгарскій проходъ, тогда какъ теперь онъ уже давно не былъ тамъ. Пройдя какую нибудь очень красивую мѣстность, невольно ощущаешь грусть при мысли, что никогда не увидишь ее больше. Особенно же сильно должно было проявиться это чувство подъ конецъ путешествія по Клухорской долинѣ, такъ какъ трудно было разсчитывать, что когда нибудь слова придется идти по просвѣтамъ и тѣни ея прелестныхъ лѣсовъ. Несмотря на частыя путешествія по гористымъ мѣстностямъ, намъ не приходилось видѣть ничего столь величественного и красаваго, какъ этотъ громадный оврагъ съ почти тропическимъ лѣсомъ, покрывающимъ его отъ берега потока до вершины кряжа. Нѣчто подобное можно еще встрѣтить въ Гиммалаяхъ или Андахъ, но ип въ какомъ случаѣ не въ Альпахъ.

Лежать на длинной травѣ этой маленькой лужайки было очень удобно; но оводы и комары дѣлали эту ночь ужасною, гаѣ что мы поднялись съ первымъ лучемъ восходящаго солнца и съ удовольствиемъ стали приготовляться къ путешествію. Даже безлечные кавказцы медлили менѣе обыкновеннаго, и вскорѣ послѣ разсвѣта мы уже продолжали нашъ путь вдоль густаго лѣса, по аллеѣ, которая своею роскошною листвою напоминала французское бержеау. Мѣстами попадались холмы и долины, но за этими рѣдкими исключеніями почти все время въ теченіи двухъ часовъ мы находились въ прелестномъ полумракѣ большаго лѣса и когда мы наконецъ выбрались изъ него на яркій, ослѣпительный солнечный свѣтъ, то оказалось, что мы были уже въ громадной Кодорской долинѣ, въ которую мы вошли, сами того не зная, еще въ тѣни лѣса. Теперь нашъ путь нѣкоторое время долженъ былъ пролегать по открытымъ луговымъ пространствамъ, мѣстами поросшимъ деревьями и небольшими кустарниками и занимающимъ сѣверный берегъ быстраго Кодорскаго потока. Мы уже находились внутри Абхазіи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ границы, черезъ которую мы перешли въ то время, когда спускались въ Клухорскую долину. Страна эта еще давно была описана знаменитымъ путешественникомъ, сэромъ Джономъ Мондевиллемъ, имя которого я произношу съ вполнѣ справедливою націо-

нальною гордостью. Описывая Абхазию или Абказъ (Abcaz), какъ онъ называлъ эту страну, Джонъ Мондевилль представилъ намъ образецъ той замѣчательной способности, въ которой онъ былъ неподражаемъ. Кавказцы умѣютъ вратъ и въ отношеніи изобрѣтательности они ча-сто превосходятъ нась, — жителей Запада. Въ данномъ же случаѣ Англія повидимому постояла за себя (has held her own): явился англичанинъ, посѣтившій Кавказъ или по крайней мѣрѣ описавшій его, передъ которымъ даже сами кавказцы кажутся дѣтьми. Приво-димъ вкратцѣ слова сэра Джона: «Съ Абхазскимъ королевствомъ со-вершилось великое чудо: въ странѣ этой одна провинція, имѣющая около трехъ дней путешествія въ окружности и пзвѣстная подъ име-немъ Hanyson, объята полнымъ мракомъ и никогда не освѣщается ни однимъ лучемъ свѣта, вслѣдствіе чего, конечно, никто не рѣшается посѣтить эту страну. По временамъ, однакожъ, говорятъ окрестные жители, здѣсь слышатся голоса разныхъ животныхъ. Одинъ персид-скій императоръ всѣми средствами старался заставить христіанъ об-ратиться въ язычество и дѣлать жертвоприношенія его идоламъ; христіане въ отчаяніи бросились на колѣни и молили Бога поща-дить ихъ. Тогда на землю спустилось громадное облако, скрывшее императора и всю его свиту. Съ тѣхъ поръ страна эта осуждена на вѣчный мракъ, пока Богу не угодно будетъ совершить новое чудо».

Вотъ что говоритъ этотъ правдивый рыцарь, сообщившій столько чудесъ. Прошло пять столѣтій послѣ его смерти и мысль о громад-номъ облакѣ, покрывающемъ прелестную Абхазію, повидимому, имѣ-еть свое значеніе для путешественника, проходящаго по ея уеди-неннымъ долинамъ. Трудно встрѣтить мѣстность болѣе роскошную и красивую, чѣмъ луговая пространства и лѣса, по которымъ про-текаетъ Кодоръ; намъ пришлось видѣть ихъ при полномъ освѣще-ніи южнаго солнца, которому страна эта значительно обязана сво-имъ необыкновеннымъ плодородіемъ. Несмотря однако на всю кра-соту этой прелестной долины, путешественникъ, проходя по ней, не можетъ не ощущать того чувства грусти и тоски, какое обыкновен-но наводить отсутствіе всякихъ признаковъ человѣческаго пребы-ванія. Верхняя часть долины была совершенно безлюдна. Мы встрѣ-тили, правда, трехъ блѣдныхъ, показавшихся намъ голодными, путе-

шественниковъ, пробирающихся на съверную сторону кряжа, но ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было принять за обитателей этой долины, тѣмъ болѣе, что они торопились по возможности скорѣе выбраться изъ нея. Значительно ниже мы встрѣтили инженеровъ, занимающихъ съемкою. Въ Латѣ, бывшей туземной деревнѣ, въ настоящее время находится русскій постъ. Иноземные солдаты, завладѣвшіе извѣстною страною, не могутъ однако считаться ея жителями; выше же рѣки Чхалты нѣтъ даже и солдатъ. Лучшая часть Кодора представляетъ ущелье, уединенность котораго производить сильное впечатлѣніе. На нашемъ пути по роскошнымъ неровнымъ лугамъ, образующимъ широкое основаніе верхней части долины, намъ попадались виды, съ которыми не могутъ быть сравниваемы даже итальянскіе склоны Альповъ. Этотъ кавказскій Эдемъ отличался одинаково и своимъ плодородiemъ: здѣсь росли дикие персики, яблоки, сливы, земляника, вишни, орѣхи, кромѣ этого встрѣчались дикая малина, смородина, виноградъ и хмѣль. Трудно представить себѣ болѣе щедрую почву. Невольный страхъ овладѣвалъ человѣкомъ при видѣ страны, изобилующей всякими фруктами и совершенно безлюдной. Казалось, что надъ прелестнымъ Кодоромъ дѣйствительно висѣло тяжелое проклятіе, которому Мондевиль пытался дать объясненіе. Вопреки величественной и разнообразной красотѣ этой долины, она наводитъ невыразимое уныніе своею мертвенностю.

Она произвела тяжелое впечатлѣніе даже и на нашихъ пустыхъ и болтливыхъ спутниковъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ виднѣлись насыпи (heaps of logs), проводники остановились и, обратившись ко востоку, пробормотали нѣсколько словъ, узнавъ смыслъ которыхъ, я почти готовъ былъ простить имъ ихъ безчестность и вранье. Должно быть когда-то здѣсь происходила страшная битва между абхазцами и воинственными жителями Кубанской долины. Насыпи обозначали могилы съверныхъ героевъ; по принятому обычаю, карачайскіе мусульмане не могли пройти мимо этого мѣста, чтобы не остановиться и не произнести молитвы надъ могилами своихъ соотечественниковъ, достойно павшихъ въ бою.

Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ спутники наши не заслуживали въ этотъ день большаго расположенія съ нашей стороны. Они

копались и медлили съ болѣе чѣмъ кавказскою безопаснѣстю, увеличивая этимъ свой трудъ, такъ какъ всякому человѣку, которому приходилось носить тяжести по горнымъ мѣстностямъ, извѣстно, что неправильное путешествіе утомляетъ гораздо скорѣе. Въ Клухорской долинѣ еще Муръ обратился къ проводникамъ съ слѣдующими словами: «Если вы будете идти хорошо и въ три дня доставите насъ въ Лату, то мы заплатимъ вамъ за четыре дня. Въ этомъ клянусь вамъ текущую водой, англійскимъ парламентомъ и всѣмъ, что для меня свято». Теперь же, когда мы напомнили имъ объ этомъ, судья кротко отвѣчалъ намъ: «Деньги вещь очень хорошая, но жизнь человѣческая дороже (при этомъ онъ сложилъ руки на своей широкой груди). Если мы будемъ идти въ ущербъ своему здоровью, то какая намъ польза отъ лишней днѣвой платы?» И такъ судья и другие проводники продолжали страшно медлить, ъли по дорогѣ дикие фрукты, какъ спѣлые, такъ и неспѣлые, съ полнѣйшимъ равнодушiemъ къ могущимъ произойти отъ этого результатамъ.

Мы однако старались увлекать ихъ всѣми средствами и къ полу-дню намъ удалось добраться до лучшей части долины, т. е. до того мѣста, гдѣ рѣка Чхалта впадаетъ въ Кодоръ. Тропинка подымается до вершины кряжа, который, образуя лѣвый берегъ притока, вдается на нѣкоторое разстояніе въ большую долину; отсюда, т. е. съ высоты этого кряжа, открывается величественный видъ на дикую, прелестную боковую долину, по которой устремляется Чхалта, на могу-чую Кодорскую долину и на очаровательную, покрытую лѣсомъ долину, открывающуюся въ Кодорскую долину съ южной стороны по-чи противъ Чхалты. Картина эта, освѣщенная полуденнымъ солн-цемъ, никогда не изгладится изъ нашей памяти. У верховья долины Чхалты возвышается красный ликъ, который представляется замѣ-чательно отвѣснымъ путешественнику, спускающемуся по Кодорской долинѣ.

Главная долина съуживается нѣсколько ниже впаденія этой рѣки; лѣсъ подходитъ ближе къ берегу и большая часть нашего пути про-легала по благодатной тѣни лѣсовъ. Проводники наши теперь были очень вѣжливы и услужливы, и совершенно отказались отъ свой-ственного имъ грубаго тона, хотя по-прежнему останавливались на каждомъ болѣе или менѣе соблазнительномъ мѣстѣ. Мы только раз-

суждали о томъ, чтобы отправить двухъ изъ нашей партии за лошадьми въ Лату, оставивъ другихъ присматривать за вещами, какъ вдругъ на открытомъ пространствѣ между деревьями мы увидали шатры, очевидно раскинутые и населенные не кавказцами. Это было временное жилище русского офицера, занимающагося съемкою и забравшагося такъ далеко въ эту диковинную местность. Понятно, что появление четырехъ путешественниковъ изъ глубины Кодорскаго лѣса не мало удивило его.

Когда же ему объяснили, кто были люди, принятые имъ за бродягъ, онъ обошелся съ нами крайне вѣжливо, подобно всѣмъ вообще русскимъ офицерамъ, попадавшимся на нашемъ пути. Сообщивъ намъ все, что было нужно, онъ весьма любезно предложилъ намъ взять съ собою до Латы находящагося при его лагерь мингрельца съ парою лошадей. Это дало намъ возможность освободиться отъ жителей Учъ-Кулана, что повидимому было обоюдно приятно. Со времени нашего вступленія на южные склоны Кавказской цѣпигоръ, т. е. съ приближеніемъ къ русскому посту, проводники наши слѣлялись вѣжливыми, даже услужливыми и предупредительными. Я сплошь сомнѣваюсь, чтобы офицеръ, находившійся въ Латѣ, могъ наказать ихъ по нашей жалобѣ; но очевидно было, что они испытывали какой-то неопределенный страхъ за свои проступки и были очень рады, когда ихъ отпустили домой, не упомянувъ объ этомъ ни слова. Такъ какъ мы разставались съ нашими проводниками по нашему личному желанію, то мы и заплатили имъ за все путешествіе, къ ихъ великому удивленію и восторгу; они были вполнѣ увѣрены, что мы значительно уменьшаемъ ихъ плату, и недоумѣвали, какимъ образомъ мы не пользуемся такими благопріятными для насъ обстоятельствами. Судья былъ совершенно обезоруженъ, когда, сосчитавъ деньги, онъ нашелъ, что мы отдали всю сумму сполна; онъ прислалъ сообщить намъ, что имѣеть сказать нѣсколько словъ, которыя и просить насъ выслушать. Мы согласились. Тогда судья обратился къ слугѣ инженера, понимавшему лучше Павла его нарѣчіе. Этотъ въ свою очередь перевѣль Павлу все сказанное судьею на мингрельскій языкъ, а Павель уже передалъ его рѣчъ намъ. Вотъ слова судьи:—«Скажите господамъ, что мы признаемъ въ нихъ благородныхъ и достойныхъ людей и считаемъ ихъ несравненно выше себя. Служить имъ было

истиннымъ удовольствиемъ для нась. Мы покорнѣйше просимъ про-
стить нась за безмысленныя и глупыя слова, произносимыя нами
двѣ ночи тому назадъ. Я пытался удержать молодыхъ людей, но они
на столько обезумѣли и разевирѣли, что не хотѣли даже выслу-
шать меня (онъ самъ былъ худшій изъ всѣхъ). Теперь же они сами
отлично сознаютъ какъ дурно они вели себя (возгласы одобренія со
стороны другихъ проводниковъ), и мы всѣ просимъ господъ простить
нась и смотрѣть на то, что мы тогда говорили, какъ на слова съ-
умасшедшыхъ и идотовъ, ничего не означающія, такъ какъ мы дѣй-
ствительно были безумцами и идотами, когда рѣшались оскорблять
такихъ достойныхъ и гораздо выше насъ стоящихъ людей. Мы были
собаками и собачьими дѣтьми, когда поступали такимъ образомъ
(апплидисменты), и въ самомъ дѣлѣ господа могутъ считать сказан-
ное нами за пиль, за грязь или за тину, приставшіе къ ихъ ногамъ
(общее одобреніе со стороны остальныхъ). Вотъ и полная и простран-
ная запитительная рѣчь этихъ необыкновенныхъ людей. Происходо-
дило ли это изъ-за гнуснаго подобострастія, вслѣдствіе того, что
имъ заплатили больше, чѣмъ они ожидали, или же дѣйствительное
рассказаніе приняло у нихъ такую неестественную форму? Весьма
возможно, что оба эти чувства руководили въ данномъ случаѣ жи-
телями Учъ-Кулана, въ которыхъ, что бы ни говорили о ихъ харак-
терѣ, была одна хорошая черта, а именно—ихъ вполнѣшее равнодуш-
іе къ пищѣ. У нихъ оставался самый ничтожный запасъ провизіи
для двухдневнаго обратнаго путешествія до Кубани, но это, пови-
димому, совершиенно не беспокоило ихъ. И таѣ, кавказцы не рабы
своего аппетита. Представьте себѣ смущеніе и яростъ партии швей-
царскихъ проводниковъ, узнавшихъ, что вся ихъ провизія на двух-
дневное путешествіе состоитъ изъ несколькиихъ несчастныхъ кусковъ
заилѣснѣвѣлаго хлѣба.

Что касается нась, то мы поторопились завладѣть мангrelъцемъ
и его выючыми лошадьми, такъ какъ до Латы оставалось еще боль-
шое пространство пути, и направились вдоль лѣса по такой отвра-
тильной дорогѣ, какую мы еще не приходилось видѣть. Это было
утомительное путешествіе; весь день былъ ужасно жаркій, а путь
пролегалъ по цѣлому ряду крутыхъ и по большей части совершено
безполезныхъ спусковъ и подъемовъ; но неожиданная вознагражде-

нія за труды и за продолжительный постъ часто идутъ рука объ руку на Кавказѣ, и подобно тому какъ въ началѣ нашего путешествія, идя по склонамъ выше Ріона, мы попали въ чудный садъ рододендроновъ, такъ и теперь нашимъ глазамъ представлялся такой восхитительный видъ, который могъ вполнѣ вознаградить насъ за голодъ и за утомительную прогулку по этой неудобной абхазской тропинкѣ. Съ небольшаго открытаго пространства въ лѣсу, съ того мѣста, где тропинка огибаетъ гору, видно было отверстіе большой долины. Вдали, у верховья, возвышались величественные, печальные, покрытые снѣгомъ, скалистые пики, ниже которыхъ, какъ-бы для рѣзкаго съ ними контраста, виднѣлись выступы и склоны роскошной, улыбающейся долины, покрытыя на всемъ своемъ громадномъ протяженіи до самаго того мѣста, где мы находились, прелестнымъ разноцвѣтнымъ лѣсомъ; еще ниже пролегали красивыя луговыя пространства, по которымъ устремлялся быстрый Кодоръ. Вся эта картина, освѣщенная лучами южнаго солнца, представляла верхъ совершенства относительно красоты вида. Этой роскошной уединеній долинѣ недоставало только признаковъ человѣческаго пребыванія. Однако, значительно ниже, мы увидали и признаки жизни: подобно русскому офицеру, недавно встрѣченному нами, и въ этой плодородной, дикой мѣстности поселился другой инженеръ, занимающійся также съемкою долины; къ его-то лагерю мы и подошли вскорѣ послѣ наступленія ночи.

Такъ какъ мы находились въ небольшомъ разстояніи отъ Латы и путь не могъ доставить особеннаго удовольствія въ потьмахъ, то мы и остановились для ночевки. Здѣсь находилось небольшое ровное пространство земли, где можно было расположиться довольно удобно, если бы лошади инженера не имѣли обыкновенія бродить по этому мѣсту и объѣдать траву. Хотя и существуетъ повѣрье, что лошадь никогда не наступить на спящаго человѣка, но на основанія моего личнаго опыта за эту ночь, я бы не совѣтовалъ путешественникамъ вполнѣ полагаться на это. Двухчасовая прогулка на слѣдующее утро привела насъ въ Лату, состоящую изъ одного большаго барака, служащаго госпитalemъ, и нѣсколькихъ красивыхъ бѣлыхъ домиковъ, построенныхъ на мѣстѣ бывшихъ здѣсь туземныхъ жилищъ. Видъ Латы, расположенной на бѣломъ неровномъ луговомъ

пространствѣ, мѣстами пересѣченномъ деревьями и кустарниками и окруженному со всѣхъ сторонъ большимъ лѣсомъ, прелестенъ; по-зади домовъ по нѣсколькимъ каналамъ устремляется одинъ изъ притоковъ Кодора. Лучшую мѣстность для жития трудно себѣ представить; но, къ сожалѣнію, на ней, какъ и на всей вообще окрестной странѣ, лежитъ страшное проклятие, тяжесть котораго намъ суждено было частью испытать на себѣ. Жаркое солнце, дѣйствуя на роскошную растительность, производитъ вредный испаренія, такъ часто наблюдалася въ особенно красивыхъ мѣстностяхъ; такимъ образомъ и прелестная долина Кодора изобилуетъ вредными міазмами. Лата отличается такимъ нездоровымъ климатомъ, что для солдатъ стоящаго тамъ гарнизона нашли необходимымъ построить госпиталь въ Цебельдѣ, находящейся нѣсколько ниже, но на болѣе возвышенной поверхности. Здѣсь больные могутъ поправляться, тогда какъ въ Латѣ выздоровленіе подѣгается крайне медленно, а иногда оно здѣсь и вовсе невозможно. Лихорадка, господствующая здѣсь, по словамъ мѣстныхъ жителей, при первомъ своемъ появлениі, рѣдко оканчивается смертью, которая часто является непрѣбѣжимъ слѣдствіемъ вторичнаго заболѣванія, и въ этомъ смыслѣ долина Кодора для многихъ дѣйствительно можетъ быть названа долиною смерти. Проходя по этой мѣстности въ жаркое лѣтнее время и проспавъ двѣ почты на голой землѣ, мы также не могли избѣжать этого бѣдствія и всѣ четверо пострадали впослѣдствіи отъ лихорадки, потребовавшей для своего развитія отъ десяти до двѣнадцати дней. Двое изъ моихъ товарищъ находились въ большой опасности уже при первомъ заболѣваніи; затѣмъ припадки по временамъ продолжали возвращаться къ нимъ, такъ какъ, подобно всѣмъ вообще лихорадкамъ и горячкамъ, эта, при неправильномъ леченіи, становится упрямымъ и непрошенымъ посѣтителемъ, окончательно избавиться отъ котораго чрезвычайно трудно. Инженеръ, въ лагерѣ котораго мы провели ночь, возвратился на слѣдующій день, также зараженный мѣстною лихорадкою. При путешествіяхъ часто приходится рисковать подобнымъ образомъ, а потому мы вовсе и не думали о лихорадкѣ во время нашего пребыванія въ Латѣ, гдѣ капитанъ Самойленскій, мѣстный комендантъ, оказалъ намъ такой любезный пріемъ, что можно было подумать, что мы его старые друзья и пріятели, а не случайные пу-

тешественники. Нужно побывать въ дикой мѣстности, чтобы вполнѣ оцѣнить подобный пріемъ при возвращеніи въ болѣе цивилизованную страну. Тифлісскія власти дали знать о возможности нашего прибытия губернатору Сухумъ - Кале, а послѣдній, въ свою очередь, сообщилъ обѣ этомъ капитану Самойленскому. Такимъ образомъ онъ зналъ кто мы были, иначе онъ имѣть бы полное право при нашемъ появленіи посадить насъ подъ арестъ, какъ вооруженныхъ и подозрительныхъ бродягъ.

Продолжать дальнѣйшій путь въ этотъ день было невозможно, а Лата представляла весьма удобное мѣсто для безопаснаго шатанья, которое бываетъ такъ пріятно послѣ труднаго путешествія.

Главнымъ занятіемъ солдатъ повидимому было пчеловодство, и вся громадная коллекція находящихся здѣсь ульевъ изобилovalа пчелами. Что мѣстные жители не ищутъ болѣе серьезнаго труда — мнѣ казалось весьма естественнымъ, такъ какъ жара въ Латѣ ужасная, а воздухъ удушливый и разслабляющій. Ночь здѣсь нисколько не прохладнѣе дня, и ни одинъ изъ нашихъ спутниковъ не былъ противъ того, чтобы поскорѣе удалиться отсюда. Благодаря любезности русскаго полковника, находившагося въ Латѣ для осмотра гарнизона, намъ разрѣшено было взять двухъ солдатскихъ лошадей, чтобы дотащить нашъ багажъ до Сухумъ-Кале. Цѣлью нашего путешествія въ этотъ день была Цебельда.

Направляясь нѣкоторое время параллельно рѣкѣ, путь затѣмъ опирается къ сѣверу и пересѣкаетъ кряжъ, выступающій далеко въ долину. Извилистый, но не трудный путь пролегаетъ черезъ лѣсъ, окраины котораго мы уже почти достигли. Съ вершины кряжа, гдѣ находится водоемъ, видны къ западу горы и долины, безспорно красивыя, но кажущіяся довольно однообразными послѣ величественныхъ долинъ Клухорской и Кодорской. Нѣсколько ниже лежитъ красавая деревня, заселенная греческими колонистами, которыхъ русское правительство водворяетъ въ этой странѣ. Отъ вершины кряжа къ Цебельдѣ идутъ два пути: одинъ изъ нихъ проходитъ черезъ греческую колонію, другой — нѣсколько лѣвѣ; по словамъ очевидно молодыхъ солдатъ изъ поляковъ, отправившихся съ нами для присмотра за лошадьми, послѣдняя изъ этихъ дорогъ лучшая. Пройдя по склону кряжа, по крайне неудобному каменистому пути, а затѣмъ по

неровной местности, мы пересъели оба рукава реки Амтикаля, через которые, къ нашему счастью, были переброшены мосты и, совершивъ еще небольшое путешествіе по слегка подымающимся луговымъ пространствамъ, мы подошли къ Цебельдѣ вскорѣ послѣ полудня.

Дорога привела насъ къ такъ называемому форту, невысокому строенію, окруженному стѣною. Вблизи находился трактиръ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, на болѣе возвышенной поверхности, стоялъ госпиталь. Утромъ, чтобы перейти кряжъ, мы направились почти къ сѣверу отъ долины Кодора, но затѣмъ путь поворачиваетъ къ западу и спускается въ долину Амтикаля, соединяющуюся съ долиною Кодора. Цебельдинское селеніе расположено на сравнительно открытой местности, выше впаденія реки Амтикаля въ Кодоръ, и господствуетъ надъ прелестными долинами этихъ двухъ рекъ, изъ которыхъ долина Амтикаля отсюда кажется болѣе поразительной. Послѣ слянія съ рекою Амтикаль, Кодоръ круто поворачиваетъ къ юго-западу и направляется къ Черному морю по местности хотя и красива, но довольно однообразной и сбыковенной въ сравненіи съ местностью, по которой онъ протекалъ раньше.

Любезный русскій полковникъ, позволившій намъ взять пару лошадей изъ Латы, находился въ Цебельдѣ эту ночь для осмотра госпиталя, гдѣ по видимому очень заботились о больныхъ, этихъ несчастныхъ, блѣдныхъ, бродящихъ тѣней, число которыхъ какъ нельзя яснѣе свидѣтельствовало о ядѣ, распространенному въ воздухѣ прелестной Латы. Вечеромъ прибыла сюда партия инженеровъ, для изслѣдованія Марухскаго прохода отъ сѣверной стороны Кавказской цѣпи до Цебельды и Сухума-Кале. Дальнѣйшей ихъ задачею было изслѣдованіе Накгарскаго прохода, о которомъ мы, относительно его пригодности для торговыхъ цѣлей, не могли дать особенно благопріятныхъ свѣдѣній. Русское правительство совершенно справедливо хлопочетъ объ установленіи удобнаго пути между Сухумомъ и страною, лежащей къ сѣверу отъ кряжа, такъ какъ до сихъ поръ единственность этой местности нарушалось только прелестнымъ теченіемъ Кодора.

На слѣдующее утро мы отправились въ путь довольно рано, такъ какъ разстояніе отъ Цебельды до Сухумъ-Кале было значительно;

намъ пришлось идти по горамъ и долинамъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ, повидимому плодороднымъ и достаточно красивымъ, но уступающимъ роскошной гористой странѣ, которую мы любовались еще такъ недавно. Путь нѣкоторое время пролегалъ по долинѣ, орошенной рѣкою Махарою, а дорога, только что исправленная и мѣстами проложенная вновь, свидѣтельствовала объ инженерномъ искусствѣ, совершенно отличномъ отъ кавказскаго. Мѣстные жигели, попадавшиеся намъ на встрѣчу, уже не выражали удивленія и любопытства при видѣ путешественниковъ, одѣтыхъ въ платья цивилизованныхъ людей. Очевидно было, что мы находились уже въ мѣстности болѣе или менѣе посѣщаемой иностранцами.

Съ трудомъ совершая нашъ путь при жарѣ, вполнѣ достойной тропиковъ и отклонившись отъ прямой дороги, мы около полудня подошли къ греческому селенію, расположенному на лѣвомъ берегу быстрого Келасура. Дома, по большей части недавно построенные, снаружи казались образцовыми послѣ хижинъ сѣверного Кавказа; внутри же ихъ, если только я не сильно ошибаюсь, проглядывала бѣдность и неопрятность. Вся мѣстность славилась своимъ вреднымъ климатомъ. Многіе изъ встрѣчаемыхъ нами людей очевидно только что поправлялись отъ лихорадки; войдя же въ одинъ изъ домовъ, я увидалъ трехъ несчастливцевъ, находящихся еще въ когтяхъ врага. Господство подобнаго рода болѣзней и изнуряющей климатъ повидимому лишили колонистовъ всякой энергіи, такъ какъ они не могли даже перебросить моста черезъ Келасуръ, который они должны пересѣкать на пути въ Сухумъ; такимъ образомъ рѣку приходится переходить вбродъ, что всегда бываетъ нѣсколько затруднительно, а послѣ сильныхъ дождей по всей вѣроятности даже невозможно.

Послѣ перехода черезъ эти быстрыя воды, съ нами приключилось горе, довольно часто случающееся съ путешественниками подъ конецъ ихъ путешествія. Мы сбились съ дороги. Мы находились уже вблизи Сухума-Кале, гдѣ и должно было закончиться наше путешествіе; достигнуть этой цѣли было нашимъ пламеннымъ желаніемъ въ настоящее время, такъ какъ мѣстность не представляла болѣе никакаго интереса и мы всѣ чувствовали въ этотъ день особенно сильную усталость. Такой жары, казавшейся еще сильнѣе вслѣдствіе удушливой, знойной атмосферы, мы никогда не приходилось испы-

тывать въ тропиковъ; да и въ области тропиковъ подобная жара бываетъ не всегда. Она положительно давила на съ послѣ освѣжающаго, прохлоднаго воздуха съверныхъ склоновъ горъ, и даже оба поляка, эти бодрые (wiry) молодые люди, привыкшіе къ жаркому климату, были сильно утомлены. Долго однако мы не могли добраться до Сухума-Кале, и такимъ образомъ на довольно продолжительное время отсрочили спускъ занавѣса при послѣдней сценѣ послѣдняго акта. Мѣсто, недавно казавшееся столь близкимъ, вдругъ сдѣлалось повидимому отдаленнымъ. Мы конечно не могли сказать, въ какомъ именно разстояніи мы находились отъ него и когда намъ удастся достичь его, хотя мы находились вблизи моря, но оно было скрыто отъ насъ. Однѣ изъ сопровождавшихъ насъ поляковъ, имѣвшій нѣкоторое понятіе объ этой мѣстности, сказалъ, что мы не увидимъ моря, пока не подойдемъ къ Сухуму, вслѣдствіе чего, понятно, мы жаждали увидѣть его поскорѣе; но съ вершинъ попадавшихъ намъ небольшихъ возвышенностей не было видно ровно ничего, кроме волнообразной поверхности земли, и по всему можно было предположить что Понть Эвксинскій находится отъ насъ въ разстояніи около ста миль.

Я былъ нѣсколько отвлеченъ отъ утомительного зноя этого дня размышеніемъ надъ вопросомъ, который невольно предсталъ передо мною и который конечно можетъ задать себѣ каждый, прочитавшій эти страницы. Насколько, спрашивалъ я себя, Кавказъ можетъ считаться доступнымъ для путешественниковъ, за исключеніемъ сибиритовъ съ одной стороны и изслѣдователей, готовыхъ на всякия лишенія и опасности,— съ другой? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно.

Многіе заявляютъ во всеуслышаніе о своей готовности на всякія лишенія, но въ большинствѣ случаевъ оказывается, что люди эти готовы на всякія лишенія, кроме тѣхъ, которыя имъ дѣйствительно предстоитъ перенести. Путешествуя по Кавказу, необходимо приготовиться къ разнаго рода невзгодамъ, если хочешь побывать въ области горъ. По съверную сторону Кавказскаго кряжа не предстоитъ, правда, особенныхъ опасностей. Здѣсь путешественнику приходится иногда ночевать подъ открытымъ небомъ, не обращая вниманія на погоду; довольствоваться самымъ отвратительнымъ помѣщеніемъ съ

значительнымъ количествомъ грязи; тащить съ собою большой запасъ живности (live stock.); обходиться безъ всякихъ алкогольскихъ напитковъ, а по временамъ даже и питаться самыми ничтожными порциями, такъ какъ хотя въ деревняхъ всегда можно достать хорошей баранины и неудобоваримаго хлѣба на одинъ день, тѣмъ не менѣе весьма затруднительно запастись достаточнымъ количествомъ пищи для двух-или трехдневнаго путешествія.

Не слишкомъ большая твердость конечно требуетсѧ со стороны путешественника для перенесенія подобныхъ лишеній, тогда какъ по южную сторону горъ, судя по тому, что мнѣ пришлось видѣть и слышать, являются болѣе значительныя невзгоды, а иногда даже и опасности. Здѣсь рискуешь захворать лихорадкою, посѣщеніе которой во время путешествія въ горахъ по всей вѣроятности опасно. Добывать провизію здѣсь крайне затруднительно, какъ потому, что у самихъ туземцевъ запасы очень малы, такъ и по той еще болѣе простой причинѣ, что мѣстность эта совершенно безлюдна. Если и можно что нибудь пріобрѣсти здѣсь, то только послѣ продолжительныхъ торговъ и насилий, такъ какъ жители южнаго Кавказа отличаются своеї болтливостью. Относительно грязи и неопрятности они превосходятъ жителей сѣвернаго Кавказа. Воровство у нихъ не составляетъ исключенія, а самый очаровательный уголокъ цѣлаго южнаго Кавказа не безопасенъ даже для жизни. Жители Сванетіи склонны къ убийству. Страхъ наказанія со стороны русскихъ обыкновенно мѣшаетъ имъ вредить иностранцамъ, но при некоторомъ возбужденіи они выходятъ изъ себя и, поддаваясь сильному естественному влечению и не думая въ ту минуту о собственныхъ выгодахъ, они легко могутъ отрубить голову путешественнику.

Поэтому мнѣ кажется, что Кавказскія горы еще не достаточно приведены въ порядокъ, вычищены и приготовлены для путешественниковъ. Безъ сомнѣнія обстоятельства измѣняются со временемъ, могутъ измѣниться даже очень быстро по сѣверную сторону кряжа, если желѣзная дорога окажетъ свое цивилизующее влияніе на измѣненіе патріархального быта магометанъ; но, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго периода времени, путешествіе по долинамъ, пролегающимъ среди величественныхъ горъ, будетъ представлять несравненно болѣе разнообразія и новости, чѣмъ прогулка въ Швей-

парію или Тироль, и поэтому такое путешествіе вѣроятно будетъ представлять много соблазна людямъ богатымъ, или ищущимъ сильныхъ ощущеній.

Для опытныхъ же путешественниковъ и для любителей спорта, въполномъ смыслѣ этого, часто злоупотребляемаго слова, та часть Кавказскаго края, которая до сихъ поръ еще совершенно не изслѣдована, можетъ показаться весьма интересною. Намъ удалось увидать часть этой области, и мы охотно познакомились бы съ нею еще болѣе. По южную сторону края, до рѣки Ингурь, на востокѣ, лежитъ громадная прелестная полоса земли со своими глубокими долинами, могучими потоками и величественными лѣсами. Въ ея же предѣлахъ къ сѣверо-западу находится Кодоръ, а къ востоку туть лѣсъ, изобилующій дичью, о которомъ съ такимъ восторгомъ говорилъ Магомедъ въ Урусліевѣ. Насколько мнѣ удалось узнать, мѣстность эта совершенно безлюдна и уединенность ея нарушается только немногими охотниками, проникающими сюда съ сѣвера за дичью. Путешественнику, намѣревающемуся изслѣдовывать эту мѣстность, конечно предстоитъ много трудностей и даже опасность отъ малярии; но чтобы посмотреть эти прелестныя, непосещаемыя долины и поохотиться за горною дичью, находящейся здѣсь въ изобилии, надо нѣсколько потрудиться и отчасти даже рискнуть. Я думалъ о томъ, что въ наши дни, когда люди путешествуютъ такъ далеко, чтобы повидать мѣстности, до сихъ поръ еще не посѣщеныя, и чтобы поохотиться въ дѣственныхъ лѣсахъ, слѣдовало бы помнить, что долины восточной Абхазіи до сихъ поръ еще слишкомъ мало известны и что обиліе здѣсь лѣсной и горной дачи могло бы служить приманкою для охотника, какъ вдругъ размысленія мои были прерваны крикомъ одного изъ поляковъ и, оглянувшись, я увидалъ Эвксинскія воды—громадную свѣтлую полосу подъ закатывающимся солнцемъ,—а вблизи въ сторонѣ прелестную бухточку и красивые бѣлые домики Сухумъ-Кале.